

С ПРАЗДНИКОМ 8 МАРТА,
ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ!

О МАТЕРИ В. И. ЛЕНИНА,

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ
ПЛАКАТ «СМЕНЫ».

Уроки
олимпийской
чемпионки.

СМЕНА

№ 5 (1387) МАРТ 1985

ISSN 0131-6656

ЗИМНИЕ ЭКЗАМЕНЫ МОЛОДЫХ ЖИВОТНОВОДОВ

Молодые.
Молодые,
но уже умеющие
работать на совесть,
уже набравшие мастерство,
полные энергии и желания
быть хозяевами
на родной земле.—
вот кто нужен
больше всего
на фермах сегодня.
Немало юношей
и девушек остаются
в последние годы
в селе. Причем
многие выбирают
труднейший участок —
животноводство.
Самая молодая доярка
комсомольско-
молодежной бригады
Аксеновской фермы
Гусь-Хрустального
района
Ольга Павлова
хорошо знает,
как много надежд
связывает хозяйство
с работой их молодого
коллектива.

НАСТРОЕН

ОБРАЩЕНИЕ

СОВЕТА ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЦК ВЛКСМ К СОВЕТАМ ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КОМИТЕТОВ КОМСОМОЛА, МОЛОДЫМ РАБОТНИКАМ ИСКУССТВ

Сегодня, когда в стране развернута большая работа по претворению решений октябрьского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС, Центральный комитет ВЛКСМ направляет организаторскую и массово-политическую работу комитетов комсомола на мобилизацию юношей и девушек агропромышленного комплекса, всей молодежи на повышение личного вклада в выполнение Продовольственной программы.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. У. Черненко на Пленуме отмечал: «То позитивное, что достигнуто на данном этапе, и то, что нам предстоит сделать, во многом связано с принимаемыми мерами по социальному преобразованию села. В заботе о людях, в создании надлежащих условий для их труда и быта, дальнейшего расцвета культурной жизни партия видит основу производственных успехов».

В год 60-летия присвоения комсомолу имени В. И. Ленина, развивая патристическое движение «Животноводство — ударный фронт молодежи!», ЦК ВЛКСМ направил на животноводческие комплексы и фермы Всесоюзный комсомольско-молодежный отряд. 64 тысячи его бойцов связали свою судьбу с одним из наиболее сложных и ответственных участков борьбы за дальнейшее повышение благосостояния нашего народа. Ныне каждый четвертый животновод в стране — в возрасте до 30 лет. От их добросовестного труда во многом зависит успешное выполнение заданий одиннадцатой пятилетки, реализация Продовольственной программы, достаток советских людей, могущество и процветание любимой Родины.

Советы творческой молодежи, молодые работники искусства и культуры под руководством ЦК ВЛКСМ союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов комсомола призваны активно содействовать решению этих задач,

способствовать закреплению молодежи на селе, усилить внимание к организации ее полноценного, содержательного досуга. Необходимо на основе договоров содружества разработать конкретные планы шефства творческой молодежи, художественных коллективов над комсомольскими организациями животноводческих комплексов и ферм.

На каждом подшефном комплексе и ферме можно сформировать библиотеку, создать музыкальный уголок, обеспечив его за счет комсомольских средств музыкальными инструментами и аппаратурой.

Делом чести каждого лауреата премии Ленинского комсомола должно стать участие в выступлениях перед сельской молодежью, в проведении Дней молодых животноводов.

Молодые писатели, кинематографисты, композиторы, художники, театральные работники должны сосредоточить силы на создании новых ярких произведений о молодежи села, поднимая тем самым престиж профессии животноводов, привлекая любовь к этому почетному труду. Комитеты комсомола эффективнее могут использовать для этой цели такое важное средство, как социальный заказ.

Ферма должна стать сегодня центром организаторской и массово-политической работы на селе. Квалифицированные молодые специалисты, в совершенстве владеющие техникой, систематически повышающие свое образование, вносящие в производство сознательную дисциплину и высокую культуру труда, вправе рассчитывать на заботу и внимание общества.

Активно участвовать в выполнении этой социальной задачи — высокий долг молодых работников искусства.

СОВЕТ ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЦК ВЛКСМ

болит душа за свое дело у тех, кто неравнодушен к нему, кто вкладывает в него все свои силы.

Несколько лет назад комсомольско-молодежные фермы в Калининской области. Не так много их тогда было. В большинстве хозяйств ломали головы над тем, как удержать молодежь на селе, а тут вдруг две молодежные фермы в соседних хозяйствах. Разные они были. Одна — уже старая да и далеко-далеко от центральной усадьбы колхоза, красный уголок — кособокая избушка рядом. Вторая — совсем новая, с механизацией, комнатой отдыха, душевыми. Райком комсомола тогда, что называется, сориентировался быстро, познакомил девчат друг с другом, и такое между ними развернулось соревнование, что любо-дорого было посмотреть. Так работали, что опытные доярки чуть ли не силком гнали их с фермы домой. А сколько было планов: и музыку у себя завести, и книги, и гостей к себе приглашать...

Трудно было им? Еще как. В морозы полопались трубы, остались без автопилот. В новенькой душевой и комнате отдыха механик поморозил батареи, и их все никак не могли поменять. И с кормами сложности, и с жильем... Но было у них настроение, было желание работать: ведь они на виду, райком комсомола за ними «приглядывает», а с трудностями обещают непременно разобраться.

А где-то через год, когда довелось поинтересоваться, как идут дела у девчат, узнал: нет больше молодежных ферм, разъехались девчата. Почему? Да потому, что обещания помогать так и остались только обещаниями. Потому, что райком комсомола, организовав две встречи молодых доярок, посчитал дело сделанным и о фермах попросту забыл, перестали на них заглядывать комсомольские работники. Вот и стала точить девчат мысль: никому мы не нужны, кончились праздники и никогда их уже не будет для нас... И пришлось руководителям этих хозяйств ходить по домам вышедших уже на пенсию доярок, уговаривать их хоть на какой-то (любой!) срок вернуться на фермы. Оказалось, что это для них привычнее, чем просто не забывать о молодых, которые сами хотели работать.

Обидный урок. И хорошо бы, чтобы пошел он впрок.

Сегодня ситуация в нашем животноводстве меняется. По комсомольским путевкам тысячи юношей и девушек разъехались по фермам и комплексам

страны. Работать в животноводство идут целыми классами выпускники сельских школ. Они молоды, им многое по плечу. От того, как они приживутся, как они будут работать, уже сегодня зависит многое. И чтобы все у них было хорошо — а все мы в этом прямо заинтересованы, — им нужно помочь.

И речь тут прежде всего о человеческом внимании к ним, к их делу. О том участии, которое согревает душу, создает хорошее настроение. Да, просто хорошее настроение. Но когда оно есть, когда ты чувствуешь на себе внимание и заботу тех, для кого работаешь, и трудности зимовки не так пугают, и работа не в тягость.

Только не должно тут быть внимания лишь на словах, нужны за ними конкретные дела.

И когда на заседании Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ шел об этом разговор, естественно, возникла мысль: надо поехать к молодым животноводам и в прямом, откровенном разговоре сообща найти ответ на вопрос, который мы часто задаем сами себе: «Чем именно можем мы помочь? В чем конкретно должно проявляться наше внимание к их нелегкому делу?»

Со специальным расчетом был выбран адрес: Владимирская область, Гусь-Хрустальный район, Аксеновская молочнотоварная ферма колхоза «Вперед». Не самое передовое, образцово-показательное хозяйство, а хозяйство, каких в России тысячи, решающее проблемы, которые заботят и многих других. Не самая современная и благоустроенная ферма, обычная, но молодежи в ней много, есть перспективы, тесно связанные с надеждой на молодые руки.

Разговор в красном уголке фермы завязался сразу, без раскани и экивоков.

— Очень хотели бы помочь вам. Можем, например, помочь с книгами, создать библиотеку. А нужна ли она? Есть ли на ферме время оторваться на книги или попросту некогда?

— Конечно, нужна библиотека. — был дружный ответ. — Только если книги будут хорошие. А еще неплохо было бы и пластинки иметь, чтобы можно было и музыку послушать, а то и потанцевать когда.

Молодые, заинтересованные лица. Естественное желание узнать, увидеть как можно больше, быть в курсе новостей литературы и искусства, беспокойное желание побывать в каких-то незнакомых краях, познакомиться с новыми людьми, понять, кто они.

— Значит, нужны не только музыка,

концерты, другие развлечения, но и серьезные беседы с интересными людьми?

— Да, очень. Ведь есть проблемы, о которых хочется узнать из первых рук. Есть люди, которым бы очень хотелось задать волнующий тебя вопрос. — писатели, журналисты, ученые.

И так во всем. Немало еще есть хозяйств, в которых красных уголков при фермах или вообще нет, или имеют они столь неприглядный вид, что затянуть туда животноводов попросту невозможно. А нынешним молодым между тем и привычной комнаты отдыха с традиционной подшивкой «Комсомольской правды», и районной газеты уже недостаточно. Мало им этого сегодня. Как быть? Искать, думать. И вот уже на встрече звучит такое предложение: в если на одну из месячных премий колхоз выпишет одной доярке толстый журнал, другой — книжное приложение премии традиционными? Стоящее предложение? По мнению заведующей фермой Надежды Кузнецовой, весьма.

И уж если мы действительно хотим сделать заботу о животноводах нашим общим делом, нельзя забывать, что многое могут сделать коллективы сельских и районных библиотек, участники художественной самодеятельности, для которых выступления перед молодыми тружениками ферм должны быть, наверное, делом куда более первоочередным, нежели участие в смотрах и конкурсах.

Искреннее внимание, энтузиазм, понимание особенностей ситуации, сложившейся сейчас в животноводстве, — все это сразу замечавшь, когда, например, говоришь с секретарем райкома партии Верой Николаевной Мамоновой. Не ждать, а действовать, сделать все, чтобы ни одна ферма не оказалась обойденной вниманием и теплом. Позиция, которая сегодня является действительно во всех смыслах партийной позицией.

Встреча на Аксеновской ферме завершилась концертом, который дали гости. А еще было совместное решение создать на ферме библиотеку, и вскоре после заседания из редакции нашего журнала на адрес фермы ушли посылки с книгами и набором грампластинок.

Нет сомнений, что в силах комсомола, в силах нашей творческой молодежи сделать жизнь молодых животноводов и ярче, и насыщеннее, и интереснее. А значит, и должно ей быть такой.

Игорь АЛЕКСАНДРОВ

МЕНЕ

Екатерина
ДЪЯКОНОВА
Морошка

Екатерина Авенировна Дьяконова живет в маленьком районном городке Советске, по-старому — в Кукарке, работает многие годы школьным библиотекарем, а хороший библиотекарь — это ведь всегда учитель — и поэтом себя вовсе не считает. И совсем не из скромности, хотя Екатерина Авенировна, сама не думая о том ни мгновения, являет собой высокий образец провинциальной русской интеллигентки, когда учительница ли, врач, библиотекарь поутру, встав вместе с крестьянами, топят печь, носят воду, разметаю́т заснеженную тропку, а потом, окруженные стаяй разновеликих учеников своих или пациентов, идут, чтобы возвысить юные души стихами Никитина и Алигьери, внушать добрые истины, врачевать, не помышляя ничуть об утраченных возможностях и неисполненных мечтах.

Нет, все в жизни таких, как вятская учительница-библиотекарь Екатерина Авенировна Дьяконова, состоялось, потому что исполнено высокого смысла: это ее знания, ее любовь к книгам, к высоким истинам засеяны в души учеников, и не чьи-то вообще, а именно ее слова и ее правду будут помнить они всю свою взрослую жизнь.

Вот потому-то Екатерина Авенировна не считает себя поэтом — хотя можно считать себя поэтом и не быть им, что, увы, не такая уж редкость, — и все же не утверждения, а только стихи идут в расчет, когда речь о поэзии. И если даже учительница считает свои стихи только уроком, преподаанным своим ученикам, то этот урок, мне кажется, достоин стать открытым уроком — для всех.

Альберт ЛИХАНОВ

Газетные «тетради»

«За отличную учебу и примерное поведение»
Надпись на школьной тетради.

Мы в войну неумело сшивали
Все «тетради» из старых газет,
И, как в сказке, для нас оживали
Будни громких и солнечных лет.

Там стахановцы били рекорды,
Через полюс летел самолет...
Улыбался победно и гордо
С фотографий хозяин-народ.

Расплывались плохие чернила
На полосках полей, между строк.
Только детская память хранила
Довоенный газетный листок.

Ход истории... Ученица,
Я ее изучала пером
По «тетрадным» газетным страницам
И по сводкам Информбюро.

...Майский радостный гром канонады.
Стали раны земли заживать.
Мне — как премию, как награду
Настоящую дали тетрадь!

И бумага была белой-белой —
Значит, правда, конец войне...
Я в тетради писать не посмела,
Сохранила до наших дней.

Зыбким мохом выстлана дорожка
Через топи гибельных болот.
Солнечная ягода морошка
В дальний путь во сне меня ведет.
Голубики наберу лукошко —
Голубым огнем пылает куст! —
Но все нет, и нет, и нет морошки...
Я ведь позабыла даже вкус.
Помню только, как она хрустела,
Крепкая, как репа, на зубах,
Горькая, совсем еще неспелая, —
С голоду грызешь, не для забав...
Север, север! Долг мой неоплатный
Я тебе, наверно, не верну.
Если надо, жизнь возьми обратно:
Это ты сберег ее в войну.
Всем, чем мог, делился понемножку.
Укрывал, кормил и одевал.
А под осень — крупною морошкой,
Не скупясь, по-братски оделял.
Я вернулась вновь к родному краю
И забыла давнюю печаль.
Только... почему-то собираю
До сих пор морошку по ночам.

СТИХИ О ВОЕН

Детские книжки

А у меня была библиотека
Еще в далеком детстве.

До войны,
Внезапным ураганом ветром века
Все эти книжки были сметены.
Отец дарил не куклы,
не конфеты —
Он только книги покупал всегда.
Читать до школы научилась где-то,
Не начиталась —

грянула беда.
Война жестоким голодом косила,
И каждый, что сберег,
на хлеб менял,
Из города, зимой, теряя силы,
Ходили по соседним деревням.
...Вернулась мама.

Медленно достала
Из старого заплеченного мешка
Кусочек хлеба, объяснив устало,
Что это вот —

за книжку Маршака.
А небольшую горсточку картошки
Ей дали за Некрасова. Потом
Раздобрились —

добавили немножко
За тоненькую книжечку Барто.
И хлеба, и картошек было мало.
Книг не вернешь.

Хоть плачь — такая грусть...
И я по крошке мерзлый хлеб ломала
И те стихи твердила наизусть,
А полочка была совсем пустая:
Ушли Чуковский, Пушкин и Гайдар...
Ушли, меня от голода спасая,
Чтоб в памяти остаться навсегда.

АРКАДИЙ КОЛЧАНОВ.
«МАЙ НА ВЯТКЕ».

Злая бабка

Память в сердце постучалась глухо,
Обожгла забытою бедой.
...Хлеб печет сердитая старуха
Из муки пайковой. С лебедой.

Я стою на кухне коммунальной.
Не мешаю,
лишь гляжу, гляжу...
Взгляд замороженный и печальный.
Надо бы уйти... Не уйду.

Знаю,
что у всех пусты сусеки —
Где там угощать да привечать!
Покосится на меня соседка
И прикрикнет строго — на внучат.

А потом вдруг сунет мне в ладошку
(Не травя ты душу, провались!)
Теплую тяжелую лепешку:
«Нюрке только не проговорись!»

Нюркин муж убит под Сталинградом.
Два босых, голодных малыша
Молча ждут своих лепешек рядом...
Злая бабка. Добрая душа!

Нет, не обронила я ни крошки.
Помнят, помнят сердце и рука
Все тепло,
всю горечь той лепешки
От чужого скудного пайка.

НОМ ДЕТСТВЕ

Керосиновая лампа

«И вечный бой!»

А. Блок

Тихоня, маменькина дочка,
Как я отчаянно дралась!
Бросалась в схватку
в одиночку,
За спинами не береглась.
Нет,
то была не просто драка —
Здесь шел
за справедливою бой!
И поднималась я в атаку,
Мой светлый мир
прикрыв собой.

За боль обид и унижений
Расплата — в детских кулаках.
Нет, я не знала поражений!
Пусть уползала в синяках...

...С собой уносим
мы из детства
Все то, что отстоять смогли,
Чтобы потом
принять наследство
Суровой матери-земли.

И снова нам
всю жизнь сражаться
С неправдой,
с подлостью любой.
И надо до конца держаться...
«И вечный бой!»
И вечный бой!..

Поступком,
словом и строками
Дерись! А схватки непросты.
И не докажешь кулаками
Своей высокой правоты.

Опять на линии авария!
Бросает лампа тусклый свет.
Та, керосиновая, старая,
Как памятник ушедших лет.

А помнишь, как она светила
И в угол отступала мгла?
Но мы росли под свет коптенок —
Ламп не было: война была.

И не хватало керосина.
Был драгоценный пузырек,
А в нем огонь неугасимый —
Мигавший вечно фитилек.

Мы уезжали. Спешно уезжали.
Верней, в войну от голода бежали
В расписанный вербовщиками рай.
О нет,
Нас здесь нисколько не держали,
На пристани платком не провожали,
Нас, покидавших свой родимый край.

И все слова уже соседям сказаны,
И все узлы давно уже увязаны,
И комната совсем-совсем пуста:
Нет ни вещей, ни устаревшей мебели,
Как будто мы здесь не жили
и не были
И для других очищены места.

Все прожито, все продано, проедено...
Не от добра
на Крайний Север едем мы:
Чужая сторона — она не мать.
И огород при доме тоже продан
С условием, что картошку с огорода
До самого отъезда будем брать.

При слабеньком, дрожащем свете
Учили заданный урок.
Учились! И никто на свете
Тот огонек задуть не смог!

Как мы читали, как читали
При этом тающем огне...
Как десять ламп купить мечтали,
Когда придет конец войне!

Ах, все давным-давно возможно...
Ну, вот и снова дали свет.
И я снимаю осторожно
Мечту мою военных лет.

Похлебка из картошки

Мелка была картошка молодая.
Мы не могли, жестоко голодая,
Ни увести ее, ни сохранить.
Сказала мать устало и сердито:
«Последний раз сварила. Ешь досыта!
Так больше мне тебя не накормить».

И съела я похлебку из картошки
На старом подоконнике — до крошки.
И робко попросила: «Мама, дай»...
И снова ела, ела, наедалась...
А там еще так много оставалось —
Такая драгоценная еда!..

Но... не могла я больше, вот беда.

О боже мой, какая это проза!
Но капали в тарелку горько слезы:
Ведь завтра же я буду голодна...
И долго-долго я с тоской жалела,
Что ту похлебку так и не доела...

До дня, пока не кончилась война.

Ведро обрата

Как люто жгли
в тот год морозы...
Дежурный раньше всех вставал.
Идешь, и застывают слезы,
И даже воздух застывал.

В лучах полярного сиянья
Сверкали сказочно снега.
Но что красоты мирозданья,
Когда ботинки на ногах!

И в колдовском
мерцавшем свете
Чужим казался каждый звук,
Как будто на другой планете,
И ни одной души вокруг,

Лишь тусклый взгляд
замерзших окон
Да ледяная тишина...
А где-то далеко-далеко
Гремели взрывы — шла война.

...Я спотыкалась, торопилась,
Чтоб в очередь не опоздать.
И достойла, и добилась!
А я мала — могли не дать.

Потом был тяжкий путь обратно.
Дойти — дорога не близка —
И донести ведро обрата,
Ни капельки не расплескав.

И я тащила эту ношу
В заочненавшем кулаке.
Не брошу... Выдержу... Не брошу!
Для нас спасенье в молоке.

Каким «Ура!» меня встречали,
Как ликовал весь интернат...
«По кружке каждому!» — кричали
Рты голодающих ребят.

Как терпеливо вымеряли,
Никто чтоб не обижен был.
(Дежурных, кстати, проверяли,
Чтоб по дороге не отпил.)

Я у плиты отогревалась,
И так в тепле хотелось спать...
А мне на доньшке досталось:
Ведро недолили опять.

НЕ ЗАБУДУ НИКОГДА

Два года регулярно читаю ваш журнал, особенно внимательно все то, что печатается под рубрикой «Детский дом — теплый дом». Спасибо вам за эти публикации.

Мне 25 лет, половину из них я провел в разных детских домах — вот почему я слежу за этой рубрикой.

Вспоминаю свое детство. Мы росли трудными, непослушными, доставляли много хлопот и огорчений взрослым. Но при всем этом наши воспитатели ничего не жалели для нас, щедро одаряли своим радушием и лаской. Сейчас, я знаю, все эти добрые женщины давно на пенсии, но в этом письме хочется поблагодарить их лично от себя и от имени моих друзей-детдомовцев. Теплота их рук и сердец остается с нами и поныне.

Я уверен: теперь нашим младшим сестренкам и братишкам, тем, кто воспитывается в детских домах и интернатах, намного лучше, теплее. Об этих отрадных изменениях, которые происходят в жизни воспитанников и воспитателей, хотелось бы узнать и со страниц «Смены». С нетерпением жду новых, интересных публикаций о детском доме.

В. ТРЕТИН, Минск.

ПЕРЕБОРИ СЕБЯ

...Очень важным мне представляется разговор, ведущийся «Сменой» под рубрикой «Нравственная норма». Это разговор о мужестве и малодушии, порядочности и бескорыстии. Если человек увидел, что рядом с ним делаются неблагоприятные дела, — надо не только забить тревогу, но и не отступать до конца, пока справедливость не восторжествует. Перебори себя! Иначе сначала испугаешься, потом и отступишь. А от страха за себя до предательства — один шаг.

Конечно, человек не становится сильным или слабым духом сам по себе. Это зависит и от семьи, и от школы — словом, от всех, кто живет с ним рядом.

**В. ЧУПЫРИН, учитель,
г. Шумерля Чувашской АССР.**

НУЖНЫ НЕРАВНОДУШНЫЕ

В каждом номере «Смены» нахожу что-то важное и полезное для себя. В прошлом году, например, я с интересом прочитал в седьмом номере очерк «Света выходит в свет», посвященный работе с «трудными» подростками. Эта проблема меня давно волнует. Я сам когда-то вплотную занимался воспитанием ребят с нелегкими судьбами, был начальником военно-спортивного объединения, созданного еще в 1978 году Первомайским райкомом Москвы. Наш лагерь находился под Можайском, в нем жили и работали более ста подростков, направленных к нам отделениями милиции, школой, ПТУ, заводскими предприятиями. Ребята и девочки работали на полях совхоза «Борисово», занимались спортом, по вечерам давали концерты художественной самодеятельности. Но бывали, конечно, и далеко не художественные «номера» — драки, побегии... Ох, как непросто было справиться порой с этой бурлящей, непокорной стихией! Увы, не все ребята встали на правильный путь, но многие бывшие «трудные» и сейчас остаются моими друзьями.

В названном мной очерке правильно говорилось, что формализм в общении с подростками совершенно недопустим. Но, к сожалению, все хорошо подчас лишь на бумаге. Иной парнишка числится на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, в райисполкоме, в школе, и шеф за ним закреплен, а результата нет. Нужен не просто контроль, а неравнодушие, искренняя боль за судьбу растущего человека. И я согласен с автором очерка: эта воспитательная работа вполне по плечу комсомольцам-энтузиастам. Важно только, чтобы шефы всегда ощущали помощь и поддержку со стороны райкомов комсомола.

**Георгий ЛАПТЕВ, инженер,
Калининград Московской области.**

О ДЕЛАХ РЕАЛЬНЫХ

Почти в каждом номере вы печатаете очерки или статьи о молодых рабочих. Бывают и рассказы о молодых инженерах, ученых. А вот очерки о комсомольских работниках встречаются реже. Да, есть такая рубрика — «Письма из райкома». Но там обычно говорится о стиле работы того или иного комитета. Хотелось бы и о конкретных людях что-то узнать. Вот, скажем, комсорг бригады, смены, цеха. Как он понимает свою общественную обязанность? Какие у него проблемы, трудности? Какую роль он играет в жизни коллектива?

На любом заводе есть комитет комсомола. Вот найти бы такого заводского комсомольского секретаря, который не «утонул» в бумагах, текучке, работает по-настоящему, с душой. То есть делает реальные, а не «бумажные» дела. И рассказать о нем на страницах «Смены».

П. ТРОФИМОВ, комсорг участка, Пермь.

В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ — ЗДОРОВЫЙ ДУХ

Я прочитал очерк Александра Бойко «Все дети наши», который был опубликован в «Смене» № 17 прошлого года. Снова подняты проблемы — в который уже раз! — о том, что истинная массовость спорта, а точнее, охват населения физкультурой и спортом еще недостаточны.

Благое дело делают Вера Самойловна и Михаил Степанович Крепкины, отдавая жар своего сердца детям с трудной судьбой, не ставя перед собой цель вырастить из них чемпионов, занимаясь подчас с явно неперспективными ребятами.

Вопросы преподавания физической культуры требуют серьезного пересмотра. Скажем прямо, не до конца решен вопрос с кадрами, не везде администрация учебных заведений считает уроки физической культуры такими же главными, как и уроки по другим дисциплинам. Мало уделяется внимания вопросам подготовки общественных физкультурных кадров. Неясна роль физической культуры в режиме школьников в группе продленного дня.

Думается, что редакция своевременно опубликовала очерк А. Бойко «Все дети наши». Хотелось бы от души поблагодарить автора за нужный материал, а супругам Крепкиным сказать великое спасибо за все то, что они делают.

**Н. ЧЕЛЦОВ,
участник Великой Отечественной войны, Рязань.**

СЕРДИЦЕ

Рисунок
Бориса
ЛЕБЕДЕВА

**Елена ФАДЕЕВА,
народная артистка СССР,
лауреат Государственной
премии СССР**

воспоминаний людей, знавших ее, я искала в ней не черты великой женщины, а именно черты обыкновенной матери своих детей.

Работа, за которую взялись мы вместе с режиссером Марком Донским, — серьезное и трепетное повествование о сложном развитии большого женского характера. Большого и в то же время удивительно простого, легко понимаемого, до конца искреннего. Страдающего и счастливого.

Многие дни провела я в раздумьях, как же сыграть, как воплотить на экране столь сложный, глубокий и в то же время очень хрупкий и нежный характер. Однажды мне пришла в голову счастливая мысль: а ведь Мария Александровна в жизни представляла собой женщину, образ которой мог бы привлечь любого из выдающихся писателей России — ведь в ней явственно видны черты и Веры Павловны из романа Н. Чернышевского «Что делать?» и Ниловны из горьковской эпопеи о рабочей матери. А главное, Марию Александров-

Восславим женщину-мать, чья любовь не знает преград, чей грудью вскормлен весь мир! Люди — это всегда дети своих матерей. Без матери нет ни поэта, ни героя».

Эти прекрасные слова Алексея Максимовича Горького вспоминала я очень часто, когда мне, актрисе, выпало трудное счастье создать на экране образ самого близкого, самого дорогого Владимиру Ильичу Ленину человека — его матери. Постигая образ Марии Александровны через множество прочитанных книг, документов,

МАТЕРИ

ну Ульянову роднит с ними высокая готовность к самопожертвованию. Это ли не ключик к постижению характера человека?!

Был момент, когда я поняла, что к роли Марии Александровны Ульяновой бессознательно шла всю жизнь. Для меня в ее образе тема незаметного героизма матери сконцентрировалась предельно. Если в начале фильма моя героиня только добрая мудрая мать шестерых детей, то постепенно, от события к событию, от испытания к испытанию, Мария Александровна обретает мужество, становится действительно героической женщиной.

Пережить столько горя: скоропостижную раннюю смерть любимого мужа, трагическую гибель старшего сына Александра, казненного царскими палачами, смерть девятнадцатилетней дочери Ольги, аресты и ссылки дочери Анны и сына Владимира — и не потерять при этом до конца своей жизни бодрости духа и силы воли — не ярчайшее ли это свидетельство того, как в простой матери тесно переплелись великая материнская любовь и великое материнское терпение, желание видеть своих детей счастливыми и умение их утешить, когда они страдают, обычная материнская слабость и величайшая сила духа.

Я как-то задумалась: ведь Мария Александровна родилась в тысяча восемьсот тридцать пятом году. Когда ей было 14—15 лет, многие из сосланных декабристов были еще живы. Наверняка на ее пылкий ум повлияли идеи декабризма, как бы войдя в ее суть. Ведь для Марии Александровны и Ильи Николаевича было свойственно высокое понимание долга как чего-то неперемennого, обязательного для каждого человека. Это ощущение долга как радости они внушали, передавали своим детям. Стихи казненного поэта-декабриста К. Рыльева заучивались в семье наизусть и распевались хором. Шли разговоры о негнбимой воле Чернышевского, мученической смерти Рыльева, бесстрашии Добролюбова и Писарева, многих других прогрессивных деятелей того времени. Все это и создало ту почву, на которой потом, позже, вырос и сформировался гений Владимира Ильича Ленина. Перед нами стечение уникальных обстоятельств семейного воспитания: это и разносторонняя образованность родителей, и их ежедневный пример в глазах младших, тепло и доверие к детям, каждого из которых родители с раннего детства считали личностью.

Мария Александровна обращалась с детьми как со взрослыми и, если было нужно, как перед взрослыми извинялась перед ними. Так достигался максимум понимания у детей, вырабатывалась правильная оценка своих поступков. Не только она, мать, доверяла своим детям, но и дети доверяли ей. И так было не только в детские годы. Будучи уже взрослыми людьми, находясь далеко от родительского дома, каждый из Ульяновых всю жизнь хранил доверие и тепло к матери.

Чем дальше с возрастом, тем больше и прочнее углублялось духовное общение между детьми и матерью. То и дело Владимир Ильич сообщает матери: «Я теперь отвлекся от своей главной работы писанием одной статьи», «Вскоре рассчитываю получить известие от ре-

дакции насчет посланной туда статьи», «Посылаю еще несколько маленьких поправок к пятой главе. Корректуры очень прошу высылать мне по листочку... чтобы я мог просмотреть». Мать, движимая великой любовью к сыну, была ему всегда и во всем опорой. Дело его жизни она считала и своим делом.

Мария Александровна Ульянова никогда не состояла ни в какой революционной организации, царское правительство не заключало ее в тюрьму, жандармы не угоняли в ссылку. Но всех своих шестерых детей она воспитала настоящими революционерами. И, уже достигнув преклонного возраста, а Мария Александровна прожила большую жизнь — восемьдесят один год, она пошла за своими детьми, стала их верным единомышленником и могла сказать: я горжусь своими детьми!

Будучи опорой, помощником своих детей во всех их делах и устремлениях, Мария Александровна, часто оставаясь одна, привыкла писать письма, словно разговаривала с детьми. И чаще всего младшей, Маняше: «Родная моя, будь осторожна, главное, береги здоровье... Если нуждаешься в деньгах, пиши: что мое, то твое».

Но все же больше других она тревожится о Владимире Ильиче: «Как он напрягается! Так его ненадолго хватит!» В этих строчках Марии Александровны слышна боль материнского сердца, бьющегося в унисон с сердцем Ленина — боль сердца великой матери, матери вождя.

«Мамочка!» — ласково называл Владимир Ильич свою мать в детстве.

«Дорогая мамочка», — обращался он к ней в письмах из тюрьмы, из ссылки, из эмиграции.

«Берегите нашу мамочку, не оставляйте ее одну», — напоминал он сестрам и брату.

Сколько заботы, искренней сыновней любви к матери ощущаем мы в этих ленинских строчках. Занятый решением серьезнейших вопросов современности, Владимир Ильич постоянно обращался в мыслях к матери — своему советчику и другу, делясь с ней в трудные моменты своей жизни самым сокровенным.

Никто и никогда не видел мать Владимира Ильича Ленина слабой. Даже накануне смерти, чувствуя уже слабость и боль в сердце, она усилием воли гасила в себе недомогание и думала только о судьбе своих детей. Владимир Ильич жил в эмиграции, но Мария Александровна верила: «...если бы он приехал, все стало бы хорошо. Не только дома. Вообще. В мире. Она знала: труд его тяжел и так велик, что отринет все плохое, потому что он не один, как Саша, а с ним весь народ. И настанет мир. Если бы можно было проснуться через несколько десятков лет и посмотреть, что будет тогда на земле, как будут тогда жить люди! Увидит ли она, как победит дело ее детей?!» — так описывает в «Повести о матери» Елена Вечтомова последние дни жизни Марии Александровны.

Мать продолжается в своих детях. И даже если бы Мария Александровна родила всего одного сына, то и тогда жизнь этой замечательной русской женщины можно было бы приравнять к великому подвигу, ибо она подарила миру его гения — Владимира Ильича Ленина.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1387) МАРТ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Елена Буряк —
дипломница
живописно-
художественного
отделения
профтехшколы
в Холуе.

Фото
Вадима
НЕКРАСОВА.

- 1 «НАСТРОЕНИЕ». Зимние экзамены молодых животноводов.
- 2 НОВОЕ ИМЯ. Екатерина Дьяконова. СТИХИ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ.
- 4 К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. УЛЬЯНОВОЙ. Елена ФАДЕЕВА, народная артистка СССР. «СЕРДЦЕ МАТЕРИ».
- 6 Сергей ВЕТРОВ. «НА МОРЕ И НА СУШЕ».
- 8 БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ. А. РЫБАКОВ, академик АМН СССР. «...ДА ЗУБ НЕЙМЕТ».
- 9 Рассказ Валентины ДОРОШЕНКО «А ПОТОМ ИЗУЧУ ИСПАНСКИЙ...».
- 12 Мария БОГДАНОВА. «И БЫЛЬ И ВЫМЫСЕЛ СОШЛИСЬ В УЗОРЕ ТОНКОМ».
- 14 ДИСЦИПЛИНА ТРУДА. Андрей ФАРУТИН. «ПОСЛЕ ПРОГУЛА».
- 16 НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЬНОМУ ПЛАКАТУ «СМЕНИ».
- 18 ЖИВАЯ ПАМЯТЬ. Владислав ЯНЕЛИС. «ВОСХОЖДЕНИЕ К ПОДВИГУ».
- 22 НРАВСТВЕННАЯ НОРМА. Павел ЕМЕЛИН. «ПЕРВАЯ КАПЛЯ».
- 24 Галина АКСЕНОВА. «ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ».
- 27 Повесть Владимира АЛЕКСАНДРОВА «ВИЛЛА В ЛОЗАННЕ».
- 31 ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН. «НА ЛЕД ПРИГЛАШАЮТСЯ...».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

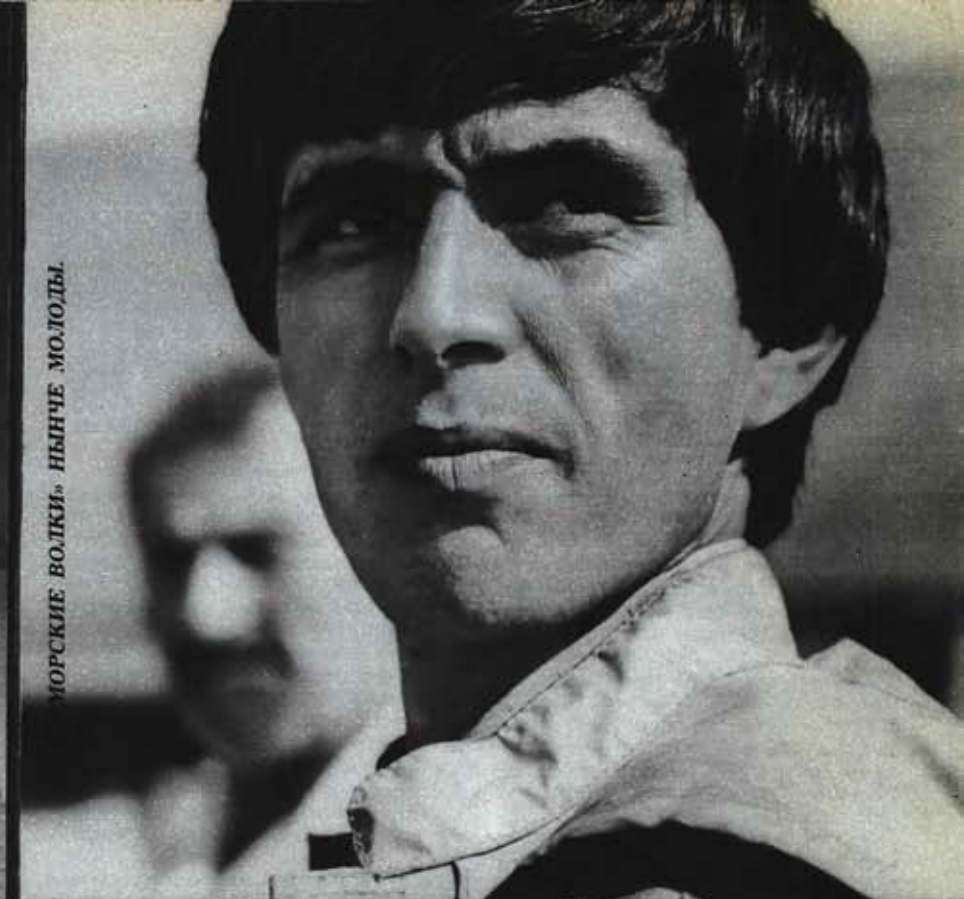
Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

СЕЙНЕР
ВЫШЕЛ НА КОСЯК.

МОРСКИЕ ВОЛКИ. НЫНЧЕ МОЛОДЫ.

ЖИРО НА КОРАБЛЕ.

Н айти это место на карте очень легко: берег Каспия рядом с иранской границей. Астара, Ленкорань, а вот и Нариманабад.

Здесь находится рыбокомбинат имени Нариманова. У входа скульптура — могучий рыбак с осетром в руках. Нет, осетров тут давно не ловят. Вообще-то здесь ловят кильку. Но монумент переделывать не стали.

Вечер. До выхода в море полчаса. Рыбаки сидят в чайхане, допивают чай с маленькими кусочками колотого сахара. Последний глоток. Пора.

Восемь сейнеров кильватерной колонной выходят на промысел.

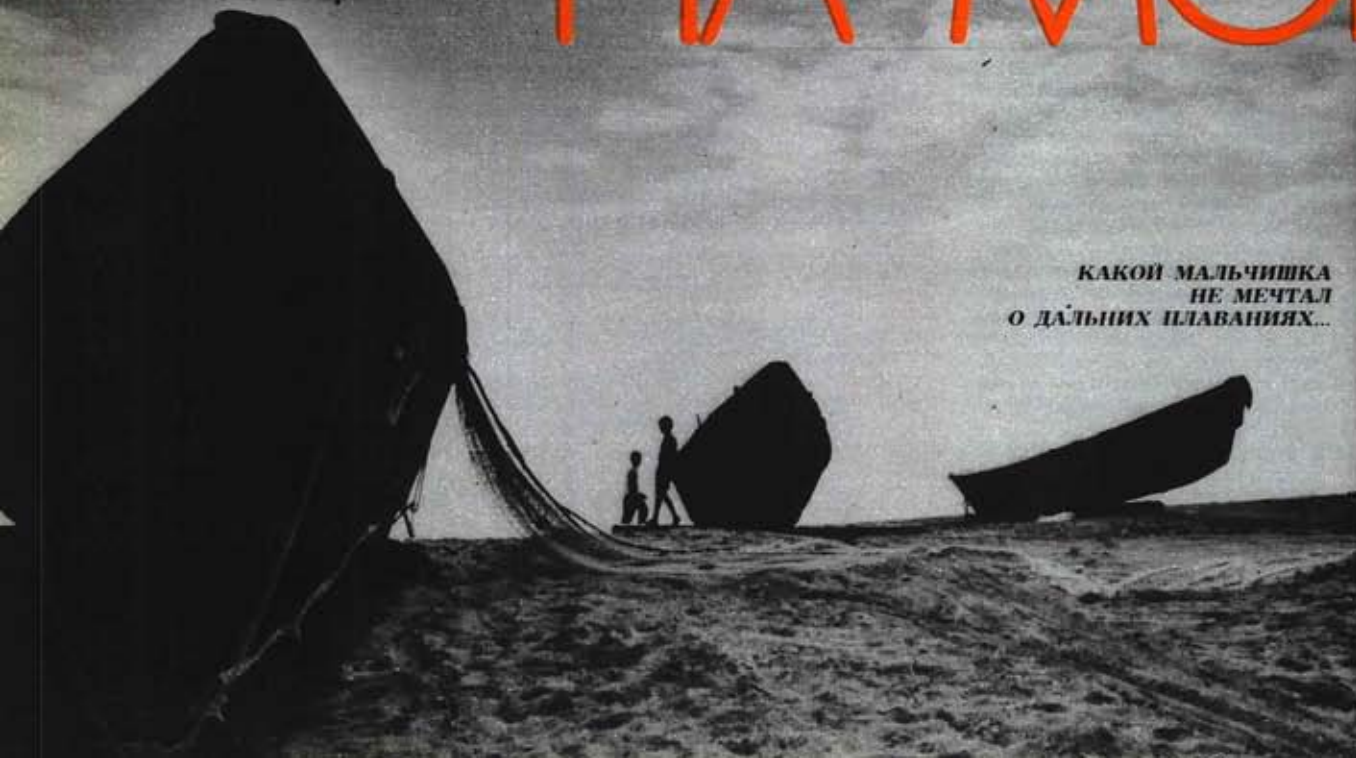
На палубе сейнера «Комсомолец» тесно, пустые ящики сложены в штабеля. Если повезет, к утру они будут полны рыбой. До места промысла идти недолго — часа три. Каждый коротает это время по-своему. Моторист Валя Артищев чистит кефаль на ужин, старпом Ихтияр Куламов возится с лебедкой, матросы Ханлар Кулиев и Муса Алекперов скоблят палубу, убирая следы вчерашнего лова. Ну, а мы со старшим

Сергей ВЕТРОВ,
специальный
корреспондент «Смены».

Фото автора

НА МОРЕ И

КАКОЙ МАЛЬЧИШКА
НЕ МЕЧТАЛ
О ДАЛЬНИХ ПЛАВАНИЯХ...

механиком Анатолием Карнауховым стоим на корме.

— Хорошая погода, ни облачка.

— Это и плохо — отзывается Анатолий. — Будет яркая луна. Рыба отвлекается. Луна, чайки и тюлени — вот кто нам мешает.

Карнаухов рыбачит уже пятнадцать лет. Начиная матросом, вырос до стармеха. Семья рыбацкая: далеко на севере, в Баренцевом море, на плавбазе работает брат. Недавно впервые вышел в море и сын Анатолия. Жалеет Карнаухов, что не на одном судне работают. Сын по профессии электромеханик, а на «Комсомольце» такой должности нет. Рыбацких династий на комбинате много, и немудрено. Нариманабад — поселок небольшой, других предприятий нет, да и мальчишки здесь с детства мечтают о море. Не все, правда, становятся рыбаками.

Экипаж сейнера — восемь человек. Работают в две вахты. Первая до двух ночи, потом вторая. После ужина ребята

из второй вахты разберлись по каютам — послать сил набраться. Все, кроме матроса Амиля Гасанова. Он новичок в команде, только вернулся из армии.

— Спать не хочется — он застенчиво улыбнулся — звезды, луна. Красота какая. Повезло мне. Не верится даже. Ему действительно повезло. Он попал в самый лучший экипаж комбината — дружный, опытный, сплоченный. Если Амиль придется здесь ко двору, о его будущем можно не беспокоиться. Он это понимает и работает, что называется, не за страх, а за совесть.

Впрочем, стараются здесь все, независимо от стажа. Так уж на «Комсомольце» повелось. Так работает его капитан.

Али-Рза Керимов. Двадцать пять лет в море. Начал рулевым. Абсолютный авторитет для экипажа. Немного словен, спокоен. Бродит бы и не командует — так, тихо скажет что-то одному, другому. Сейчас он внимательно вглядывается в показания эхолота. «Комсомолец» сбавил ход. Идет поиск.

— Это мальки, — Керимов показывает на медленно ползущую из эхолота ленту, покрытую непонятными узорами. — Они нам не нужны. А вот косяк, но небольшой.

Тихо. Только эхолот шелкает. Другие суда уже астаги, начали лов.

— Наш капитан гордый, — шепчет мне Ханлар, — там, где все ловить не станет.

Над водой скользит с берега луч прожектора. Рядом граница. Какое-то странное фырканье раздалось за бортом. Тюлени! Один, два, десять, пятнадцать.

Первая вахта заняла свои рабочие места. Яркий свет высветил палубу. Капитан стал к лебедке, и трал — огромный синий конус, похожий на перевернутый колпак звездочета с блестками рыбок, застрявших в ячейках — медленно пошел вниз. Вскоре он исчез под водой, вспыхнули укрепленные в нем мощные лампы, и вода за бортом стала ярко-зеленой. Тюлени подплыли вплотную. Конус идет вверх. Теперь на его конце образовался серебристый шар. Это килька. Ханлар открывает заслонку — и живой дождь, сверкая, льется в большое корыто. Ханлар хватается лопату и густо посыпает бурой солью живую, трепещущую массу. А Керимов вновь отправляет конус за добычей. Муса Алекперов заполняет соленой рыбой левый ящик, второй, третий. Работа идет без передышки. Трал вниз — изумрудная вода, трал вверх — серебристый дождь. И так всю ночь напролет. Команда работает молча. Слова не нуж-

ны трудностями. — Тут он махнул рукой и перешел на нормальный язык. — Не любит нашу кильку торговаля. Представьте, небольшой магазин. Поставили в рыбном отделе эту самую бочку. Один день — пять кило продали, другой. А потом рыба, мягко выражаясь, теряет товарный вид. А хранить ее негде.

Да, картина знакомая.

— А рыба есть выход! — Хаджиханов достал банку и начал яростно орудовать консервным ножом. — Попробуйте! Это пресервы. Мы их выпускаем, но мало. Здесь и гвоздика, и перец, и мускатный орех — разные специи, короче. Вкусно? С отварной картошечкой, а? Или вот — Он открыл картонную коробку. Там лежали бронзовые колпачки — тоже выпускаем и тоже мало. А ведь такая копченая килька нарасхват пойдет. Мы многое могли бы. В Ленкорани живем, советские субтропики. Овощей, зелени навалом. Открываете баночку, в там веточка зелени, рыбки в каком-нибудь особенном соусе. Я поеду в Москву, запишусь на прием к министру. Не уйду, пока не примет. Нам нужен консервный завод. Иногда думаю: а мне-то что? План выполняем, перевыполняем. На выставке достижения народного хозяйства в Москве есть Всесоюзная доска почета. Там золотыми буквами: «Рыбокомбинат имени Нариманова». Что еще нужно? Но ведь так хочется, чтобы людям нравилось то, что мы делаем. И ведь все для этого есть: рыба в море — рядом. Много рыбы. Бухта — тихая, удобная, суда могут стоять у пирса в самый лютый шторм.

Наконец, люди есть. Но вы знаете нашу главную проблему? Нечем занять молодежь. Комбинат не расширяется, в море рабочих мест нет, на берегу — тоже. Кончат молодежь школу — куда деваться? Парни уезжают. Девушки остаются. Ну, не принято у нас, чтобы девушка до свадьбы покидала родительский дом. Вот и сидят, ждут суженых. Триста невест без женихов. А если бы мы расширились... Новые рабочие места, парни возвращаются, девушки находят свое счастье, продолжают рыбацкие традиции, страна получает первоклассную продукцию. Но почему-то приняли решение реконструировать другое предприятие, которое наладит дышит, и с планом там плохо, и кадры взять неоткуда.

Об этом я уже слышал в Баку, в производственном объединении «Азербайджанрыбхоз».

— Мы делаем ошибку. Конечно, расширять надо именно Наримановский комбинат. Это все понимают.

Да, понимают, но... Пока ситуация не меняется.

— Вряд ли успеем, — сомневаюсь я — другие суда уже давно пошли домой.

— Мы их перегоним! У нас мотор знаешь какой! — Настроение у Анатолия великолепное. — Хороший мотор — это главное.

Он скрывается в машинном отделении. «Комсомолец» полным ходом идет к берегу, уверенно обгоняя другие суда. Стармех прав, хороший мотор — большое дело.

Нелегко рыбацкий труд. И какая же несправедливость, когда плоды этого труда гнутся зря, не достаются людям. Экипаж «Комсомольца» умеет работать, но вот не в его силах принять решение о реконструкции комбината имени Нариманова. Давно уже пора объединениям «Азербайджанрыбхоз» и «Каспрыба» от меланхолической констатации факта: «Мы делаем ошибку» — перейти к энергичному ее исправлению. Рыбаки, молодежь Нариманабада ждут этого.

НОЧНАЯ ВАХТА.

НА СУШЕ

ны, каждый точно знает, что должен делать.

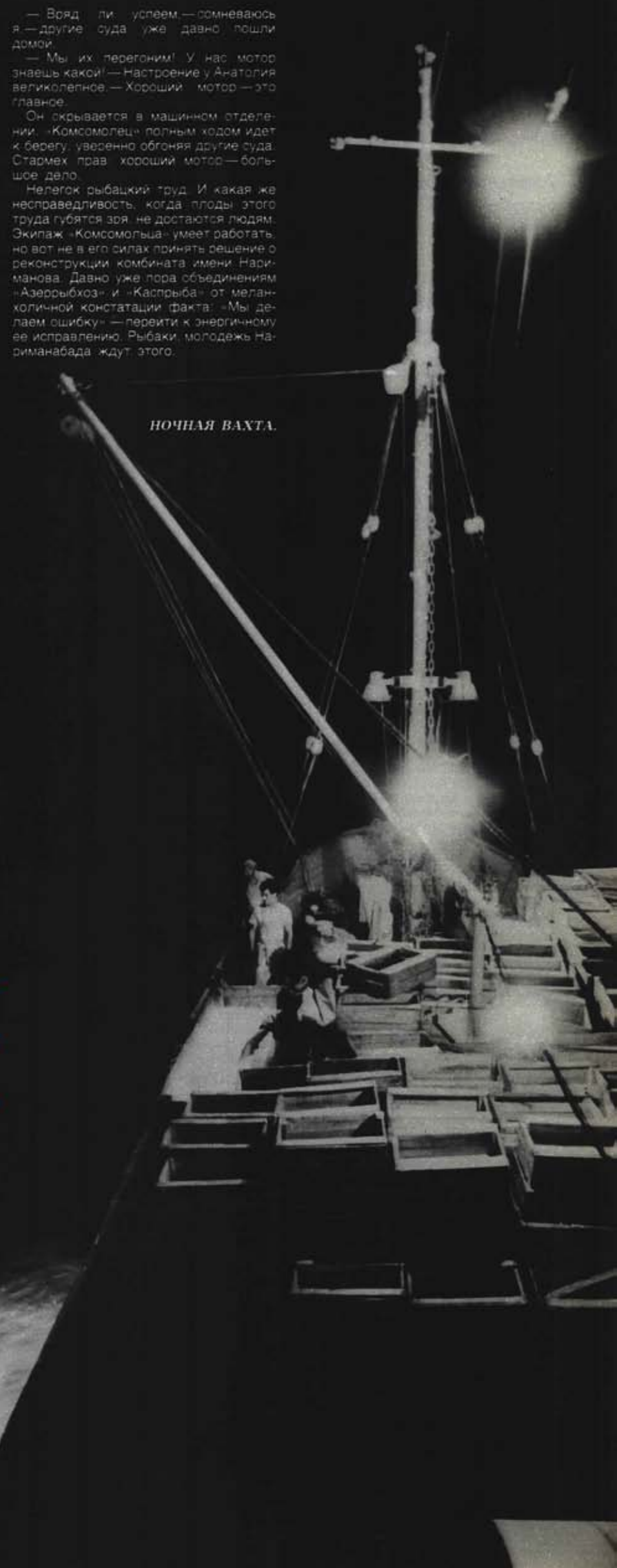
Пустых ящиков все меньше. Первая вахта подходит к концу. Из кают, позевывая, выбирается следующая четверка. Ничего, с такой работой сон как рукой снимет. К лебедке становится Карнаухов, и все начинается сначала. Конус вниз, конус вверх... Первая вахта пьет чай в кубрике. У Мусы дрожат от усталости руки, но он улыбается.

— Сегодня косяк приличный попался! И я понимаю его радость — на славу потрудившегося, сделавшего хорошо свое дело человека. Довольна и вся вахта. Но не идет у меня из головы вчерашний разговор с директором комбината Владимиром Хаджихановым.

— Наша солено-пряная пищевая продукция (это он кильку имел в виду), затаренная в пятидесятилитровую деревянную тару (в бочки, значит), на сегодняшний день не пользуется спросом у населения, реализация ее сбытовыми организациями связана с больши-

А в открытом море свежий воздух. На палубе «Комсомольца» выстроились ящики, полные рыбой. Ночь пробежала быстро, рассвело, море стало розовым. На волнах умиротворенно покачиваются отъехавшие тюлени.

— Теперь в темпе домой, — говорит Карнаухов. — Важно успеть раньше всех. Первыми придем, значит, первыми сдадим рыбу и первыми пойдем отдыхать.

...ДА ЗУБ НЕЙМЕТ

Анатолий РЫБАКОВ,
академик АМН СССР

ВНИМАНИЕ К СЕБЕ

Своевременно оказывая помощь людям, главным мы все же по-прежнему считаем профилактику. Хорошие зубы — это не только красивая улыбка, это и здоровый желудок, и хорошее общее состояние здоровья.

Болезни зубов могут сопровождаться болезнями желудка, кишечника, печени и других органов. Уже врачи древности понимали эту взаимосвязь.

Современная наука обогатилась точными методами исследований, появилась возможность регулировать многие процессы. Установлено, что болезнь зуба сопровождается повышенной функцией желудка, например, выделением соляной кислоты. И стоит врачу «потерпеть зуб», как тут же начинается реакция в кишечнике.

Ряд болезней желудочно-кишечного тракта, системы крови и сердечно-сосудистые заболевания проявляются в полости рта в виде заболеваний зубов, язвенных образований слизистой оболочки. И мы ориентируем врачей лечить не только больной зуб, а, как говорится, смотреть в корень, то есть искать причины заболевания.

Именно в юношеские годы, когда организм только еще формируется, надо обращать особое внимание на эту взаимосвязь, следить за гигиеной полости рта. Рот — это входные ворота организма. Если заразные микробы попадают в полость с воздухом, с пищей, здоровая слизистая оболочка, здоровые зубы, клетки — все это преграждает вход болезням. Когда же возникает болезнь слизистой оболочки, зубов — это необыкновенно опасный для организма очаг инфекции.

Недомогание, апатия, плохой сон, отсутствие аппетита. Каждый человек испытывал это не раз. Но мало кто искал причину в болезни зубов. А стоит только устранить микробный очаг — часто недомогание исчезает.

Если человек нездоров или ожидает операцию, больные зубы могут усугубить протекание любой болезни и непредсказуемо повлиять на ход и последствия любой операции. Опытный врач никогда не берется лечить, тем более оперировать, не проверив у пациента полость рта.

Бывает, и предболезненное состояние ротовой полости, например, нарушения функции жевания, тоже приводит к болезням желудочно-кишечного тракта. Человек плохо пережевывает пищу, она недостаточно обрабатывается ферментами. А ведь ротовая полость — это химическая лаборатория, и когда она действует нормально, то полноценно работает и желудочно-кишечный тракт.

Своих пациентов мы узнаем иногда даже издали. Это нередко студенты; питаются они в основном бутербродами, едят на ходу, не соблюдая режима. А организм очень чувствителен к этому, и где-то в глубине его включается машина будущей болезни.

Молодость — прекрасная пора, все получается быстро, легко и просто. И вдруг — язва желудка! Колит. Гепатит. «Доктор, откуда у меня это?..»

Казалось бы, мелочь — пережевывание. Но если пища жуется кое-как, не обрабатывается слюной, то желудку приходится перерабатывать большие

куски, что несвойственно его природе. В результате желудок непомерно расходует свои средства, ресурсы его истощаются, и это приводит к тяжелым последствиям.

А теперь о чувствах, которые люди испытывают к нам, стоматологам. Нас ведь боятся все: и большие, и маленькие.

Боязнь эта пришла из древности и держится упорно, хотя давным-давно многое изменилось в нашей профессии и в методах, которыми мы пользуемся. Отсутствие обезболивания включало все защитные механизмы организма и все комплексы, с которыми связан зубной нерв. Зубной нерв обладает необыкновенной чувствительностью. Зубная боль подчас заглушает другие боли. Сегодня мы имеем обезболивающие препараты. Но важно не забывать о том, что чем раньше человек обратится к стоматологу, тем меньше болезненных ощущений его ожидает. Ведь боль можно предупредить.

Теперь — о факторах риска. Первый — это определенный возраст школьника, семь-восемь лет, назовем его первым этапом. Это критический возраст для болезни зубов: происходит перестройка эндокринной и нервной систем, и болезнь зуба может все усугубить. Второй этап — двенадцать — четырнадцать лет; начинается половое созревание. Перемены в организме происходят невероятные! Болезни челюстно-лицевой системы тут очень опасны. Ее формирование может пойти неправильно, как бы уходя в болезненную сторону, и выправить это потом уже очень трудно.

Учитывая такую тесную взаимосвязь, стоматологи стараются снизить опасность указанных периодов. Опасность усугубляется и тем, что дети и подростки не понимают этого, и всю ответственность за контроль должны взять на себя воспитатели детских садов, родители и педагоги.

Принципиальный вопрос: удаление зуба. Когда мы слышим непреклонное: «Удаляйте!» — всегда стараемся разъяснить два важных обстоятельства. Во-первых, потеря каждого зуба сразу сказывается на процессе жевания, а это, в свою очередь, на работе желудка. Во-вторых, любое протезирование, которое, хотя и достигло высокого уровня, никогда не заменит своих зубов. Многие люди, особенно из числа молодых, полагают, что во рту тридцать два зуба и можно без особых потерь удалить несколько. Не торопитесь. Каждый зуб живет вместе с организмом и выполняет очень большие функции. Искусственный же зуб играет в основном только косметическую роль.

Система стоматологического воздействия в нашей стране построена таким образом, чтобы обнаружить заболевание и помочь человеку как можно раньше, с самого детства.

Предупреждение стоматологических заболеваний — это организационные мероприятия в школах, вузах и на предприятиях, позволяющие проводить профилактические меры по санации и гигиене полости рта, а также применение средств, предупреждающих развитие болезней, и специальные диеты. В стране начала проводиться всеобщая диспансеризация. Все население и прежде всего молодежь должны знать, что это такое, какими средствами, где, когда проводится диспансеризация, чтобы выявить имеющиеся заболевания.

Я обращаюсь не только к молодым читателям, но и к молодым родителям.

Пожалуйста, возьмите на заметку нашу рекомендацию: зубы ребенку надо чистить с трех лет! И он должен уметь это делать сам!

У нас нет сомнений, что планомерное внедрение комплексной системы профилактических мероприятий — при активной заинтересованности всего населения — позволит уже в течение ближайших лет снизить заболеваемость кариесом зубов до 40—50 процентов.

О ЧЕМ НАДО ПОМНИТЬ

Несколько лет назад у нас в стране — в пяти городах — был проведен эксперимент, доказавший высокий эффект профилактических мер (50 процентов снижения заболеваний).

С января этого года по всей стране начинается реализация комплексной программы профилактики стоматологических заболеваний. Одно из главных ее направлений — санитарно-гигиеническое воспитание населения.

Изменение режима питания. Снижение потребления сахара и сахаросодержащих продуктов. Доказано, что одно только снижение потребления сахара уже приводит к резкому сокращению заболеваемости кариесом.

Применение местных средств для предупреждения кариеса зубов в регионах, где в воде содержится мало фтора. Для этого строятся фтораторные установки и — только по назначению врача — применяются фторсодержащие средства.

Санитарно-гигиеническое воспитание населения обязывает каждого осознанно соблюдать гигиену полости рта. Каждый должен сам уметь и быть способен правильно научить этому детей и подростков.

Обследование, проведенное сотрудниками ЦНИИ стоматологии, показало, что только 35 процентов педагогов и родителей знают основы гигиенического содержания полости рта, и только 4 процента из них пользуются этими правилами в соответствии с требованиями профилактики.

Зубная щетка у каждого должна быть индивидуальной и соответствовать возрастным особенностям. Лучше всего с искусственной щетиной: в натуральной щетине могут сохраняться микроорганизмы. Щетки должны быть трех степеней жесткости: средней жесткости и мягкие — для маленьких детей и людей, страдающих заболеваниями десен, жесткие — для людей со здоровыми деснами. Щетки из искусственной щетины должны заменяться трижды в год. Особенно если имеется деформация щеточного поля и изменение формы.

Зубная паста. Это не только косметическое и парфюмерное средство. Каждая паста имеет свои показания. Есть пасты, очищающие и освежающие полость рта, — гигиенические. Есть лечебные. Лечебно-профилактические пасты служат для профилактики и лечения заболеваний, их рекомендует стоматолог, поскольку они содержат различные лекарственные добавки.

Противокариесные пасты содержат вещества, направленные на укрепление зуба.

Зубы надо чистить два раза в день не менее трех минут: после первого и последнего приема пищи.

Сегодня уровень культуры региона измеряется потреблением зубной пасты.

Буквально с детского сада каждый ребенок должен усвоить правило на всю жизнь: хочешь быть здоровым — береги зубы.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Заболел зуб. Как правило, мало кто придает этому серьезное значение. А молодым — им всегда и некогда адобавок. «Пустяки, можно потерпеть», — говорят они, — на общем состоянии организма это не отражается». На самом деле это гораздо сложнее. Подобные «пустяки» в ряде случаев приводят к тяжелейшим заболеваниям внутренних органов и систем организма. Болезнь из зуба переходит на жизненно важные органы; воспалительные процессы могут проникнуть и в сердечную область, вызывая так называемый микодистинит. Микодистинит преимущественно поражает молодых людей, у которых болят зубы нижней челюсти. Сегодня такое заболевание не редкость.

Болезни полости рта делятся на три группы: кариес зубов, заболевания пародонта (ткани вокруг зуба) и деформации челюстно-лицевой системы.

Наиболее распространен кариес.

Меньше всего кариес проявляется у населения Армении, Грузии и Тувинской АССР. (У каждого жителя в среднем поражен один зуб.) В Азербайджане, Киргизии, Молдавии, Дагестанской АССР — три-четыре. Наибольшая поражаемость в РСФСР. В УССР у каждого жителя поражено до шести зубов.

Во всех регионах страны отмечено неблагоприятное состояние зубов и десен у населения. Одновременно зафиксирована тенденция к увеличению этой патологии, особенно среди детей и молодежи. Если, к примеру, в Мурманске десять лет назад в среднем у каждого жителя было поражено три зуба, то сейчас — четыре.

На одного школьника в возрасте двенадцати лет в Риге приходится более шести пораженных кариесом зубов, в Москве — три, в Узбекистане — два.

Основная причина кариеса — пониженное содержание фтора в воде. Способствует заболеванию и несбалансированная пища (в которой преобладает сахар). По предварительным данным, в Прибалтике на душу населения приходится до двадцати пяти килограммов сахара в год. Это очень много! Пирожные и сладости тоже оказывают плохую услугу.

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

а потом цзучу испанский..»

Валентина ДОРОШЕНКО

РАССКАЗ

М

а, где мой циркуль? Ты слышишь? Ну где, где мой циркуль? Конечно, не слышит. Болтает по телефону. А дверь закрыта: значит, с ним. Очень хорошо. Просто замечательно! У нее есть Он. Отлично. Пять с плюсом. И что же она ему спешит сообщить?

— Нет, сегодня не смогу... никак... не получается...

А что у тебя получается? Что ты вообще смогла в этой жизни? Врываюсь в кухню, начинаю греметь посудой, хлопать дверцами шкафов, ящиками. Потом заявляю: «Мне нужен телефон».

— ...Ну, пока, Оль. Тут Юльке телефон понадобился.

«Оль»! За дурочку меня принимает! Думает, не понимаю, что «Оль» следует читать «Олег». Маленькой все еще меня считает...

— ...Пока! До завтра...— И торопливо вешает трубку. И немедленно начинает суетиться по кухне: кастрюльки-мастрюльки. Изображает категорическую занятость и озабоченность. А в глаза мне все же не глядит. Значит, правильно: никакая не «Оль». Олег.

— Что тебе сегодня на третье приготовить, доченька? Компот или кисель?— спрашивает так ласково, так заботливо, будто бы это единственная цель всего ее существования: приготовить мне третье.

— Чай,— отвечаю коротко и ухожу из кухни.

За спиной раздается оглушительный треск: это она ссыпает в мойку ложки и вилки, не мытые с завтрака. Намек и укор: могла бы, мол, хоть в воскресенье помочь матери.

Иду в свою комнату и врубаю магнитофон.

Поет приятный баритон, сопровождаемый небольшим шипением некачественной пленки в моей «Астре». В нашем классе у всех исключительно «Соники» да «Панасоники». А Нонка Чачанашвили, или Чача, как-то принесла на один из наших «огоньков» серебристо-белый стерео с двумя кассетами. Только у меня и у Вовки Беликова — «Астра». Вовкина мать тоже не может разориться на что-нибудь более современное.

Перекручиваю пленку вперед: уж больно заунывно увещевает меня красивый голос. Учит, предупреждает. Все считают своим долгом меня чему-то учить, от чего-то предостерегать. Ребенком считают. «Какой у вас очаровательный ребенок!» — воркуют мамы знакомые. На что я обычно отвечаю: «Не правда ли, я прелесть?» И они замолкают. Теперь они ко мне только на «вы». И не фамильярничают: отучила.

А Сан Саныч из АПУ, который раньше вместе с матерью в одной группе работал, вообще пополам сложился, когда на очередное «детка, угостишь шоколадкой» я ему ответила: «Ненавижу шоколад. И вообще на Востоке «детки» моего возраста уже своих деток имеют. Литературу читать надо!»

Ага, вот эта уже лучше. Темп что надо! Ритм и темп! Скорость, скорость. Блеск песенка.

Я длинноногая и длинноволосая. На меня все оглядываются. Не только в школе, а и в большом мире: в метро, на рынке или в магазине... Смех берет, когда

какой-нибудь взрослый верзила вдруг ни с того ни с сего споткнется на ровном месте и замрет.

Вообще-то мне все говорят, что я выгляжу старше своих четырнадцати. «Развита не по годам». Это потому, что занимаюсь спортом. И читаю много: ничто так не развивает, как чтение художественной литературы. И газеты читаю. Потому что человек без знания текущих событий все равно что слон без хобота. Или кот без усов.

— На-ка, выпей,— входит в комнату мать и протягивает стакан с гранатовым соком. На ее ладонях густо-багровые подтеки: чтобы сберечь витамины, мать выдавливает гранат руками через марлю, а косточки потом еще сама долго обсыпает.

— Поставь, выпью потом. Лучше скажи, в чем мне сегодня идти в секцию? Опять в этой дешевке? Джинсы называются!

— Чем они тебя не устраивают? Вполне хорошие, модные джинсы.

— Модные?! Кто тебе сказал? Ты приди в наш класс. Я тебе покажу, что такое модные.

Джинсы, по правде говоря, мне не очень нужны. Но мне нужно, чтобы Ширия-штук не очень-то из себя воображала.

— Мы же тебе только что пальто купили. Сама понимаешь...

— Понимаю...

Мне вдруг стало жалко мать: стоит у двери с этой ерундовой каплей витаминов, с перепачканными руками и оправдывается, как опоздавшая на урок школьница. Если разобраться, разве она виновата, что у нее такая маленькая зарплата? Она честно иссушила свои мозги целых пятнадцать лет: десять в школе и пять в институте. В результате диплом инженера-технолога и сто тридцать рз в месяц. Потом много раз и в течение многих лет повышалась на всяких там курсах, в народных университетах. Заработала себе хронический гастрит, очки и прибавку на 35 рз. И то если проект идет по графику.

Нет, я не такая: я добыюсь чего хочу! Английский я лучше нашего «тичера» знаю, сейчас вот французский начала, а через годик займусь испанским или итальянским. Буду, как Чачина мать, переводчиком. Но чтобы всю жизнь на мелочах экономить?! Этого не будет.

Но что-то мешало мне пожалеть мать до конца. Сама не понимаю, что. Может, этот ее взгляд, обращенный не на меня, а куда-то в сторону, через окно, на заснеженные деревья во дворе. Может, весь ее вид: слишком отрешенный, чересчур далекий и от этой комнаты, и от моих забот.

Все в ней — от русых волос, повязанных зеленой косынкой, до зеленых войлочных шлепанцев с истертыми напроць задниками — излучало какую-то мягкость, умиротворенность. Слово она была всем довольна в этом мире: и зарплатой, и жизнью. Впрочем, я догадываюсь, из-за чего все это. «Из-за него, Олега», — вычислила про себя с компьютерной точностью и сказала:

— Нечего было детей рожать, раз не можете их как следует одеть, — а про себя подумала: «И воспитать».

Мать отвела взгляд от деревьев. В глазах ни гнева, ни возмущения. Ничего, кроме все той же отрешенности. А еще — тихого, какого-то теплого мерцания. Спокойно подошла к моему столу, поставила на него стакан, повернулась и направилась к двери. Плавно, неторопливо, словно во сне.

Для меня всегда было загадкой, почему мой отец, отчаянный гонщик, чемпион многих республиканских и союзных первенств, который больше всего на свете любил бешеную скорость и который сам был сплошная скорость, сплошная энергия, выбрал себе в жены такую неторопливую, такую медленную в движениях и действиях жену. «Жена замедленного действия», — определила я, когда дверь за нею закрылась. Впрочем, она тут же открылась снова. Мать, наверно, решила, что непедагогично уходить вот так, не сказав ни слова своей дурно воспитанной дочери, советской школьнице к тому же. Ну-ну, давай воспитывай.

— Почему у тебя такой мелкий замах, Юлька? — говорила она тоже неспешно, растягивая гласные, словно разучивала по нотам незнакомую мелодию. И спрашивала так, без всякого любопытства, все с тем же сонно-отрешенным видом. — Слишком низкий у тебя подскок, Юлька.

— А у тебя высокий! Только все эти рассуждения ломаного гроша не стоят!

Мать стояла и смотрела на меня во все глаза. Мерцание в них исчезло, появилось что-то похожее на испуг. И растерянность. Ну совсем как школьница, которая ждала, что ее похвалят, а вместо этого получила щелчок по носу.

— Ты что говоришь, Юлька? — спросила испуганно.

— Говорю то, что есть на самом деле. Ты со своими идеалами много имеешь? Многого добилась? Ты ведь даже рошу не могла спасти. Тоже мне — главный инженер проекта! — Мать слушала меня очень внимательно, не перебивая. Даже торчащие кончики ее зеленой косынки словно бы тоже наострили уши. — Проект по озеленению, так, кажется, он называется? А вы чем занимаетесь? Вырубаете, так ведь? А потом снова насаживаете, «озеленяете», ведь так?

— Нет, не так. — Она подняла руку, намотала на палец золотую цепочку: единственная золотая вещь в нашем доме, свадебный подарок отца. — Не совсем так: мы вырубем только то, что мешает застройке.

— А роща? Кому она мешала? Стояла себе веками, распускала сережки каждую весну, а вы пришли и распорядились.

Мать опустила голову, посмотрела на цепочку, на свою руку, которая ее теребила. Увидела, что она вся в багровых подтеках от граната. Высвободила палец из-под цепочки, поклонявила его и стала тщательно их стирать.

— Понимаешь, — произнесла своим обычным напевным голосом, — проект был уже утвержден. А роща действительно выступала. Нельзя же было из-за нее петлять: людям нужны кратчайшие пути между микрорайонами.

— Выступала! Ах, глупая, глупая роща! Сама виновата: не выступай! Так по-вашему? — Я пыталась поймать ее взгляд, но не могла: он был сосредоточен на багровых пятнах на ее запястьях. Они не оттирались, только немного побледнели, расплылись красными разводами по руке. — А помнишь, какие там дубы необхватные были? А березы? Ты же сама говорила, что такие только во сне увидеть можно, помнишь?

Я-то помнила. Все помнила...

Все вокруг было таким белым, таким ослепительным: и снег, и стволы берез под солнцем. Глубокая лыжня и стремительно несущаяся впереди фигура: отец. У него, разумеется, не хватает терпения плестись вместе с нами. Фигура быстро удаляется, мелькает в тугой полосатой тени деревьев и неожиданно исчезает. Потом так же неожиданно появляется и так же стремительно несется нам навстречу.

А потом — привал. Всегда в одном и том же месте: на небольшой поляне, опушенной, как лоб челкой, молодыми пышными елками. Три пенька от спиленных берез, на которые мы рассаживаемся, поднимаются над снегом. Один — повыше и потолще, другой — пониже и потоньше, а третий — совсем малютка. «Вот тот, самый большой, — папа, этот — мама, а этот — их дочь», — объясняет мне мать, а я уточняю: «Значит, я, ты и папка. Да?» «Да, Юлька, совершенно точно: святая троица», — восхищается моей сообразительностью отец, подхватывает меня с пенька и подбрасы-

вает вверх. «Осторожно, лыжи! — кричит мать. — Покалечишь ребенка!» Но отец ловко подхватывает меня под мышки и держит на вытянутых руках. Я вижу его запрокинутое лицо, черные, как его кожаная куртка, глаза и такие же черные волосы, которые так резко выделяются на снегу, что кажется, будто в нем полукруг выжжен.

Я болтаю ногами, и лыжи в конце концов слетают вместе с валенками. Отец сует мои ноги в голубых вязаных носках в карманы своей куртки. И вдруг резко откидывает тело назад, почти горизонтально. «Держись! — командует. — Вираз! Два трамплина и два поворота!» И отпускает руки. А я немедленно хватаю его за уши. Вцепившись в них, как в руль, чувствую себя на его крепкой груди, словно на сиденье «Явы», готовой сорваться со старта и понестись в бешеный кросс. Быстрее, еще быстрее! «У-у-у!» — изображаю гул мотора. — Большая скорость — меньше ям!» — ору в восторге, а отец хохочет: «Молодец, дочка! Верно! Из тебя выйдет отличный гонщик!»

«Сумасшедшие! Что отец, что дочь!» — комментирует мать, а сама с улыбкой смотрит на наши дурачества, с такой улыбкой...

Потом он выпрямляется, вынимает мои ноги из карманов, сует их в валенки. «Все! Финиш! Приз газеты «Лесной гудок» вручается Славиной Юлии Игоревне»... «Не хочу! Еще! Еще!» — требую у родителя, зная, что мне невозможно отказать.

Потом мы пьем горячий чай из термоса и едим бутерброды. А когда оставляем поляну, на ней рядом со «святой троицей» остается надпись, сделанная лыжными палками на снегу: «Игорь+Ира=Юлька». И сизо-лиловые тени, заползшие в углубления больших, неуклюжих букв, залегли там прочно, основательно, будто на вечные времена...

...И та же роща пять лет спустя. Мы с матерью идем проселочной дорогой, а вокруг нас эти вековые дубы и березы с бело-розовой корой. Их стволы, высветленные безудержным весенним солнцем, спят глаза.

Вдруг мать замедляет, крепко жмет мне руку: «Видишь?» Между белых стволов мелькает что-то рыжее. Лиса! Слово факелом за березами провели. Я срываюсь с места, бросаюсь следом. Не удержалась, хотя, конечно, как и любая бы пятиклассница на моем месте, понимала, что зря: не догону.

В руках матери лист бумаги. На нем тоже точки: деревья. Те, которые надо будет вырубать. И красные линии, показывающие, где пройдут коммуникации.

«Ма, неужели роща скоро исчезнет? И ее больше никогда не будет? А куда же денется лиса?» Я дергаю ее за рукав, и лист с точками и красными линиями вздрагивает, нервно дрожит в ее руке. «Нет, дочка, не исчезнет. Мы боремся. Думаю, отстоим!» — обещает мать. Я верила: раз мать сказала «отстоим», значит, так оно и будет.

Не отстояла. Обманула. Не хватило умения? Энергии? Не те слова говорила? Мне почему-то казалось: будь я на ее месте, я смогла бы доказать, убедить. Я бы пошла к самому главному начальнику, взяла бы его за руку и повела бы в эту рощу. И когда бы он увидел своими глазами, сколько света возвращают людям ее березовые стволы, как доверчиво зеленеют каждой весной распускающиеся листья, он, этот начальник, тут же отменил бы все свои приказы. И, потрясенный невероятной красотой, долго стоял бы, сняв с головы шапку, а на глазах бы у него сверкали очистительные слезы...

Но мать не смогла. «Эх ты!..» — сказала я ей.

— Проект был уже утвержден, — повторила она. — Все не так просто, дочка. Вот вырастешь — поймешь...

— Не хочу понимать! Не желаю! И что я должна понимать?

— Люди получили жилье. Тысячи квартир. При таком огромном строительстве нужно чем-то жертвовать.

— Нужно? Кому? Ведь ты же сама говорила, что это не строительство, а расселение, говорила ведь? — Я видела микрорайон, который строится на том месте: случайно проезжала на автобусе. Скучные многоэтажки, усеянные крохотными балкончиками. Я тут же отвернулась от окна, закрыла глаза.

— Роща все равно бы погибла: лес не выдерживает соседства с жильем. Видишь тот засохший дуб напротив дома? А ведь его оберегали, обходили во время стройки.

— Да, не выдержал. Даже дуб...

— Ой, горит!.. — Мать бросилась на кухню. Похоже, она безумно обрадовалась возможности убежать на кухню. Ну нет, от меня так просто не отделаешься!

— Ма, дай мне трешник.

— Для чего тебе столько?

В руке у нее большой кухонный нож, на глазах слезы: лук, наверное, резала.

— Для самоутверждения, — отвечаю ей. — Ребенок должен иметь карманные деньги. Чтобы не быть в стороне.

— В стороне от чего? — не понимает мать. Тыльной стороной ладони она размазывает по щекам слезы. И часто-часто моргает глазами. Только и может слезы размазывать. Где ее характер? Вот и отца проморгала. И нож в ее руке, как ружье у зайца.

— Прессу читать надо! Там все черным по белому написано: в современном товарообменном обществе ребенок тоже должен уметь покупать. Чтобы у него не развился комплекс неполноценности... Можешь не три рубля, можешь больше...

— Нет, больше не могу. Откуда? — всерьез заволновалась мать.

А что ты вообще можешь? Обидеться на меня как следует, и то не можешь... Мать лезет в шкаф, долго роется там, наконец, вынимает аккуратно расправленную зеленую бумажку.

— Вот.

А глаза опять где-то далеко, где-то не здесь. И мерцание в них, несмотря на луковые слезы и мое явное вымогательство, вовсе не пропало. Притаилось, спряталось, как еж прячет головку, но совсем не исчезло.

Мать повернулась и пошла прочь. Не желая ни спорить, ни доказывать...

И вот тут-то через приоткрытую дверь в ванную я увидела ее — мою замечательную голубую шапку, связанную из пушистого мохера. Замечательным в ней было то, что она абсолютно мокрая. Шапка мирно висела на веревке, приколотая двумя пластмассовыми прищепками, и не подозревала о том, как к стати попала мне на глаза.

Я сорвала ее с прищепок, с удовольствием ощутила мокрую тяжесть и понеслась в кухню.

— Это ты сделала?

— Что «это»? — Мать сделала вид, что не поняла.

— Ты ее намочила?

— Не намочила, а постирала. Сколько ж можно в грязной ходить?

— А кто тебя просил? В чем мне теперь прикажешь на секцию идти? В чем? У меня есть замена?

— У тебя есть меховая.

— Я ее не терплю. И ты это знаешь.

— Ну давай, я ее быстренько над газом посушу, — засуетилась мать, снимая с горелок кастрюлю. — Она моментально высохнет! Я мигом!

— Не высохнет.

— У тебя же еще полтора часа.

- Мне сегодня раньше.
- Надень мою. Она теплая, тебе идет...
- Нет, я надену эту! И только эту! — И натянула мокрую шапку на голову.
- Юлька, ты с ума сошла! Мороз пятнадцать градусов, а ты...

Я схватила свою спортивную сумку, сдернула с вешалки куртку — и привет! Бегом по лестнице и бегом по улице. Едва успела спрятаться в соседнюю подворотню, как из подъезда выскочила мать — пальто нараспашку, шапка в руке. Метнулась налево, направо. Потом бросилась к автобусной остановке. Проснувшись наконец! Ничего, пусть посуетится, пусть поищет! Пусть хоть о чем-то всерьез подумает.

Я спокойно вышла проходным двором на соседнюю улицу.

Ну вот, теперь мокрую шапку можно в сумку спрятать, а на голову капюшон от куртки натянуть. Я же не такая дура, чтобы по собственной воле менингит себе навивать.

Не успела завернуть за угол, как услышала сзади чье-то сопение. «Вовка? — спросила, не оборачиваясь. — Опять у дома караулил?» Сопение стало более сосредоточенным: Вовка думал. Не сказать так ничего и не сказал. Молча потянул с моего плеча сумку — Вовка Беликов был моим портфельносом. У всех наших девочек есть свой «лыцарь», но в отличие от всех я Вовку не выбирала: он сам ко мне прилип. Мне ведь все равно кто, мне они все до лампочки. А этот хоть молчит. Сопит, правда, чересчур громко. По этому сопению мать безошибочно его определяет, когда он наберет мой номер и молчит в трубку. Вообще Белик очень смешной. И фамилия у него словно специально подобрана: лицо у Вовки белое-пребелое, будто мелом намазано. Вон даже на морозе не покраснело. Уши покраснели, а лицо — нет. Эти красные уши оттопыриваются, как два алых крыла по обе стороны абсолютно белого лица. Вообще-то Белик здорово научился использовать все преимущества своих торчащих ушей: поношенная кроличья шапка, перешедшая к нему, по всей вероятности, с родительской головы, чувствует себя уверенно и прочно, как всадник в седле, и не сползает на нос. Так что Вовка может даже видеть.

Белик мечтает стать мотогонщиком: видно, хочет сделать мне приятное. «Зря, — говорю ему, — научись лишь попусту рисковать жизнью. Иди лучше в бокс. Там хоть учат сдачи давать». Но Белик не слушается. Сама я хожу в секцию фехтования. Там тоже дают сдачи. «Шаг! Выпад!»

Но в основном я терплю Вовку за то, что он не предатель. Не то что близнячки Ширяевы. Если класс решит: «Контрольную не сдаем», или: «Айда с физкультуры на мультяшки», — Шири ни за что не поддержат. «Мы не будем!» — пропищат дружным дуэтом. Еще пойдут к нашей химозе и наябедничают.

А Белик — нет. Вот и сейчас: ведь видел, куда я побежала, а матери не сказал, не выдал. На него можно положиться.

Вот возьму и скажу ему, какой он надежный, какой замечательный человек. Пусть знает, что порядочность тоже иногда ценится в этом мире. И надо сказать именно сейчас. Потом может быть поздно. Я-то знаю, что такое запоздалая информация...

...Серый зимний день. Уныло завывает ветер в оконных щелях. Мы с матерью работаем за одним столом: я над уроками, она над проектом. «Ма, пала скоро придет?» Отца нет целую вечность. «Не знаю. Он на сборах», — объяснила мать.

И вдруг чувствую, как кто-то вставляет ключ в замок. Срываюсь с места, бегу в коридор: так и есть — отец! «Папка! Папка! Наконец-то!» Отец хватается меня, подбрасывает под потолок, ловит. Я запоздало взвизгиваю, хватаясь обеими руками за его волосы.

Ладони с радостью ощущают их привычную жесткость. Волосы у него такие густые, что даже снежинки не успели растаять: заплутали в них и сидят, сверкают. Отец опускает руки, прижимает меня к себе. Его кожаная куртка пахнет морозом, бензином и чем-то еще родным и приятным. «Ма, ма, ну скорее же! Ну ведь папка приехал», — кричу во все легкие.

Но мать не торопится. Вышла из комнаты и остановилась на другом конце коридора. Молча глядит от отца и только все туже и туже натягивает на плечи свой белый оренбургский платок. Отец тоже молчит. Также смотрит на нее. А потом почему-то опускает глаза...

А вскоре опять исчез. В то лето на дачу мы почему-то не поехали. Мать тогда сказала:

— Твой отец, Юлька, больше не приедет.

— Как это «не приедет»?

— Так... Нет у тебя больше отца.

— Как это «нет»?

До меня не сразу дошло, что отца я больше не увижу. А потом дошло: погиб.

— Погиб?

— Да... Погиб во время кросса, — выдавила из себя мать.

Я убежала и заперлась в своей комнате. Целый день мать не могла ко мне достучаться, а к вечеру сломала дверь. Говорят, у меня началась сильная лихорадка, хотели положить в больницу. Но мать не дала. Сама выходила.

Когда поправилась, я часто вспоминала эти слова: «Погиб во время кросса». И даже чуточку гордилась, потому что это звучало почти так: «Погиб смертью храбрых». Я всегда знала, что мой отец не такой, как все: он лучше всех. Смелее и честнее.

А оказалось, что мне соврали. Обманули и предали. И узнала я об этом только полгода спустя. И не от матери, не от кого-нибудь из близких. А от одной из близнячек. Как-то Ширя-штык подстерегла меня по пути в школу и затараторила мне на ухо: «Ой, что я знаю! Что я знаю! Я знаю! Я знаю! С кем он тогда был!» — «Кто он?» — не поняла я. «Ну, твой отец». — «Когда тогда?» — «Ну, в то лето. В Гагре. Он был с моей двоюродной сестрой Танькой».

— Врешь! Он погиб героической смертью.

— Сама врешь! — надула губы Ширя-штык и затараторила рассказать мне то, что каким-то образом ей удалось подслушать у взрослых: как оказалось, отец не разбился на своей «Яве» на Кавказе. И приехал он туда не на сборы, а для того, чтобы показать Таньке солнечную Грузию. Танька, говорят, в сорочке родилась: ее выбросило с заднего сиденья на развесистую крону какого-то дерева, и она отделалась легкими переломами и ушибами. Отец пострадал больше. Долго лежал в больнице, но теперь уже все в порядке. Жив и здоров, живет с молодой женой Татьяной в той же Гагре.

Ширин острый, как штык, нос аж дергался от удовольствия, когда она сообщала мне все эти подробности. Ох, как мне хотелось съездить по этому противному длинному носу.

Но я сдержалась.

— Врешь, — сказала ей холодно. — Мой отец погиб во время ралли. В Индонезии, близ вулкана Килиманджаро.

— Это ты врешь, Килиманджаро в Африке. — Ее узкие глазки сделались еще уже.

— В Индонезии тоже есть, надо бы знать. Недаром у тебя по географии сплошные пары с Натяжкой... Мне даже удалось усмехнуться. — Отец был лидером международных соревнований. Но один из иностранцев, Ли-Чхи, кажется, сделал завал.

Отец перескочил, но его стало крестить на колее. А потом подсекло на льду. Слетела цепь, и его поволокло: мотоцикл вперед, а он под ним, на льду...

— Врешь! — завизжала Ширя-штык. — В Индонезии — и лед?! Врешь!

— Дура, это же международные соревнования: искусственный лед. Специально сделали. Чтобы повысить степень сложности.

Я вынуждена была изворачиваться и терпеть перед собой Ширю-штык. Все потому, что они мне ничего не сказали. Ни мать, ни отец. Ведь он мог бы прийти, взять меня на колени и сказать: «Понимаешь, Юлька, так уж получилось: крутой поворот». И я бы все поняла. И, может быть, даже простила. Ну пусть бы не сразу, потом... Во всяком случае, это было бы честно. И достойно лучшего гонщика. А не так унижительно, как теперь...

Но отец не пришел и не сказал. Скрыл. Значит, соврал и предал! А мне теперь нужно бороться за его честь.

— ...а еще там было два трамплина и два поворота. Его подсекло на последнем круге, и он лег на лед, бензин из бака вылился прямо на отца. Одежда на нем воспламенилась от случайной искры, и в считанные минуты его не стало, — продолжала я разворачивать перед Ширей картину его героической гибели. Ширя и не верила и в то же время верила: стояла и обалдела хлопала своими щелочками. — А его прах, по его желанию, развеяли в море, а часть утопили в реке. В этой... Гвадалквивир.

— Врешь! — завизжала Ширя-штык. — Гвадалквивир в Испании. Еще песня такая есть!

— Ну и что? В Испании, конечно. В Андалусских горах. Отец всегда любил Андалусские горы. Посмертно его наградили орденом «Почетного легиона». А нам с матерью до сих пор поступают соболезнования от друзей и знакомых покойного со всего мира. В частности из штата Виргиния. А вчера принесли конверт с королевской печатью...

— Врешь! Все врешь! — Ширя вопила на всю улицу.

— ...на английском языке. В письме, в частности, говорится: «Dear Mrs, Miss Slavin, I was so very shocked to hear of the sorrow that has come to you...» Понятно? Нет? Ладно, скажу то же самое по-французски. «Mon chaire pètte ami Юлька, Jesvis très hevrevx... non, très manehevrevx...» Теперь ясно? Опять нет? Тупая же ты, Ширя! Ладно, переведу. На нашем родном языке это означает, что ты, Ширя, подлая врунья! Нахалка и врунья! Теперь поняла?

Я повернулась и твердо пошла прочь. Мать до сих пор и не подозревает, что мне все известно. Если бы она только знала, как трудно мне было сдержаться и не расцарапать Шире лицо. Если бы она знала, что я с честью выдержала эту схватку и вышла победительницей: ведь я отстаивала и ее, Ирины Славиной, достоинство.

Но она ничего этого не знает. Продолжает врать. И предавать меня. Вначале — отец, теперь — мать. Ну ничего, я им когда-нибудь скажу, все скажу, что я о них обо всех думаю. На русском, французском, английском и испанском — на всех языках славяно-романо-германской группы. А если не поможет, то выучу еще и эсперанто...

Белик вдруг остановился и уставился на меня во все глаза.

— Прости, Белик, это не к тебе относится. Тебе я хотела сказать совсем другое: ты мировой парень, Белик. А еще... — Я задумалась, что бы еще сказать ему такое возвышенное и красивое. Но вместо этого почему-то вдруг предложила: — Зайдем в магазин? Я там вчера орешки видела, ты их любишь.

У прилавка очередь, но мы встали: время-то все равно девать некуда. Интересно, вернулась мать домой? Или, чего доброго, побежала в секцию?

— Вы последняя? — поинтересовался кто-то сзади.

— Да, — обернулась я и увидела что-то ослепительно прекрасное. Чачина мать в серебристо-белом. И собачка, стоящая рядом, тоже серебристо-белая. Все в стиле! Только мужчина, которому она отдала поводок, в синем. Наверно, ее муж.

Собачка тявкнула, но «серебристая леди» пригрозила ей, и та послушно замолчала. Странно, что продавщица не орет, как обычно: «Уберите пса! Совсем обнаглели: в магазин с собаками прутся!» Уважает.

— Здравствуйте, Марина Михайловна, — приветствовала я ее и толкнула Белика: мол, будь вежливым. Но Белик, как обычно, молчал.

— Здравствуйте, — ответила Марина Михайловна, не поднимая головы от кошелка, из которого она отсчитывала деньги. — Это на сахар, купишь пачку пиленого, — структурировала она мужа. — Это на сметану... нет, сметану не бери, она развесная, там всякой гадости намешано. Возьмем в молочном фасованную. Это на орешки. Возьми килограмм. Нет, пожалуй, полкило: на витрине-то они хорошие, а как начнут вешать — половина мусора окажется. Это на...

Я повернулась к Белику, но его не оказалось: отошел к другому прилавку и сосредоточенно изучает какой-то ценник. Лицо, как и прежде, белое, а уши пылают еще более пламенно. От тепла, наверно.

— ...зелень одну вешают, — возмущалась Чачина мать, — под прилавком-то небошь спелые лежат. Я сейчас поеду на станцию техобслуживания — что-то карбюратор барахлит, — а ты не забудь Ричку покормить. Дашь ей тертое яблоко с морковным соком.

Ричка, услышав свое имя, подала голос.

— Стой мирно, а то ничего не получишь, — предупредила ее Марина Михайловна, и собака послушно замолчала. Дрессированная псина, ничего не скажешь. Стоит и молча смотрит на свою хозяйку. Муж тоже молчит, только согласно кивает.

— Белик, Белик, — позвала я, выходя из очереди. — Пойдем, а? Орешков в следующий раз купим, хорошо? Сегодня они, говорят, с мусором.

Мы вышли на свежий, прокаленный январским морозом воздух. Повернули к автобусной остановке, и вдруг — телефонная будка. Ни с того ни с сего. Новенькая такая стоит, свежей краской сверкает.

— Подожди, я сейчас, — сказала Белику и побежала к будке.

— Ма, это я. Ты это... не беспокойся, ма. Я надела капюшон от куртки. Так что... вот, мама.

От редакции. Дорогие читатели, вы прочли рассказ Валентины Дорошенко «А потом изучу испанский...». О чем же он? Кто хотела сказать писательница? Кто такая эта девочка Юлька, героиня рассказа?

Законченная эгоистка или ранимая, глубоко переживающая жизненные тревоги девочка, желающая скрыть это под напускной бравадой? Честный, прямой человек или этакая современная бесчувственная девица?..

Нам хотелось бы, чтобы вы надо всем этим поразмышляли. И написали нам о ваших раздумьях, сомнениях, предположениях.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

И БЫЛЬ И ВЫМЫСЕЛ СОШЛИСЬ В УЗОРЕ ТОНКОМ

сказочно и не гладко. Жители иконописного села искони жили росписью и в другом деле себя не мыслили. Но после революции талантам необходимо было найти новое применение. «Важная и трудная задача стоит перед вами, — говорил академик Бакушинский одному из первых художников нового Холуя, Василию Пузанову. — Вы выступаете третьими. Палех уже нашел свой стиль. Мстере из-под Палеха вылезать трудно. А Холую еще труднее».

Лаковая миниатюра и Палеха, и Мстеры, и Холуя имеет одни корни, один исток — древнерусскую живопись. Но общий исток не помешал Холую найти свое русло.

Бывшие иконописцы и первые мастера холуйской лаковой миниатюры Мокин, Костерин, Пузанов и Добрынин пошли смелым и нелегким путем, обратившись к образам и темам современной жизни. Питали творчество художников и наблюдения за природой, а она в их крае спокойна, мягка, неброска. Мягкость и глубину красок, красоту простых и естественных форм и выражали в своих работах холуйские миниатюристы.

Передача традиций новым поколениям мастеров облегчилась с созданием художественной школы.

**КРАСКИ В ХОЛУЕ
ГОТОВЯТ СПОСОБОМ,
УНАСЛЕДОВАННЫМ
ОТ ДРЕВНЕРУССКИХ
ЖИВОПИСЦЕВ.**

Мария БОГДАНОВА.
Фото Вадима НЕКРАСОВА

Схолуйской лаковой миниатюрой впервые я встретилась случайно лет двадцать назад. Это было в старой московской квартире, заставленной темной, массивной, но какой-то безликой мебелью. Взгляд приковывала лишь небольшая узорчатая шкатулка на тумбочке. Она и была центром комнаты, казалось, горение ее красок источало тепло. Я долго рассматривала тонкую живопись на крышке этого удивительного ларца, узнавая в ней сцены знакомых сказок. Фантастические герои представляли словно живые. Поразило умение мастера мир условный воспроизводить как реальный.

И вот спустя многие годы мне довелось оказаться в Холуе — старинном селе Ивановской области. Морозным январским днем я шла по его заснежен-

ным безлюдным улицам, белизну которых оттеняли лишь аккуратные ряды домов да узорчатые ветви дубов и вязов. Неожиданно перед глазами возникла фигурка бегущего через мосток мальчика. В руках его горело что-то яркое, похожее на перо жар-птицы. Но через минуту видение растворилось в морозной дымке. Я ускорила шаг, но мальчика и след простыл. И тут вспомнила, что где-то рядом должна быть художественная профессионально-техническая школа лаковой росписи, и парнишка, верно, ученик, спешивший на занятия со своим изделием. Оно-то и светилось яркими красками в его руках.

Жар-птицу я видела у въезда в поселок. Этот сказочный образ — символ холуйской лаковой миниатюры.

А судьба ее складывалась совсем не

А. Я. СМЕРНОВ. «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ».

Т. М. МИЛЮШИНА.
«ЗАМОРСКИЙ ГОСТЬ».

и дело. Подумать только, в какое грозное время позаботились о судьбе промысла!

Николай Николаевич Денисов стал одним из ведущих художников Холуя. Это человек живого, открытого темперамента, чутко и активно отзывающийся в своем творчестве на события недавней истории и сегодняшней жизни. Несколько своих работ он создал по произведениям Шолохова. Его миниатюра «Тихий Дон» раскрывает в сложном композиционном решении сплав страстей, метаний и стремлений героев романа.

Из одного выпуска с Николаем Нико-

В АУДИТОРИИ ЖИВОПИСИ
БУДУЩИЕ МАСТЕРА
«ШТУДИРУЮТ НАТУРУ».

лаевичем и мастер иного плана — Борис Иванович Киселев, народный художник РСФСР.

— Глаза вбирают, память хранит и затем питает воображение, а источник творчества где-то у тебя глубоко внутри. Как родник. А как бывает с родником? Ступят в суеде ногами, и все, ушел куда-то, исчез, — говорит Борис Иванович, размышляя о бережном отношении к таланту.

В традициях Холуя забота опытных мастеров о молодых, только вступающих на путь творчества. У таких опытных мастеров, как Владимир Андреевич Белов — немало сил отдал он поискам новых выразительных средств лаковой миниатюры, — есть чему поучиться.

Выбор тем в творческой группе для молодых художников свободен, тут они не связаны заказом. Виктор Елкин нередко берется за современные темы. Александр Смирнов, как он сам говорит, «помешан на былинах». Владимир Седов увлекается микроминиатюрой и сказочными сюжетами. К каждому из них успех не приходит легко, ведь выполнение авторской миниатюры требует не одного месяца кропотливого труда, а художественный совет, принимающий ее, строг и требователен.

До сих пор шла речь о художниках Холуя как о самостоятельно работающих мастерах. Теперь следует сказать, что все они объединены фабрикой холуйской лаковой миниатюры. Их авторские работы служат образцами для массового производства. Им заняты художники-исполнители, из которых наиболее талантливые переходят в творческую группу. Трудно и директору фабрики Анатолию Александровичу Камо-

ЛУПА — НЕПРЕМЕННОЕ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ В РАБОТЕ
ХУДОЖНИКА-МИНИАТЮРИСТА.

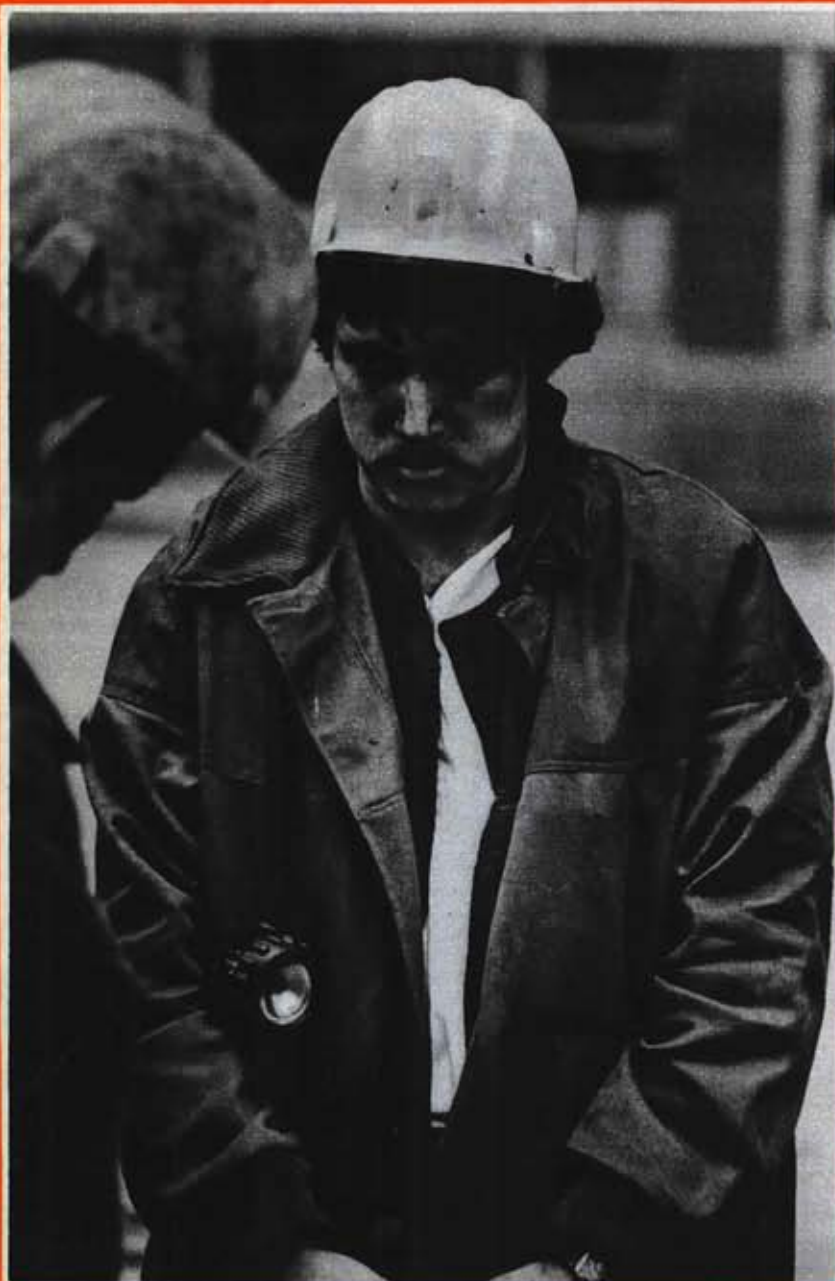
— Было это суровой зимой сорок третьего, — вспоминает один из первых выпускников этой школы, Николай Николаевич Денисов. — Отец пришел на побывку домой, и мы отправились с ним навестить бабушку в Холуй, откуда и сам он, бывший иконописец, был родом. Стали они решать, куда бы меня определить к делу. Вот бабушка и говорит, поскольку я любил рисовать, что отдать меня надо в художественную школу, которая у них недавно открылась. Там будет и казенная одежда, и питание,

П. А. МИТЯШИН. «СТАЧКА».

«ЖИЗНИ С ГРЕЗОЮ ИГРА...»

рину, и главному художнику Борису Кирилловичу Новоселову вести дело так, чтобы и массовое производство выполняло план, и художники не потеряли бы стремления к творчеству. Ведь лаковая миниатюра — это настоящая живопись со своими особыми композиционными принципами, сложной цветовой гаммой, идейно наполненными образами. Украшает она бытовые предметы. Но разве это должно влиять на требования к их художественным достоинствам! Наш дом, наша повседневная жизнь должны освещаться настоящей красотой. Холуйская лаковая миниатюра несет ее нам. Вглядитесь в эту роспись, и вы почувствуете ее особый стиль. Теперь вы наверняка ни с чем ее не спутаете.

«МУЖЧИНА ТОТ, КТО ИДЕТ ПЕРВЫМ» — ЭТИ СЛОВА УЧАСТКОВЫЙ МАРКШЕЙДЕР ДОНЕЦКОЙ ШАХТЫ ИМЕНИ АБАКУМОВА ЛЕОНИД КАПРАН ПРИВЫК СЛЫШАТЬ ОТ ОТЦА-ГОРНЯКА. ДЕВИЗ ОТЦА СТАЛ ЖИЗНЕННЫМ ПРИНЦИПОМ СЫНА. МАРКШЕЙДЕРОВ ЧАСТО НАЗЫВАЮТ ШТУРМАНАМИ ПОДЗЕМНЫХ ТРАСС: ОНИ ИДУТ ПЕРВЫМИ ПОД ЗЕМЛЮ, ПЛАНИРУЯ КОРИДОРЫ БУДУЩИХ ВЫРАБОТОК, А ЗАТЕМ ОХРАНЯЮТ ИХ ОТ НАТИСКА ПОДЗЕМНОЙ СТИХИИ.

ФОТООБЪЕКТИВ ЗАПЕЧАТЛЕЛ ЛЕОНИДА В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА РЕШАЛСЯ НЕЛЕГКИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ВОПРОС. «ОПЯТЬ КАПРАН ПО ДЕЛУ ВОЮЕТ», — УВАЖИТЕЛЬНО ПЕРЕГЛЯНУТСЯ ГОРНЯКИ.

А НЕ ТАК ДАВНО МОЛОДОЙ КОММУНИСТ, ЧЛЕН ДОНЕЦКОГО ГОРКОМА КОМСОМОЛА ЛЕОНИД КАПРАН БЫЛ ИЗБРАН В ПАРТБЮРО МАРКШЕЙДЕРСКОГО УЧАСТКА.

Это происшествие взбудоражило всю смену. Еще бы! Бригада молодых электронщиц мастера Василия Савчука, одна из лучших в минском производственном объединении «Интеграл» имени XXV съезда КПСС, пять лет не знала нарушений трудовой дисциплины. Пять лет. А тут прогул. Три дня не являлась на работу семнадцатилетняя ученица, подопечная комсорга Галины Анцыповой.

Савчук был вне себя. По натуре он человек спокойный и деликатный, редко выходит из равновесия. Но нечестность, обман его всегда бесили. Знала бы эта взбалмошная девчонка, каких трудов стоило ему создать в своей беспокойной смене ту атмосферу товарищеского доверия и взаимопонимания, за которую коллектив всегда ставили в пример.

Перед началом смены мастер в какой уж раз подошел к комсоргу:

— Галинка, как же такое могло случиться? Ты ж ее наставница...

— Василий Николаевич, сами же знаете.

— А ты объясни еще. Может, я чего не понимаю.

Что они знали про Лену? В коллектив ее направила комиссия райисполкома. Она из тех, кого принято называть «трудными» подростками. Отец семью бросил, мать умерла, а бабка с ней никак справиться не может. Улицей воспитана.

— А сама-то Лена что говорит?

— Что бабка захворала. Мол, в больницу слегла — навещать надо было часто. Да только сказки это, я выясняла.

— В таком случае я объявлю ей выговор и лишу премии. А ты нынче же собрание собери. Поговорим с Леной серьезно. Всей бригадой.

На том и порешили. Разошлись мрачные, думая о случившемся. О многом им вспомнилось за оставшееся до собрания время.

Раздумья Галины Анцыповой, комсорга

Лена же не маленькая девочка! Должна бы и сама понимать, что всю бригаду подводит. На работу ей, видите ли, идти расхотелось! А что ее норму пришлось другим девчатам выполнять, не подумала?.. Между прочим, мы все ученицами начинали, но таких штук не выкидывали. Я вот, к примеру, родилась в деревне, вовсе не собиралась рабочей становиться, но к порядкам коллектива привыкла быстро. А в Минск-то я приехала в институт поступать. Смешно, в мечтах представляла себя преуспевающим товароведом. Хотя что это за профессия, толком не знала. Выбрала случайно, по совету подружек. Экзамены сдала, да по конкурсу не прошла. Крушение надежд обмывала слезами. Заперлась в комнате и полдня редела. Теперь сама удивляюсь: из-за чего убивалась!.. А тогда переживала всерьез. И белый свет был не мил и город опостылел. Даже домой из Минска уехала. Правда, ненадолго. По зимнику уж обратно вернулась, заслышав о дополнительном наборе в городское ТУ-76. Не то чтобы враз остепенилась и настроилась серьезную рабочую профессию получить, просто переждать хотела до лета. Шестой год переживаю...

Никогда бы до училища не подумала, что меня так заинтересует электроника. А вот руками ее пощупала и сама не заметила, как увлеклась. Сначала в учебу втянулась, потом на практику попала в 37-й цех «Интеграла», в комсомольско-молодежную смену Савчука. Та практика и стала для меня решающей. Притерлась я к бригаде, нашла себя. А Ленке, значит, что-то у нас не глянулось. Что?

Здесь, пожалуй, самое время рассказать, как нашла себя в цехе Галина Анцыпова.

Большой, уютный, стерильный цех с первого взгляда показался Галине похо-

жим на солидный отдел научно-исследовательского института. За выстроенными в два ряда микроскопами напряженно склонились девчата в голубых да белых халатах и шапочках. Осторожно, вдумчиво колдовали они над маленькими загадочными приборами. И вдруг разом обернулись к двери, где смущенно топтались стеснительные практикантки. Одни подбадривающе улыбались, другие открыто оглядывали новичков. Тут же, что-то мурлыча себе в усы, подковкой изогнувшиеся вокруг рта, к юным ученицам подошел плотный, крепко сбитый парень с добрыми глазами. Хотя он пытался придать лицу подобающее моменту серьезное выражение, у него это не очень получалось. А называли все кругом его батеи, хотя он от силы лет на десять старше самой молодой работницы.

Это и был Василий Савчук. Единственный в смене мужчина. Как успели им шепнуть, человек уже семейный. Да к тому же мастер. А значит, для всех отец родной. Батя.

Савчук, замещавший начальника участка, сам ставил практиканток по рабочим местам. Галину он определил в свою смену. После, выдав Галке две слабости Николаича, девчата объяснили ей, почему так произошло. Во-первых, насчет мурлыканья. Если батя напевает что-то про себя, значит, он в отличном расположении духа. Подходи к нему смело, проси, чего пожелаешь: хоть увольнительную, хоть отгул. Только потом не подводи, обязательно отра-

Андрей ФАРУТИН

ПРО

ботай. Иначе больше никакие песни не помогут — выйдешь из доверия. Вторых, Савчук так прямо всем и говорит: «Свою смену самой красивой на «Интеграле» хочу сделать. С красивыми самому веселее работать». Ну, а Галина, всякий подтвердит, дивчина из себя видная. Да и смышленная, как сразу подметил мастер. Глаз у него наметанный — не ошибется.

Новая ученица попала под начало опытной наставницы Сабины Мурашко, советы которой быстро сделали свое дело. Галя все схватывала на лету и вскоре совершенно освоилась на рабочем месте. А однажды поймала такую технологическую ошибку, что все ахнули. Даже контролеры со стажем проморгали тогда эту маленькую оплошность. А если бы не Анцыпова, ушла бы в брак дневная продукция не то что смены — всего потока! Ведь в цехе закладывается основа сложнейших электронных аппаратов. Причем промахи смены можно обнаружить только в готовом изделии. Вот и пришлось бы списывать в брак всю партию новеньких приборов.

Внимательность Гали избавила коллектив от небывалого стыда. Благодарный Савчук на радость оценил ее практику на «отлично» и твердо предложил ученице приходить на постоянную работу после выпуска. Да еще и преподавателям ТУ порекомендовал аттестовать Анцыпову по пятому разряду. В виде исключения.

Виданное ли дело: девчонка из училища с пятым разрядом приходит, а в смене его имеют только три человека из пятидесяти? Понятно, в женской бригаде к этому отнеслись по-разному. Одни искренне радовались за Галку. Другие не упустили случая остроумным словом уколоть любимицу мастера. Впору было снова бежать из города под мамино крылышко...

Но не побегала. Окрепла Галя за зиму, по пустякам теперь нос не вешала

и рук не опускала. Стерпела и взгляды косые и колкие реплики. Делом доказала, что высокий разряд ею заслужен, что человек она добрый, общительный, подруга верная. И ее признали. Комсоргом смены выбрали.

Раздумья Василия Савчука, мастера

А Лена с какими трудностями на заводе столкнулась? Встретили ее как родную. Не обижали. Делу ее Галина учила терпеливо. Неужто все-таки перед дисциплиной бригадной спасовала? Или я чего недоглядел, недоработал? Не рано ли успокоился, поверив в силу своей бригады?.. Да нет, не рано. Коллектив в самом деле удалось сколотить крепкий, дружный, надежный.

Почему-то вспоминаются свои дни рождения. 7 апреля я обычно прихожу на работу с ворохом конфет, чтобы угостить девчат по случаю собственных именин. А они меня на пороге цеха с цветами встречают. Налетят стайками, окружают со всех сторон, затискают. С хохотом, щелбетами, прибаутками. Настроение — словами не передашь. Песни сами собой замурлыкаются.

Но не сразу ведь, ой не сразу установились у нас столь теплые отношения. И конфликты бывали, и дразги мелкие, и пересуды. Вот, скажем, Галю Анцыпову кое-кто неласково принял. Иной раз и других новичков с холодком встречали. Да и

лий всего коллектива, а оценивался труд по сдельной выработке на индивидуальных операциях. Вот в чем была, по мысли молодого мастера, суть обострившегося противоречия. Специфика производства требовала решительного отказа от набившей оскомину сдельщины и утверждения принципов коллективного труда, взаимозаменяемости смежников.

Общий результат, необходимость освоения смежных операций — вот чем заинтересовал всех единый наряд. Мало-помалу взаимозаменяемость стала нормой жизни коллектива. Любой оператор может нынче дублировать контролеров. Заметит брак — подскажет подруге.

Прекратились хронические срывы. Бригада Савчука стала лучшей в цехе. Три года назад даже добилась второго места во всесоюзном соцсоревновании среди комсомольско-молодежных коллективов отрасли. И уже не снижала ударных темпов. Выступил с почином «Каждый месяц экономить день», смена почти на год опередила план пятилетки, находя новые резервы повышения эффективности и качества работы.

Вот так пересиливал обстоятельства Савчук — с помощью прогрессивных форм организации труда.

Раздумья Галины Анцыповой
Не зря Василий Николаевич так настойчиво протолкал за новый метод. Коллективный наряд в самом деле здорово нас сплотил. Сейчас уже

ПОСЛЕ ОГЛУДА

самому-то мне порой доставалось на орехи от не в меру ретивых, острых на язычок работников.

Большинство-то девчат смены на завод из деревень пришли. Ни традиций рабочих, ни мышления коллективного... Иные за лишнюю копейку так горло драли, что тошно становилось. Налетит на тебя, бывало, этакая наседка, заквохчет, запричитает, про отгул свой неотработанный и помянуть забудет, а туда же: требует, чтобы я ей наряд закрывал не меньше, чем соседке.

Ох и помучился я в цехе на первых порах! Это сейчас с единым нарядом, с советом бригады и верными наставниками я тех забот не знаю. А тогда весь в мыле бегал. Тоже чуть слабости не поддавался: надумал как-то с завода уходить. Вовремя спохватился. Сначала себя пересилил, а уж потом — обстоятельства...

О том, как Савчук пересилил обстоятельства, стоит рассказать отдельно.

Он предложил своей смене попробовать работать на коллективный наряд. Первыми в цехе. Далеко не все откликнулись на нововведение охотно. Были и такие сдельщицы, кого работа по старинке вполне устраивала. Они и прежде, каждая на своей операции, имели твердый заработок, даже когда срывалось плановое задание смены.

Случалось же так нередко. Не зная смежных операций, многие девчата не могли определить все неисправности, порой допускавшие соседкам. Дефекты выявляли одни контролеры. Однако даже самые внимательные из них иногда не замечали ошибок. Электроника — штука тонкая. Где тонко, там и рвалось. План горел, но какой за него спрос со сдельщика? Разве что бросит в ответ: моя-то операция выполнена чисто — плати.

Конечный результат зависел от уси-

ленно и не представляет себе, как можно работать иначе.

На «Интеграле» принято включать в состав комсомольско-молодежных коллективов героев Великой Отечественной войны. Имена героев носят почти сорок бригад объединения, еще больше сотни борются за это право. Наша смена была в числе инициаторов патриотического движения под девизом «За себя и за того парня».

А этот злополучный прогул!.. Никак не вяжется он с нашими традициями, с заведенным нами порядком. Поймет ли Лена на собрании, что она не просто дисциплину нарушила — честь бригады запятнала?

Неужели Ленке в самом деле не нравится, как живет теперь наш коллектив? Интересно же живем. Дружно. На праздники «огоньки» бригадные стали организовывать. На стадион, в кино вместе ходим. О демонстрациях, свадьбах и днях рождения вообще говорить не приходится. Стоит только девчонкам собраться — воспоминаниям конца нет. Взахлеб вспоминают, как приходили они в цех робкими новичками-неумехами, кто из наставниц помогал им профессию осваивать, кому потом помогали сами. Припоминают, сколько уже детей в бригаде родилось, сколько свадеб сыграно, кто с кем покумовался, кто кого замуж выдавал, где вместе бывали, что делали. Люба Машницкая, помнитесь, возила бригаду в свою Вязинку, на родину Янки Купалы. А Галя Драгун даже свадьбу в деревне играла. Нас шестерых смена тогда отпустила как лучших подружек невесты и своих представительниц.

К таким случаям бригада всегда относится с пониманием. Если надо, меньшим составом справляется с напряженной сменной нормой. А нужда в этом постоянная. Коллектив-то у нас женский. То рожать кому пора

приходит, то с больными детьми посидеть. Вот и подменяем друг друга. Бывает, по две-три операции за подружку выполнять приходится. Но план даем!

На отсутствие Лены тоже никто бы внимания не обратил, если бы действовала она по заведенному порядку. Если бы убедила совет бригады, что ей действительно необходимо побыть при захоронившей бабушке.

А может, это хорошо, что Лена сразу-то обмануть нас не отважилась. По-своему честно поступила. Не стала играть на добрых чувствах мастера и совета бригады. А объяснение ей, небось, потом подружки придумали... Надо бы оторвать Лену от них. И чтобы лучших подруг она нашла именно в бригаде. Скорее всего со временем так и будет. Сейчас главное — не переборщить на собрании с нападками. Наказать-то за прогул надо строго, но говорить с ней только по-дружески. Она должна понять.

Раздумья Василия Савчука

И сейчас помню тот давний случай. Очень уж похоже все было. Проштрафилась одна дивчина — работала кое-как, брак допускала, опаздывала. Созвал я свою бригаду и поставил вопрос прямо: увольнять надо. Собрания специально не готовил — верил в свой авторитет. Думал, все меня поймут и поддержат. Ведь не я один был недоволен своевольной девчонкой. Вроде бы должны были за увольнение проголосовать. Но как только началось собрание, я почувствовал неожиданно дружное сопротивление бригады...

Нет, подругу свою девчата вовсе не защищали. По первое число ей выдали и за нарушения дисциплины и за брак. Однако и на меня со всех сторон посыпались критические колочки:

— Что же это такое? Негоже так людей обижать, сразу за борт списывать. Она, может, не понимает чего, так ты на то и мастер — объясняй, учи, воспитывай. Мы тебе помощников выделим. Вон Маринку Галицкую наставником назначим. Она за нее поручилась, верно ведь?

— Да, ручаюсь. И чем смогу, помогу, — подтвердила Марина.

Признаться, растерялся я тут. Ни сном ни духом тогда не предполагал, что мои девчата уже такими сознательными стали. Обидно, конечно, было за критику, но и радостно — ведь бригада силу в себе почувствовала. Не поддакивает безропотно начальству — свою линию гнет. И ведь верная линия оказалась. Провинившегося оператора на два месяца перевели на другой участок, на нижеоплачиваемую работу. Потом тоже глаз с нее не спускали. То ли строгое наказание на девушку повлияло, то ли серьезный разговор, но то, что впрямь она работала без замечаний, факт.

Такой вот конфликт у нас однажды вышел. Так что и теперь повнимательнее надо быть.

Собрание прошло по-деловому. Девчата высказывались строго, но доброжелательно. Единогласно утвердили выговор и решение о лишении Лены премиальных. Лена пообещала впредь прогулов не допускать, сказала, что все поняла и постарается исправиться. Все уже в это поверили, когда Лена вдруг снова исчезла. Уже не на три дня — насовсем. Она просто-напросто сбежала с «Интеграла». Это был единственный случай добровольного ухода из комсомольско-молодежной смены Савчука.

А через полгода Анжелике Безручко позвонила... Лена. Передала девчатам привет. Работает теперь на кондитерской фабрике, где живетесь ей намного вольготнее, где не столь строго спрашивают за нарушения дисциплины. Во всяком случае, не устраивают из-за прогула такой бани, как на «Интеграле». Но скучает она по бригаде. Так и сказала: по нашей бригаде.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Советский подготовительный комитет XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов поддержал инициативу журнала «Смена»,

о которой мы напоминаем. Перевернув журнальную страницу,

вы обнаружите очередной фестивальный разворот «Смены». Второй выпуск.

Первый назывался «Биография фестивалей» и был опубликован в предыдущем номере журнала.

Аккуратно раздвиньте скрепки, соединяющие страницы, и в руках у вас готовый фестивальный плакат.

Что с ним делать? Пионер! Школьник!

Покажи плакат, рассказывающий о фестивальной конкурсе «Смены» и БММТ «Спутник», своим товарищам, друзьям, родителям,

дедушкам и бабушкам. Посоветуйся с вожатым, где и как поместить плакат в школе и классе, в пионерской комнате, чтобы его увидели все. Комсорг!

Комсомольский руководитель! Найди видное место для плаката в комнате комитета ВЛКСМ, на доске агитации в цехе, в красном уголке ударной стройки или сельской фермы, в Ленинской комнате воинского подразделения. Плакат — помощник пропагандиста, агитатора, помощник каждого, кто включился в подготовку к фестивалю.

Празднику молодежи мира в Москве посвящаются трудовые вахты

советских юношей и девушек, субботники и работа в фонд фестиваля, концерты и митинги под фестивальным девизом.

Эти праздники украсит плакат.

Прибавляясь каждые две недели, с каждым новым номером журнала, фестивальные плакаты «Смены» составят целую серию, которая станет активным пропагандистом миролюбивых, гуманистических идей фестиваля.

Навстречу
XII Всемирному

МЫ О МЕНЕ ЖИВЕМ

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ КОНКУРС «СМЕНЫ» И БММТ «СПУТНИК» ЦК ВЛКСМ

С 27 июля по 3 августа нынешнего года в Москве будет проходить XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Его девиз «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!». Этому знаменательному событию в жизни молодежи «Смена» посвящает очередной конкурс зрелитов.

Участникам конкурса предстоит ответить на пятнадцать вопросов из истории фестивального движения.

Среди вопросов, как всегда, есть и простые, и трудные, но источники для ответов доступны каждому. Отвечать на вопросы надо в том же порядке, как они заданы.

Ответ должен быть лаконичным.

Интересные дополнительные сведения надо привести в конце работы в виде комментариев к ответам. При подведении итогов конкурса жюри будет обращать внимание на то, насколько полны и интересны комментарии. Писать желательно четким, понятным почерком на одной стороне листа.

Этот конкурс «Смена» проводит совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ. Какие призы ожидают участников тура? Пять наших читателей, лучше других справившихся с заданием, будут награждены бесплатной путевкой для поездки на Московский фестиваль. Еще пятнадцать участников станут обладателями сувениров.

Кроме того, всем победителям будут высланы почетные дипломы «Смены».

Дополнительно редакция награждает почетными дипломами пятнадцать участников конкурса, чьи работы жюри признает достойными того.

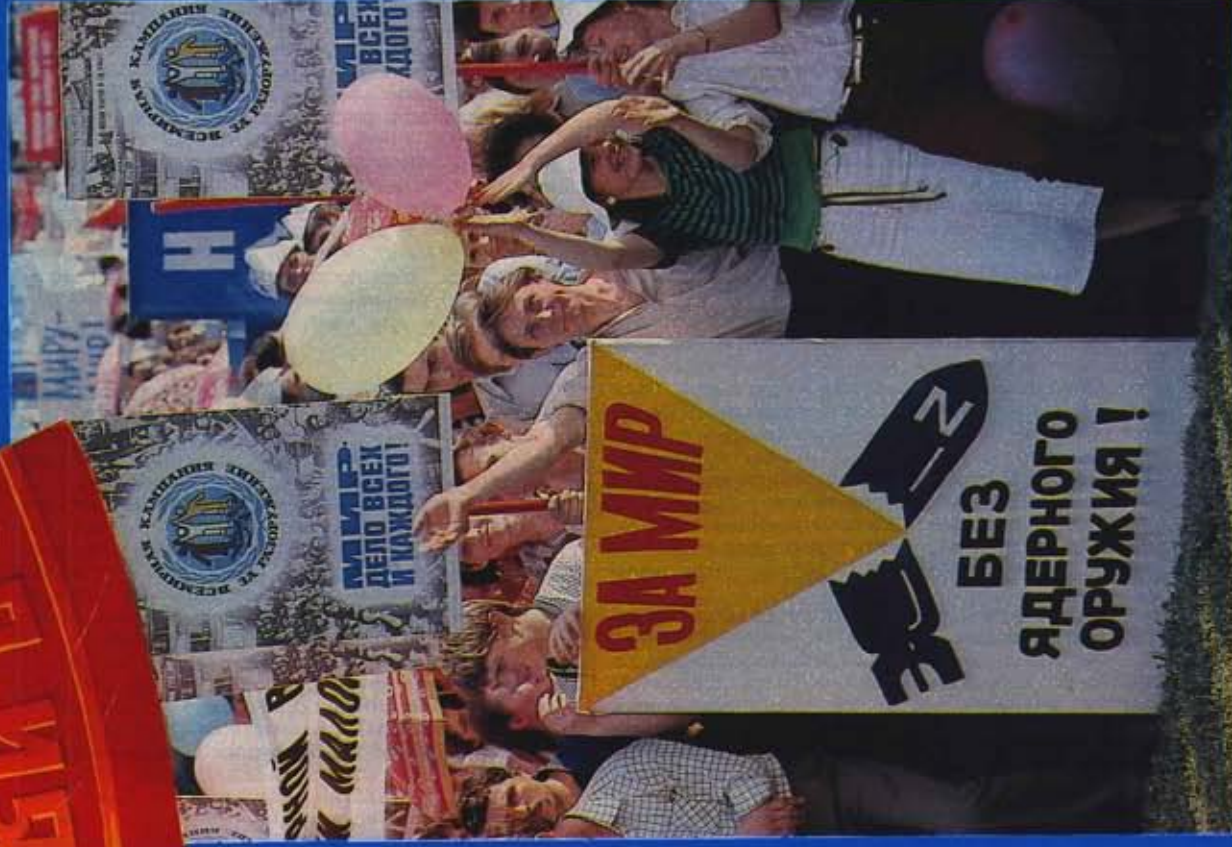

Плакат
художника
Игоря СУСЛОВА

МУЗЫКА

А ТЕПЕРЬ ВОПРОСЫ:

1. Во многих странах на каждое место участника VI Московского фестиваля поступали десятки заявок. Рекордным было их число в Аргентине и Индии. По сколько заявок на каждое место поступило?
2. На фестивале 1949 года особый успех на кинопросмотрах пришелся на долю советского фильма. Какого именно?
3. В творчестве каких двух художников-кариатуристов, лауреатов международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», нашла широкое отражение фестивальная тематика?
4. Назовите имена пяти известных вам советских участников I Всемирного фестиваля молодежи и студентов, расскажите о них.
5. Среди тех, кто на фестивале 1953 года представлял Францию, был человек, носивший три советских боевых ордена. Назовите его имя.
6. Участник III Всемирного фестиваля из далекой страны собрал перед поездкой на праздник молодежи 14 500 подписей под обращением о подписании Пакта Мира. Из какой страны приехал на фестиваль этот борец за мир?
7. Ее первыми в жизни международными соревнованиями оказались спортивные игры на фестивале молодежи в Бухаресте в 1953 году, которые закончились для нее очень удачно. Затем были победы в спортивных играх и на двух

Участником конкурса может стать каждый наш читатель. И каждый, кому не изменит настойчивость в поисках ответов на вопросы, может стать победителем конкурса. Успехов вам, дорогие друзья!

Последний срок отправки писем с ответами на вопросы этого задания — 30 марта. На конверте пометьте: «Фестивальный конкурс».

последующих фестивалях. Назовите эту советскую спортсменку.

8. На каком фестивале впервые был представлен спорт? По скольким видам шли соревнования? Спортсмены из скольких стран в них участвовали?
9. Студент МГУ, самый молодой тогда покоритель Антарктиды, преподнес молодым представителям одной из стран альбом фотографий самого южного континента. Это было на одной из встреч во время VI фестиваля в Москве. Кому именно?
10. Первоцелинник привез мешочек пшеницы из первого целинного урожая и раздал его делегатам фестиваля. Назовите имя первоцелинника и фестиваль, участником которого он был.
11. Чему был посвящен шестой день фестиваля в Хельсинки? Чем этот день начался?
12. Когда впервые «выросла» традиционная фестивальная «ромашка»?
13. *«Вам — всемирной молодежи,
Белой, желтой, чернокожей,
Чуть постарше, помоложе,
Чьи наречья так не схожи,
Но кому всего дороже
Счастья мирного расцвет,
Добрый дружеский привет!»*
К участникам какого фестиваля и какой поэт обратился с этими строками?
14. На встрече-манifestации за мир и дружбу на Московском фестивале японка, пострадавшая от атомной бомбы, заявила: «Это не должно повториться!». Назовите имя этой девушки.
15. Делегат какой страны и кто именно уехал с VI фестиваля в Москве на родину в прямом смысле слова прозревшим?

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ПЛАКАТЫ
«СМЕНА»

Владислав ЯНЕЛИС,
специальный корреспондент
«Смены»

1945-1985
ЖИВАЯ
ПАМЯТЬ

ВОСХОЖДЕНИЕ

Сначала вспомним, как это было. Раскручивался новый драматический виток войны, высшей отметкой которого должен был стать Сталинград. Потерпев неудачу в наступлении на Москву, гитлеровское командование к лету 1942 года сосредоточило свои ударные группировки на юге, надеясь взять реванш здесь, в степях Украины и Ставрополья, а заодно фланговым ударом перерезать коммуникации советских войск, оборонявших Причерноморье.

На пути гитлеровцев встал Главный Кавказский хребет. Ядро 49-го немецкого горнострелкового корпуса, прорывавшегося через хребет, состояло из опытных альпинистов, жителей горных районов Австрии, тирольцев. Особые надежды враг связывал с ударной горнострелковой дивизией «Эдельвейс».

В середине августа 1942 года, когда гитлеровцы устремились к перевалам, единого фронта обороны не было. Склоны кавказских вершин защищали отдельные отряды от роты до батальона. Опасность выхода врага к морю стала реальной.

В директиве от 20 августа Ставка Верховного потребовала создать прочную оборону Кавказского хребта, любой ценой закрыть каждую тропу. Троп было тысячи. В горные районы спешно перебрасывались резервы, из местных жителей формировались партизанские отряды, создавались специальные подвижные отряды, скрывавшие наступающие части гитлеровцев. В горы уходили тысячи добровольцев из числа рабочих и служащих, курсанты военных училищ. Все, кто мог сражаться.

Истребительные отряды, созданные из граждан непризывного возраста, контролировали тылы, вылавливали диверсантов, охраняли коммуникации. В распоряжение Закавказского фронта отзывались солдаты и офицеры, имевшие альпинистский опыт.

Вспомним названия перевалов, бои на которых отличались особым ожесточением и драматизмом: Домбай-Ульген, Нахар, Наурский, Псеашха, Санчар, Белореченский и, конечно, — Клухорский и Маружский. Вспомним бойцов и командиров 242-й и 20-й горнострелковых, 394-й и 64-й стрелковых дивизий, отдельных полков и батальонов, партизанских отрядов и разведгрупп. Они выстояли в сражении на поднебесных высотах, они победили в тысячах схваток на склонах, тропах, перевалах. Они сбросили захватчиков вниз, в предгорья, где егерей добивали уже другие наши армии.

Долгие годы даже пастухи не отваживались проводить свои отары через ущелья и склоны, искромсанные войной. Слишком тягостными даже для выносливых людей были открывавшиеся им картины. Сошедшие снежные лавины порой обнажали тела людей, сжимавших в руках винтовки, а горные сели выносили вниз останки солдат.

Но подвиг защитников перевалов не был забыт. Выросло поколение, искавшее в том подвиге нравственную силу для свершений сегодняшних.

В этих заметках мы расскажем о людях, посвятивших себя благородному делу восстановления Памяти.

СИНЯЯ КНИЖКА

Я спрашивал ее в книжных магазинах Сухуми и райцентров республики, где приходилось бывать. «Такая маленькая, с синей обложкой», — пояснял я продавцам и просил поискать как следует. Они качали головами.

— Знаем. Это о наших истребительных батальонах. Бесплезно. Дали штук пять, и их сразу же раскупили. Да и тираж крохотный — тысяча экземпляров.

В одном из домов я держал ее в руках, сделал несколько выписок. Осторожно наемкнул хозяину

дома, что буду признателен, если он подарит ее мне. Этот гостеприимный человек готов был расстаться с прекрасным оленьим рогом, украшенным серебряной насечкой, или кинжалом чудной работы, книжку же копейной стоимости он отдать не мог.

— Там есть о моем отце, — сказал он.

Тогда я пошел к начальнику политотдела МВД Абхазии Эдуарду Гаригиновичу Миносяну — автору книжки об истребителях. Меня встретил молодой подполковник. Лицо его было добрым и веселым, движения стремительными, рукопожатие крепким. Курчавая шевелюра отливала ранней сединой.

— Что, так книжку и не достали? Ладно, что-нибудь потом придумаем.

Я спросил у него, как он над ней работал и почему он, не писатель, вдруг взялся за тему, требующую долгих и тщательных исследований.

— Да, я не писатель, — произнес он тихо. — И никогда не собирался им быть. Но разве только писатель имеет право говорить людям то, что лежит у него на сердце, что занимает его мысли много лет? Людей, о которых я рассказывал, с каждым годом становится все меньше. Сейчас их можно собрать чуть ли не всех в этом вот кабинете. Мне казалось, что я не имею права ждать, когда материалы, собранные мной, заинтересуют кого-нибудь из литераторов. Я сел и написал, как мог.

Я спросил Эдуарда Гаригиновича, когда он впервые подумал о книге.

— Многие годы я просто искал людей, которые воевали в истребительных батальонах. Это началось еще в школе. К нам на вечера приходили ветераны войны. Я записывал их рассказы. Товарищи интересовались, зачем я это делаю. Я не мог тогда толком объяснить, но чувствовал, что кто-то должен это делать. Потом работа в райкоме комсомола. Бывал в глухих селениях, встречался с бывшими бойцами-истребителями. Ходил в горы, разыскивал места бывших военных стоянок. Работал в архивах. Постепенно понял: то, что делаю, будет нужно моим детям, детям моих детей...

Мысль о книге пришла после одного случая. Однажды поздно вечером он возвращался из дальнего села с отчетно-перевыборного комсомольского собрания. Выйдя на шоссе, проголодался; остановился автофургон. Водитель в пути стал расспрашивать, откуда он родом, кто его родители. Обычные разговоры в дороге. Миносян возьми и расскажи, что так и не видел своего отца. И отец его погиб, не увидев сына.

Это было летом 42-го. Мать завершила двухмесячного Эдика в новое покрывало и пошла на Сухумский вокзал, через который должен был проследовать поезд с пополнением, направившимся на фронт. В этом поезде ехал из Баку с военной переподготовки ее муж и отец Эдуарда. Мать хотела показать отцу сына и еще раз попросить, чтобы Гаригин Миносян берег себя.

Но стоянка поезда в Сухуми была очень короткой. И на вокзале собралось столько людей, что пробиться через толпу не удалось. Так и уехал Гаригин Миносян воевать, не повидав своего младшего сына. А вскоре он погиб где-то под Керчью. Миносян рассказал это, не называя имен, да и зачем знать имена незнакомому человеку. Тут водитель автофургона остановил машину и тронул Эдуарда за плечо.

— Смотрю я на тебя, и то-то лицо твое, парень, кажется мне знакомым. Не Гаригином ли звали отца твоего?

— Да.

— Отец твой погиб на моих глазах. От осколка. Хороший он был человек и солдат храбрый. В одном взводе воевали...

Еще долго автофургон стоял недвижимо, прижавшись к обочине шоссе. И двое людей в кабине тихо разговаривали. Вернее, говорил пожилой, а

молодой жадно ловил каждое его слово, время от времени смахивая с лица ладонью невольные слезы.

— Вот такие дела, парень, — закончил шофер. И добавил: — А сердце у тебя, видать, памятливое. Однако и ехать надо.

Вот тогда Миносян и решил написать книжку о тех, кого знал. Чтобы их дети и внуки могли найти в этой книге рассказ о своих отцах и дедах и о том времени, в котором они жили. Пусть его отец сражался не в истребительных батальонах и погиб не в горах. Но сыновний долг можно отдать и отцам других.

«Их было больше трех тысяч, — так начал он свою книгу. — Виноградари и чабаны, счетоводы и строители, колхозные председатели и учителя. Многим из них перевалило за полвека, иным не было восемнадцати. Шла война, и эти люди не могли спокойно сидеть у своих очагов». Писал Миносян обычно ночами, дни съедала текущая работа. О том, как его герои учились воевать, как они неделями лежали в заслонах на горных перевалах, как рвались в бой и делили друг с другом последний кусок лепешки.

Первые экземпляры книги он подарил бывшим бойцам и командирам истребительных батальонов, тем, кто помогал ему собирать материал, кто жизнью своей вдохновлял продолжать поиски.

Ну, а мне Миносян, как ни старался, книжку так и не достал. Оказалось, что последний авторский экземпляр, хранившийся у него дома, кто-то «зачистал». Что ж, для книги завидная судьба.

«ПАВШИМ — ОТ ЖИВЫХ»

Важа Сахокия — потомственный сухумец. У него много знакомых — чуть ли не весь город. К тому же он человек общительный. Так что нетрудно представить, каково идти с ним по улицам. Его останавливают молодые и пожилые сухумцы, чтобы спросить о его делах, о здоровье, о семье. И он тоже расспрашивает людей о том о сем. Он может выйти из университета, где работает старшим преподавателем на кафедре физвоспитания, днем, а добраться до дома только вечером. Что делать, Важа — истинный сын своего города.

Но в четверг Важа преображается. Он допоздна занят в университете подготовкой к завтрашнему дню: обговаривает в комитете комсомола организационные моменты, проверяет состояние снаряжения, уточняет со своими ближайшими помощниками маршрут. Завтра, в пятницу, он, Важа Сахокия, поведет студенческий поисковый отряд в горы. Они должны найти блиндаж, отмеченный на старой военной карте, которую передал Сахокии заместитель председателя республиканской федерации туризма Борис Шаримбеевич Заурумов, много лет возглавлявший поисковые экспедиции на перевалах.

— Блиндаж должен быть левее перевала, под самым гребнем. Его надо найти, — сказал, передавая карту, Заурумов. — Найти и восстановить.

— Хорошо, — ответил Сахокия, так, как будто речь шла о самом простом деле, — мы постараемся найти блиндаж, если от него хоть что-то осталось.

Так уже бывало не раз, когда его студенческому поисковому поручалось то, на что у других экспедиций не хватало времени и сил. И Важа Сахокия потом докладывал о выполнении поставленной задачи. И никогда при этом не вдавался в подробности, чего ему и его ребятам это стоило.

И сейчас, когда подходы к перевалам покрыты ледниками, работа поисковых групп будет сопряжена с опасностью. Поэтому в этот раз Важа отбирал в отряд закаленных, многократно проверенных людей: Сосо Авделани, Дато Мурванидзе, Чкока Качубея... На них можно положиться в самой трудной ситуации.

Да и сам Сахокия в горах далеко не новичок, еще

на вахте памяти — каждый участник все

СНІЩЕ К ПОДВИГУ

школьником исходил едва ли не весь Главный Кавказский хребет. Сначала он бывал в горах с ребятами просто так, развеяться и заодно пополнить школьный гербарий. Целый день они как-то лазали по кручам перевала Доу, и вдруг уже под вечер Важа наткнулся на проржавевший противогаз. Поднял его — под противогазом звякнули гильзы. Он принялся руками разгребать каменное крошево. Нашел еще гильзы и обрывок солдатского письма. Разобрать удалось только две последние строчки: «Вася, милый, мы тебя ждем. Береги себя, любимый...» Ниже дата — сентябрь 1942 года и подпись: «Ол...»

С этих находок все и началось. Важе не удалось установить, кому было адресовано то письмо, но он сохранил его для школьного музея, как и противогаз, и гильзы. С тех пор походы в горы приобрели для него и его товарищей вполне определенный смысл: ребята искали военные реликвии, чтобы через них открыть для себя еще одну страницу истории своего народа и своих гор, военную.

Потом Сахокия ушел в армию и служил в минометной батарее. Он научился обращаться с минами и гранатами и знал, что это пригодится ему после службы, ведь он не собирался прекращать поиски.

Поступив в университет, Важа познакомился с человеком, который стал для него впоследствии духовным наставником, проводником в военную историю края. Преподаватель кафедры физвоспитания ветеран Великой Отечественной Аванцидз Платонович Цикридзе был мастером спорта по туризму еще с военных лет. Юношей стал он добровольцем, окончил школу военного альпинизма и горнолыжного дела, отважно воевал на перевалах.

С первого курса Важа Сахокия вошел в поисковую группу Цикридзе.

— Важа, — сказал ему тогда Аванцидз Платонович, — помни, что наши горы не всегда были такими безмятежными, как сейчас. Я знаю их другими и хочу верить, что ты поймешь важность того, что мы делаем. Поймешь, как сын солдата, как будущий отец.

Они уходили с Цикридзе в горы на несколько дней. Брали самое необходимое — продукты, снаряжение, инструменты. Аванцидз Платонович показывал, где надо искать. Ребята скалывали лед на склонах, разрывали сухую мерзлую землю и находили останки людей в красноармейской форме. Их переносили в братскую могилу. Если удавалось установить имена и фамилии погибших по медальонам, сверяли потом со списками военкомата, разыскивали родных и близких павших. Внизу, в городе, они выбивали эти имена на мраморных плитах и вновь поднимались в горы, чтобы установить эти плиты над могилами. Но часто имена погибших выяснить не удавалось. И над братскими могилами, куда перезахоранивали солдат, появлялась плита с лаконичной надписью: «Павшим от живых».

Важа и его товарищи не раз наткнулись на неразорвавшиеся мины. Их было особенно много на перевалах Анчо, Аишха, Псеашха, Марухском и Клухорском. Но теперь уже Важа знал, как их обезвреживать, и мины не тормозили работу группы. Студенты восстанавливали и старые, осыпавшиеся могилы, обкладывали их камнями, подновляли надписи. Однажды на Марухском перевале натолкнулись на обломки советского военного самолета У-2 и останки летчика. На склоне в каменном грунте вырыли могилу, сверху прикрепили пропеллер.

Когда не стало Аванцидза Платоновича Цикридзе, Важа принял руководство поисковой работой на себя. От Цикридзе к нему перешла по наследству карта, на которой отмечались маршруты поисковых студенческих групп и особыми значками места, где установлены мемориальные доски и

памятные знаки. За последние годы таких знаков на карте прибавилось. Это уже благодаря Сахокии и его помощникам.

...В понедельник Важа позвонил мне в гостиницу и сказал, что блиндаж они отыскали. Похоже на то, что в нем размещался штаб одного из наших полков. Об этом говорят обрывки телефонных проводов вокруг блиндажа и множество воронок, видимо, штаб сильно обстреливали. В следующий раз они пойдут туда с кем-нибудь из ветеранов боев на перевалах и попытаются восстановить картину боя.

Удачи тебе, Важа!

ПРОБИТАЯ КАСКА

Это было почти двадцать лет назад. Борис Чолария учился в восьмом классе, когда ему и его товарищам поручили взять на учет ветеранов Великой Отечественной, живущих в их селе Тамыш. Над крыльцом каждого из домов, где жили участники войны, решено было прикрепить красную фанерную звезду. В случае если боец с войны не вернулся, — красную звезду с черной каймой. Заготовили триста звезд — столько ушло на фронт тамышцев. Но забыли узнать, сколько звезд нужно обвести черной каймой. Когда обошли дома фронтовиков, оказалось — больше половины.

Он пришел в тот вечер домой и, сев за стол, обвел взглядом семерых братьев. «Значит, — подумал, — если следовать арифметике войны, четверо из нас должны были бы погибнуть». Тяжкая истина, которую он открыл для себя тогда, стала для него с годами еще отчетливее. Чолария окончил географический факультет университета, обзавелся семьей, занялся преподавательской работой.

Однажды инспектор района, присутствовавший на его уроке, сказал, что Чолария отвлекается от темы. Рассказывая о рельефе Кавказа, совсем необязательно говорить ученикам о боях на перевалах. Для этого есть уроки истории.

— Ребятам интересно то, что я рассказываю, — возразил Чолария.

— Возможно. Но этого нет в методике.

Тогда он, преподаватель географии, создал кружок по изучению родного края. И в каникулы повел школьников в горы. Вернувшись, они разложили на столе директора школы свои находки: образцы скальных пород и отдельно солдатский ремень, флягу, затвор от винтовки, саперный щуп, гильзы и многое другое. Часть находок они передали потом в краеведческий музей, часть оставили в школе.

Чолария мечтал о том, чтобы походы по местам боев стали не эпизодическими, а регулярными, чтобы поисковые отряды работали в каждой школе республики. Он ушел из школы и устроился работать на не очень заметную должность методиста республиканской станции юных туристов. У него появилась возможность реализовать свои замыслы. Дело оказалось непростым, не все поддерживали Бориса, когда он доказывал необходимость создания в каждой школе постоянно действующей поисковой группы. Чолария был настойчив. И за многое брался сам. Добывал походное снаряжение, разрабатывал маршруты, создавал актив.

Он приходил в обком комсомола и ставил его работников перед фактом: через неделю такой-то район проводит туристический слет школьных поисковых отрядов. Чем может помочь обком комсомола?

— У каждого отряда должна быть конкретная задача, — говорил Борис, — задача, которая ему по силам. Пусть это будет создание музея, исследование боевого пути сражавшегося в горах батальона, поиск неизвестных героев. Дело не в масштабности задачи, а в том, насколько увлечены ею ребята.

— Борис, — прошу я, — расскажите о каком-нибудь походе.

И он рассказывает, что однажды на встрече следопытов с ветеранами 310-го горнострелкового полка бывший разведчик Алексей Шарахович Ашуба поведал о том, как накануне одного из боев на перевале Анчо его отделение вырыло четыре окопа в скальном грунте. Перевал этот нельзя было сдавать ни в коем случае. Иначе гитлеровцам открывался путь к побережью. «Не будь этих окопов, неизвестно, как сложился бы бой, нас было слишком мало... В том бою меня контузило в голову и я потерял каску. Наверное, она и сейчас там», — заключил ветеран.

— Я предложил ребятам подняться на Анчо и разыскать те самые окопы, не говоря пока ничего Ашубе, — продолжал Борис. — Собрались и пошли. Найти окопы оказалось делом непростым. Но мы все-таки их отыскали. Окопы уцелели лишь благодаря тому, что были вырыты на самом гребне. Раскопали грунт на дне окопов, нашли много винтовочных гильз. Стеннело, но мы продолжали искать. И вдруг Аслан Куроглы замечает каску. «Неужели, — думаем, — та самая, которую потерял Ашуба?» Вспоминаем, как разведчик говорил о контузии, все сходится — у каски отбит край. Ребята радовались так, как будто нашли клад. Я тоже, признаюсь, разволновался...

Слушаю Бориса и невольно представляю себе их там, на перевале, среди ледников. Тогда уже было холодно и вечерами на вершины садился туман. Луч фонаря упирался в белесую непробиваемую мглу. А они хотели спускаться в таких условиях, ребятам не терпелось показать каску Ашубе. Чолария сказал: «Нет, вниз пойдем завтра». Но они поднялись еще до рассвета, когда красное марево только-только показалось над горами. И начали спуск.

Ашуба не поверил глазам, схватил каску: «Моя. Видите — след пули, это от «шмайсера». Немцы начали атаку ночью, поливали нас очередями слепую. А мы били по вспышкам прицельно. Утром на склоне под вершиной мы разглядели мертвых гитлеровцев. Их было много. А каску я свою тогда не нашел. Времени не было, пришлось идти в медсанбат».

Историй, подобных этой, Борис рассказал мне много. И все они выглядели так, что основными их участниками и героями были ребята, следопыты или коллеги Чоларии по станции, только не он сам. Но и в этом я понимал его: Борису хотелось говорить о тех, ради кого он трудился, кого хотел видеть своими преемниками в поисковой работе.

Случилось так, что нам с Борисом так и не удалось съездить в Алахадзевскую школу и познакомиться с работой военно-патриотического клуба «Подвиг». Чолария огорчился больше, чем я, этот клуб был его гордостью.

— Их школьному музею иной районный может позавидовать, — рассказывал Борис. — Там собраны реликвии практически со всех горячих точек горной войны, интересно сделана экспозиция о фронтовиках-односельчанах. И дела какие! Представляете, ребята из «Подвига» сами организовали сбор средств на строительство памятника летчику, погибшему в их селе при выполнении боевого задания. Все следопыты — активисты отрядов ЮДП, помогают пограничникам охранять наши рубежи. Каждый год несколько ребят обязательно поступают в военные училища. Это уже традиция. А ведь начиналось все с походов на перевалы.

Да, все начиналось с походов. С узнавания земли, на которой они живут, на которой живем все мы. Эта земля одаривает нас открытиями, помогает нам познать самих себя, прошлое своего народа, трудное и великое. Надо учиться видеть и понимать его в глазницах воронок, в расколотых взрывах валунах, в незаживающих рубцах окопов.

ЖИЛИ-БЫЛИ ДИНОЗАВРЫ

ИЗ ТАКИХ ЯИЦ
ПОЯВЛЯЛИСЬ
МАЛЕНЬКИЕ
ДИНОЗАВРИКИ.

СО ДНА
ДОИСТОРИЧЕСКОГО
МОРЯ.

ДАВНЯЯ СЕНСАЦИЯ: ВТОРОЙ
НАЙДЕННЫЙ
В МИРЕ МАМОНТ.

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ ОЛЕГ ЛЕБЕДЕВ:
«ИЗ МОЗАИКИ ОСКОЛКОВ
СКЛАДЫВАЕТСЯ КАРТИНА ЖИЗНИ
УШЕДШИХ ЭПОХ».

Ирина АНДРИАНОВА.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Пумерки, город, шоссе, лес топорщится зубцами елей, красное здание, похожее на уснувшего ящера. Дверь открылась, над головой качнулся скелет древнего животного. Животное летит из глубин веков, из бездонного колодца времени, летит миллионы лет. От этого полета замирает сердце...

Я в Московском Палеонтологическом музее при Палеонтологическом институте АН СССР.

Вернее, музея как такового нет: он еще не открылся. Но, говорят, открытие не за горами. А пока здесь идут работы: звенят молотки, летит белая пыль — и проступают на стенах силуэты ящеров, динозавров, насекомых, древних растений. В витринах размещают экспонаты, приклеивают пояснительные тексты. На полу стоят внушительные ящики с грунтом, а из него торчат древние кости.

Пока здесь идут работы и готовы только два зала из предполагаемых четырех. И все же мне повезло: я попала на одну из первых экскурсий по музею, который будет. Начал ее заведующий Палеонтологическим музеем Николай Николаевич Каландадзе.

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

Что увидят в Палеонтологическом музее будущие посетители?

Три экспоната из петровской Кунсткамеры.

Второго найденного в мире мамонта — обнаружил его в 1839 году в устье Таймыра купец Трофимов.

Чудесную коллекцию ракушек, собранную учителем Константином Андреевичем Кабановым на берегах Волги.

Коралловый риф за витринным стеклом.

Перо птицы, такой же древней, как археоптерикс.

Когтевые фаланги динозавра, облик которого ученые пока не могут представить, потому что, кроме загадочных фаланг, другие остатки скелета не найдены.

Отпечатки перьев, следов, листьев — вот что может уцелеть во времени и пространстве!

Таракана в возрасте 100—120 миллионов лет. Кстати, не самого старого таракана в мире, так как известны более древние тараканы предшественники.

Что узнают в музее будущие посетители?

Жизнь на Земле появилась в архее около четырех миллиардов лет назад... Древние предки птиц жили в скалистых полупустынных местах, и тела этих предков были покрыты чешуей... Если бы не существовало цветковых растений, не могли возникнуть и развиваться обезьяны, чья пища состояла из семян, бутонов и плодов.

И многое, многое другое узнают посетители...

Легко промелькнули столетия, величаво проплыли эпохи, и мы с Николаем Николаевичем шагнули из эры в эру.

Попали в зал динозавров. Позвонки, черепа, коричневые кости, зубы цвета старых ячменных зерен, гигантские скелеты в центре зала.

Здесь таинственно и немного страшно. Кажется, вот-вот услышишь топот тяжелых ног, мощный динозав-

рий рев и ощутишь тугое прикосновение воздуха от движения гигантских тел. Я медленно иду от витрины к витрине — разглядываю, читаю. Многие тайное становится явным.

«На крыше черепа пахицефалозавров находилось куполовидное углубление, иногда до 10 сантиметров толщиной. Купол мог использоваться как турнирное оружие самцов во время брачного сезона, подобно современному бодающимся животным, либо как оборонительное оружие».

«Зубы хищных динозавров, сменявшиеся на протяжении всей жизни, имеют пильчатые гребни на передних и задних краях. Такое строение облегчало вырывание кусков мяса из тела жертвы».

«Двуногие ящеротазовые динозавры образуют подотряд теропод. Тероподы очень разнообразны: хищные, всеядные и насекомоядные; мелкие размером с собаку и гигантские до 5—6 метров в высоту с крупными зубами».

А эти три гиганта в центре зала, что можно узнать о них?

— Я расскажу вам об экспонате, что стоит посередине, — экскурсию продолжает младший научный сотрудник института Сергей Курзанов. — Это хищный динозавр — тарбозавр. Как он попал в наш музей? В конце сороковых годов палеонтолог, писатель-фантаст И. А. Ефремов возглавил палеонтологическую экспедицию в Монголию. И в местечке Нэмэнгэту ефремовской экспедицией был найден данный скелет. Тарбозавр передвигался на задних лапах, хорошо бегал, питался живой добычей и падалью. Скорее всего тарбозавры жили группами на небольших территориях, но охотились в одиночку. Этот вывод подтверждается примером из современной жизни: вараны с Коморских островов живут по три-четыре особи, но вместе никогда не охотятся. И возраст динозавров мы определяем, ориентируясь на наблюдения за современными рептилиями: динозавры, в частности тарбозавр, жили по 50—60 лет. Каков был вес данного экземпляра? Примерно 4—5 тонн. Но это не очень крупный тарбозавр, есть гораздо более крупные... О жизни, о поведении динозавров мы узнаем по отпечаткам следов. Казалось бы, такая малость — след; исчезни он во времени — ну и что? Нет, след для ученых — как страница интереснейшей книги...

Ежегодно Палеонтологический институт АН СССР, при котором создается Палеонтологический музей, организует экспедиции. Бывают они длительные, увлекательные, конечно, нелегкие, но после каждой такой поездки ученые привозят материал

для работы, экспонаты для будущего музея.

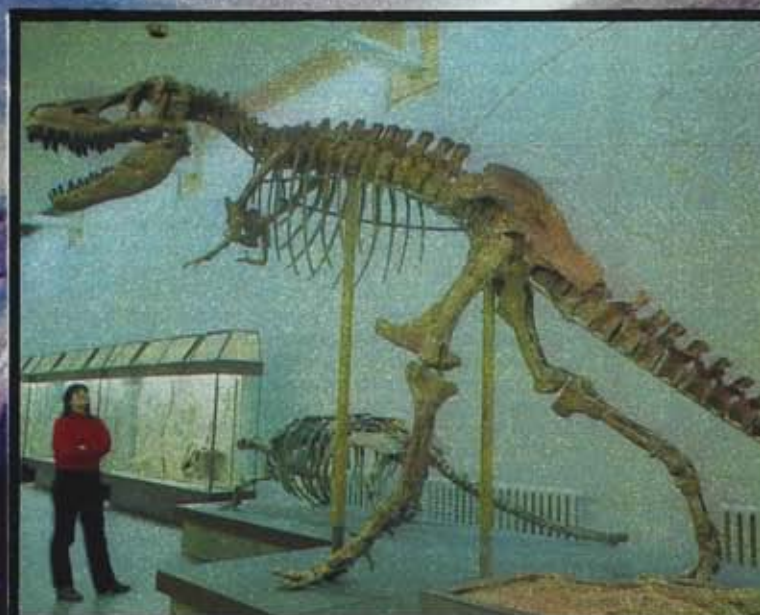
...Машины, палатки, паяльные лампы, фантастические закаты, каньоны, нагромождения ископаемых пород... Сотрудник Палеонтологического института Владимир Алифанов рассказывает мне о своей первой экспедиции.

— Мне повезло. Прошлым летом я побывал в удивительно интересных краях: в пустыне Гоби и на Алтае. Работал в двух отрядах, жил в экспедиции четыре месяца... Находили в больших количествах древних черепах, ящеров. Красивые эффектные отпечатки листьев. Находили динозавров... В районе хребта Нэмэнгэту я тоже нашел динозавра. В тот день, как обычно, наш отряд отправился на поиски. Внизу, под горой, было не очень интересно: валялись отдельные кости, конечно, кости динозавров. А ведь интереснее всегда найти целый экземпляр. Я решил взобраться на самую верхушку горы. Взобрался — гляжу, лежит маленький динозаврик. Правда, без черепа. Что я испытал?! Вот она, удача...

Удача... Из чего она складывается? Из жары, когда задыхаешься в палатке. Из сложной, тяжелой перевозки находки: Володино динозаврика, как и других, «упаковали» прямо с грунтом в несколько ящиков, и таскали их, и грузили в машины, и волновались, чтобы в целостности доехали. Из работы, если надо — без воскресений, если надо — без праздников. Но все-таки она прекрасна — удача!.. И пока она волнуется, будет интересно жить, интересно «грызть гранит науки». Интересно создавать музей. Как интересно это и Николаю Николаевичу Каландадзе, и Сергею Курзанову, и Владимиру Алифанову. Всем сотрудникам будущего музея.

...За моей спиной закрылись двери. За ними остались динозавры, флора и фауна разных эпох, редкие экспонаты, загадки и тайны истории жизни Земли.

За дверями осталось древнее животное, которое летело к нам из глубин веков, из бездонного колодца времени. Чтобы от этого невероятного полета у нас замирало сердце. А жизнь и древнюю, и настоящую мы полюбили бы сильнее.

ДЛЯ СОТРУДНИКА ИНСТИТУТА ТАТЬЯНЫ ТУМАНОВОЙ НЕТ НАУКИ ИНТЕРЕСНЕЕ ПАЛЕОНТОЛОГИИ.

ТАРБОЗАВР, ОБНАРУЖЕННЫЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ И. А. ЕФРЕМОВА.

ПЕРВАЯ КАПЛЯ

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПЬЯНСТВО?
ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР С РОДИТЕЛЯМИ.

Павел ЕМЕЛИН,
специальный корреспондент «Смены»

В начале ноября 1984 года в редакцию пришло письмо из Чернигова. Письмо коллективное, подписанное группой родителей школьников этого города. Приведем его полностью.

«Уважаемая редакция!
С огромным удивлением и, если хотите, возмущением мы прочитали в 17-м номере «Смены» корреспонденцию «Пока не поздно». Это наши дети являются участниками вокально-инструментального ансамбля «Романтики» Черниговского Дворца пионеров. Вот уже почти два года, как наши ребята с увлечением занимаются музыкой под руководством опытного педагога, друга и наставника наших детей В. А. Шума. За этот короткий срок ансамбль создал большую музыкальную программу, занял первое место в областной конкурсе детской художественной самодельности и в числе других победителей премирован туристической путевкой в Крым. Ребята знают и любят все школьники города приглашают их на свои вечера. И вдруг — такое обвинение!..

Первая реакция — недоумение. Неужели это о нас? Но все точно: Чернигов... Дворец пионеров... Виктория... Да, действительно, это она — Вика, солистка ансамбля. Девочка, которую все уважали, любили, жалели за ее нелегкую судьбу, — и вдруг так оклеветать ребят, с которыми столько работала, к которым тоже хорошо относилась.

Никто из ребят вначале не поверил, что это писала Вика, решили, что кто-то назвал ее именем. С нетерпением ждали ее возвращения из колхоза, где она была с ПТУ, в котором сейчас учится. «Да, писала, но в заметке все искажено. Про ансамбль я не могла такого придумать», — был ее ответ Вадиму Алексеевичу, руководителю ансамбля.

На совместное собрание коллектива ансамбля, родителей и администрации Дворца пионеров она не явилась. Это было трудное собрание. Подавленные сидели ребята, еще более удрученными были родители. Дело в том, что фактов, описанных в письме Вики, не существует. Правда, к курению некоторые ребята тянулись. Вадим Алексеевич замечал это, беседовал с ребятами. Но в выпивке никто из ребят и никогда не был замечен.

Наши дети постоянно на виду у нас, у педколлектива Дворца пионеров, у всего города. Долгие часы проводили они в репетициях, в концертах. Единственным огорчением для нас было то, что слишком много времени наши дети отдавали любимому увлечению, порой в ущерб школьным урокам. Но и здесь Вадим Алексеевич не был безучастным: связывался с классными руководителями, на собраниях ансамбля «прорабатывали» нерадивых.

Случай с одним из ребят, описанный Викой, действительно произошел на репетиции, но совсем по другой причине. Мальчик с утра не ел, голодным и усталым пришел вечером на репетицию и во время игры потерял сознание. Пришлось ему оказать медицинскую помощь. Вот так все обстоит на самом деле.

Вика с ребятами больше не встречалась, объясняться не затела. Учитывая особенности ее характера, было решено пока ограничиться личными беседами с ней администрации Дворца пионеров, Вадима Алексеевича, некоторых ребят. Всем она говорит одно и то же и как будто чувствует себя очень неловко. (Хотя, откровенно говоря, не мешало бы спросить с нее строже, ведь человеку в 17 лет пора отвечать за свои поступки.)

Конечно, теперь будут различные проверки, много людей отвлечено, немало душевных сил затрачено. Выбילו это из привычного ритма и

ансамбль. Ребята получили горький урок несправедливости.

Но мы не успокоимся до тех пор, пока это незаслуженное пятно с педколлектива Дворца пионеров и наших детей не будет снято. Убедительно требуем проверить факты, дать свою оценку увиденному и опровергнуть обвинение наших детей в пьянстве через журнал. Ведь это «слава» на всю страну. А ребят мы учим правильно: нужно учиться, трудиться и вести себя так, чтобы никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не давать повода для подобных обвинений.

Родители: Л. Михайленко, В. Михайленко,
Л. Фокина, О. Лагутин, Л. Глебова,
Л. Заурова, Ж. Катруца, В. Катруца».

Честно говоря, письмо это для нас было неожиданным и, скажем прямо, не очень приятным. Ведь прежде чем напечатать что-то на наших страницах, мы не раз прикидываем, как отзовется наше слово. И вдруг: «незаслуженное пятно», «требуем проверить», «опровергнуть обвинение» — да, тут медлить, конечно, нельзя, нужно срочно, со всей тщательностью и объективностью разобраться в фактах, о которых пишут родители.

...Репетиция ансамбля была назначена на четыре вечера. Но уже за полчаса в тесноватой комнате, заставленной аппаратурой, инструментами, украшенной почетными грамотами, афишами, ребята сгрудились вокруг нового пульта, который только что привез руководитель ВИА Вадим Алексеевич Шум, и, забыв обо всем, радовались новинке: «Теперь живем!»

И вот они, притихшие, настороженные, сидят и ждут нелегкого разговора. Тут не все, кто занимался в ансамбле вместе с Викой. Два мальчика сейчас учатся в Риге, один, бас-гитарист, — в Симферополе, в военном училище. Напрасно подыскиваю слова, чтобы объяснить цель приезда. Ребята уже «в курсе» и с какой-то поспешной готовностью говорят о письме Вики.

— Это клевета, пущенная на всю страну.
— Ее письмо навредило всему коллективу.
— Вика написала неправду. — Говорят, а сами переглядываются, в глазах растерянность. Да и в словах, как в зеркале, нетрудно заметить отражение родительского мнения.

Днем раньше я долго беседовал с Викторией и уже точно знаю, что выпивки, в которых участвовали если не все, то большинство ребят, были. Каждый раз по какому-либо «поводу»: день рождения у Олега, шестнадцатилетие еще одного мальчика, победа в конкурсе. И всегда эти памятные события отмечались с вином. Потом, позже, ребята и сами этого уже не отрицали. «Правда, — уточнял Сережа, — пили только сухое и шампанское».

Был и такой случай — расскажу о нем подробно специально для родителей, написавших нам письмо и потребовавших «проверить факты». Семь человек — костяк, цвет ансамбля — собрались у Вики 31 марта отметить успешное выступление в конкурсе, о котором, кстати, пишут родители. А вот о состоявшейся вслед за этим пирушке «бдительные» мамы и папы почему-то не упомянули в своем письме. Не знали? Да нет, оказывается, знали. Какие только обвинения не сыпались на голову Вики, когда мы вместе с родителями и дирекцией Дворца пионеров вспомнили этот эпизод. Она, дескать, специально спила ребят. А они, невинные эти младенцы, даже слова против не сказали.

На самом деле все было не так. После концерта ребята вместе с руководителем пообедали в ресторане «Брянск», а потом, распрощавшись с Вадимом Алексеевичем, решили отпраздновать свой успех «как полагается». Разъехались по домам, а к условленному часу дружно пришли к Вике — в тот день у нее в квартире никого из взрослых не было. Еще раз словно бы пережили свое выступление, пели, играли на пианино, на гитаре и... поднимали бокалы.

Конечно, позиция Викторией была бы куда более

прочной, если бы сама она не пила и капли спиртного. Нет, призналась она, пила наравне с теми, кого справедливо критиковала в своем письме. Спрашиваю: зачем же покупала вино? «Не хотела быть белой вороной», — отвечает. — Знала, что ребята придут не с пустыми руками».

— Да мы и выпили-то чисто символически, ведь победа в конкурсе — такое событие! — оправдывается Дима.

— Мы же взрослые люди, — добавляет Виталий. А толковый и рассудительный Владик, скрипач, секретарь комсомольской организации школы, сказал с некоторой торжественностью:

— Семнадцатого ноября мне исполнилось шестнадцать. С разрешения родителей я и мои друзья выпили шампанского. А что тут такого? Ведь это... ну, как бы ритуал посвящения в мужчины.

После такого откровения «мужская гордость», видимо, разыграла и у других ребят: каждый вспомнил подобный «уважительный» повод, и не один.

«С разрешения родителей» — вспоминаются слова Владика (отец которого, между прочим, воспитатель в школе-интернате). Так как же понимать в таком случае позицию пап и мам, написавших столь сердитое письмо-опровержение в редакцию? И как понимать их весьма категоричную фразу: «В выпивке никто из ребят и никогда, — подчеркнули они, — не был замечен?»

Может, потому и не «замечали», что сами иногда разрешали? Но зачем же тогда вводить в заблуждение редакцию?..

«Мой сын не был на той выпивке у Вики», — едва сдерживая слезы, с каким-то отчаянием говорит мама одного из парней. «Увы, Лариса Никитична, — с искренним сочувствием приходится убеждать ее, — был...» И свидетельств тому более чем достаточно.

Я все ожидал, что теперь, когда стало ясно, кто из ребят и когда выпивал, родители иначе, более объективно, более критически взглянут на поведение своих чад и не будут требовать опровержения письма Вики. Нет, по-прежнему настаивают: «Напишите в журнале, что наши дети никакие не пьяницы».

Ну, что ж, согласен: ребята, с которыми пришлось познакомиться, не пьяницы. Пока. Но кто поручится, что они ими не станут, если уже сейчас ходят «поводы» и оправдания для выпивок и не видят в этом никакой опасности? Так же, кстати, как и их папы и мамы, позволяющие подросткам «побаловаться» вином.

— Так ведь то в день рождения, — оправдывали своих детей родители, собравшись во Дворце пионеров для беседы с корреспондентом.

— Сейчас все пьют.
— Бокал шампанского. Разве это пьянство?
— Ребенок не познает мир, если сам чего-то не попробует.

Кажется, все доводы в пользу выпивки по «поводу» были приведены. И все ради того, чтобы убедить редакцию, что редко и «в меру» выпивающие шестнадцатилетние ребята не пьяницы. Просто, мол, «балуются». Невольно вспоминаются строчки Демьяна Бедного, написанные как будто специально для такого случая:

**Я сам когда-то баловался,
Но бросил глупости давно.
Пусть я «пил — не напивался»,
Но это пьянство все равно.**

И вот что еще настораживает: никто — ни родители, ни педагоги Дворца пионеров — не встал и не сказал: «Товарищи дорогие, да о чем мы спорим? Разве не известно, что алкоголь в любой, пусть и мизерной дозе, и дети — понятия несоместимые? Разве не доказано, сколь пагубно влияет он на юный, растущий организм? И какая разница — рюмка водки или «поэтический» бокал шампанского будет для наших ребят вехой на пути к пьянству? Любой врач подтвердит: при более или менее регулярном употреблении спиртных напитков подросток за год, а то и за полгода может стать алкоголиком».

Так что сделаем это мы и скажем родителям, среди которых, кстати, есть и медики, и педагоги, со всей определенностью: да, ваши дети, которые выпивают редко, от случая к случаю, для которых тяга к спиртному еще не вошла в привычку, пока не пьяницы. Но где гарантия, что при таком «благо-склонном» отношении к вину они не станут ими завтра?

А теперь попытаемся, как просят авторы письма, «дать свою оценку увиденному». Но сначала отметим такой факт.

Странно, что ни родители, ни дирекция Дворца пионеров даже не удосужились прочесть статью С. Швердина «Опасное пристрастие» («Смена» № 9 за 1984 год), которая и послужила Викторией толчком для письма в редакцию. А ведь в ней как раз и говорилось о причинах, толкающих подро-

стков к вину, о необходимости решительного разрыва с «питейной модой». Как же этого не учитывать?

Впрочем, и письмо Вики в Чернигове многие прочитали весьма своеобразно — словно через микроскоп. Сосредоточили все внимание на нескольких строчках, где упоминается о парне-гитаристе, упавшем в обморок, и пристрастно выделали слова Виктории о том, что все мальчики из ансамбля пьют по «поводу» и без повода. Но разве в них пафос Викиного письма? Куда важнее, думается, ее мысль, что каждый должен и может перебороть себя, порвать с опасными пристрастиями к алкоголю. Иными словами, Виктория призвала сверстников к самовоспитанию. Недаром же ее письму дан заголовок «Пока не поздно».

Хорошо, что выступление журнала многих черниговцев задело за живое. В Чернигове не пропустили мимо ушей и конкретные, тревожные факты, о которых писала Вика. Не пропустили — отреагировали. Но как?

Меры, принятые по письму Виктории, напоминают действия при пожаре. Шум, суета, стремление как можно быстрее залить пламя водой. Одним словом, паника. Вместо того, чтобы спокойно, без ажиотажа разобраться во всем, самокритично оценить ситуацию, сделать правильные выводы, дирекция дворца и родители бросились спасать свое «доброе имя», «честь коллектива».

Что ж, честь — понятие высокое, но не все же средства хороши для ее защиты. Мне приходилось бывать на судебных процессах, когда на скамье подсудимых сидели подростки. Суд предьявляет неопровержимые обвинения, а родители вопреки фактам твердят свое: «Этого не может быть! Наш сын хороший, он не способен на преступление». Например, одна мамаша, чей семнадцатилетний сын украл у соседки японский магнитофон, винила в этом не сына, не себя, а потерпевших: зачем, дескать, держат дома такие дорогие вещи.

В данном случае речь у нас не об уголовном деянии. Однако беспокойство родителей понятно: узнать со страниц всеоюзного журнала, что твой несовершеннолетний сын выпивает, — это, конечно, больно. Но, с другой стороны, Вика в своем письме не назвала ни одного имени. Если же кто-то из мальчиков и узнал себя, то разве взрослые, педагоги и родители, не обязаны были помочь ребятам правильно оценить свои поступки? К сожалению, все обернулось по-другому: ребята из ансамбля восприняли письмо Вики как личное оскорбление, а взрослые — как посягательство на их репутацию.

Страсти бушевали в родительских душах и тогда, когда они сочиняли коллективное письмо. И при нашей встрече в Чернигове эмоции плескались через край.

Т. Михайленко, бухгалтер, старшая сестра одного из участников ансамбля: «Вика облила грязью ребят, а ведь их награждали не за количество выпитого».

Л. Заурова, инженер: «Вика видит в мальчиках лишь плохое, считает себя выше их».

А. Кучер, врач-хирург: «Мы не хотим, чтобы так чернили наших детей!»

В том же духе высказались и руководители Дворца пионеров.

Л. Добровольская, заместитель директора по учебно-воспитательной работе: «Ребята были кумирами в городе, а теперь получается, что они хуже тех, кто состоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних».

Л. Парасич, директор Дворца пионеров: «Письмо Вики — это пятно на весь наш коллектив».

Чего больше в этих высказываниях — уязвленности самолюбия или же непонимания существа проблемы, затронутой письмом Виктории? Скорее всего, и то, и другое.

А ведь острота и актуальность проблемы пьянства среди молодежи видна, как говорится, невооруженным глазом. Достаточно выйти вечером или в праздник на улицу, и редко не встретишь шумную компанию подвыпивших юнцов. Сколько бед приносят порой их проделки! Но не меньше тревожит сама живучесть питейных традиций в молодежной среде, когда «белой вороной» считают не выпивоху, а трезвенника, когда происходит смещение, перекокс нравственных ценностей в сторону мнимых питейных доблестей. Именно этим не в последней мере объясняется, что пьянство и алкоголизм резко омолодились. В 1925 году, к примеру, пьющих в возрасте до 18 лет было всего лишь около 17 процентов, а сейчас?.. Исследования показывают, что к десятому классу средней школы спиртное знакомо 99 мальчикам из ста и 87 девочкам из сотни опрошенных. Выходит, родители, собравшиеся во Дворце пионеров, недалеко от истины, когда утверждают, что сейчас пьют все. Только вот — не парадокс ли? — используют они это обстоятельство не в укор, а в оправдание своим детям (а заодно и для самооправдания).

— Мы понимаем, что пьянство — социальное

зло, — поддержала начатый родителями разговор Л. Парасич. — Но учтем психологию будущего мужчины. Хотим мы этого или нет, но вино воспринимается ребятами как признак взрослости. А разрешать пить в день шестнадцатилетия или не разрешать, это, — не без иронии заметила Лариса Львова, — вопрос философский.

Да, никак не могли родители и администрация Дворца пионеров оторваться от «микроскопа». Никогда не хотели взглянуть на приведенные Викой факты не с колокольни своих амбиций, а в свете общей проблемы борьбы с пьянством.

Разве это философский, теоретический вопрос — будут пить наши дети или нет? Разве это не самое животрепещущее дело воспитательной практики? В том-то и беда, что мы начинаем бить тревогу, когда многие подростки в наших «разрешениях» не нуждаются. Они уже заражены бактериями питейных обычаев, сориентированы не на полную трезвость, а в лучшем случае на так называемое «культурное» винопитие. Но разве столь уж важно, сколько и что пьют ребята? Ведь пьянство, как известно, начинается и с рюмки водки, и с бокала шампанского или сухого вина, и с пристрастия к пиву. А если быть точнее, он, этот скользкий путь, начинается еще раньше — с оправдания выпивки, с возведения ее в степень «мужского достоинства», «взрослости» и т. п.

Кто должен прививать ребятам противодействие к спиртному? В первую очередь, конечно, семья. А что мы видим на деле? Каждый третий подросток получает первую рюмку из родительских рук. Не трезвость, а выпивка — «умеренная», «культурная», «для настроения», «для общения» и даже «для пользы дела» — выдается некоторыми родителями за норму жизни. «Пей умеренно», — поучают своего дитя иные папы и мамы. И это «умение пить» каждый толкует на свой манер. Вот и черниговским родителям, авторам письма, на фоне проступков, совершаемых подростками в пьяном виде, их дети могут показаться чуть ли не ангелами: они, дескать, не хулиганят, не дебоширят. Все так, но склонность ребят к выпивке не становится от этого безобидней. Более того, «благосклонность» к спиртному вредит не только их собственному здоровью, но и создает как раз питательную почву для хулиганства и других нарушений общественного порядка.

Да, трудно бывает убедить шестнадцатилетнего сына, что в его день рождения на столе не должно быть спиртного, даже шампанского. Он тут же назовет десятки примеров, когда у одноклассников такие же торжества проходили с вином. Значит, нужны терпение, выдержка, а главное — убежденность, подкрепленная личным примером трезвости. Лишь тогда можно надеяться, что наши дети будут пить меньше, а то и совсем откажутся от алкоголя.

Обсуждая (а не осуждая) письмо Вики, родителям и педагогам из Чернигова надо было бы не просто расследовать имевшие место факты, а позаботиться о воспитании у детей подлинной культуры, неприятия ее суррогатов, о выработке у них стойкого иммунитета к любым проявлениям пьянства. Увы, в этом сложном и ответственном разговоре с ребятами ни родители, ни педагогам Дворца пионеров не хватило педагогического такта, критической объективности. Эмоции заслонили не только очевидные факты, но и суть острейшей, больной, тревожащей всех нас проблемы. Ведь любая попытка скрыть, оправдать случаи приобщения подростков к вину лишь загоняет болезнь внутрь и уж никак не идет на пользу ни детям, ни обществу.

Странную позицию занял во всей этой истории Черниговский горком комсомола. Проще сказать, это позиция невмешательства. Разбираться в фактах, приведенных в письме Виктории, работники горкома начали лишь накануне приезда корреспондента «Смены», хотя публикация в журнале появилась на два месяца раньше. Полагали, что во Дворце пионеров обойдутся своими силами? Но ведь письмо в редакцию писала комсомолка, да и в ансамбле почти все комсомольцы.

— Конференция у нас в это время проходила, голову от бумажки некогда было поднять, — объяснил первый секретарь горкома ЛКСМУ Александр Тимошенко. «Подключился» горком лишь тогда, когда я был уже в Чернигове.

Уезжая из этого древнего, прекрасного города, зашел во Дворец пионеров на очередную репетицию ансамбля. Все было как обычно, только Вика уже больше сюда не придет. Ссылаются на нехватку времени, но я-то знаю, что причина не в этом...

Смотрю на ребят. Хорошие, в общем-то нормальные ребята. Никакие, конечно, не пьяницы... Не сомневаюсь, что впереди у них новые успехи в учебе, в творчестве. Хочется верить, что и к спиртному они теперь будут относиться по-другому — более строго, нетерпимо. Но сумеют ли понять Вика? Сумеют ли во имя справедливости и прежней дружбы подняться выше своей обиды? Сумеют ли преодолеть себя?

ОДИННАДЦАТЬ ДЕБЮТАНТОВ

Третий год подряд выбор одиннадцати лучших дебютантов футбольного сезона делается читателями «Смены». В своих письмах любители футбола благодарят редакцию за предоставленное им право определения самых дерзких, умных, интересных новичков чемпионата и стремятся быть объективными. Должны отметить, что активность болельщиков постоянно растет. В частности, один из победителей конкурса, москвич М. Пронин, прислал в течение сезона 40 (!) открыток с различными вариантами «своей» сборной.

Итак, в состав символической команды лучших дебютантов сезона-84 вошли:

Вратарь — Александр Подшивалов («Арагат», Ереван).

Защитники — Александр Шулаев (СКА, Ростов-на-Дону), Арсен Чилингарян («Арагат», Ереван), Альмир Каюмов («Спартак», Москва), Николай Воробьев («Зенит», Ленинград).

Полузащитники — Вальдас Иванаускас («Жальгирис», Вильнюс), Ренат Атаулин («Динамо», Москва), Игорь Сурувикин (СКА, Ростов-на-Дону).

Нападающие — Анатолий Кистень («Динамо», Минск), Александр Никитин (СКА, Ростов-на-Дону), Андрей Шалимо («Динамо», Минск).

Одни из новичков ярко проявили себя в матчах первенства страны, другие — Каюмов, Шалимо — отличились в европейских кубковых турнирах или запомнились по выступлениям в составе юношеской сборной СССР. Самый молодой среди дебютантов Иванаускас — 18 лет, старший по возрасту — двадцатисемилетний Кистень.

Редакция «Смены» от имени читателей поздравляет лауреатов, желает им и впредь дерзать на футбольных полях и надеется еще не раз встретить их имена в составах самых разных и не только символических сборных.

Победителями конкурса признаны поклонники футбола, чей список символической сборной был подтвержден наибольшим числом читателей:

М. Пронин (Москва), М. Игнатова (Орел), О. Васильев (Москва), А. Барский (Николаев), А. Ступник (Кишинев), С. Тропин (Мурманск), А. Барашкин (Брежнев), А. Пятин (г. Арсеньев Приморского края), С. Вассерман (Флорешты Молдавской ССР), В. Яшан (Москва), А. Струков (Люберцы Московской обл.), Г. Липатова (г. Арсеньев Приморского края), А. Соколов (Москва), В. Тульверт (Ленинград), И. Шалыгин (Бирюсинск Иркутской обл.).

Дипломы «Смены» будут вручены читателям, назвавшим 10 футболистов из 11, признанных лучшими путем авторского опроса: А. и В. Кононовы (пос. Стайки Минской обл.), В. Михалев (г. Ступино Московской обл.), С. Богданов (Новороссийск), В. Светличный (Белозерск Донецкой обл.), В. Качалин (Москва), К. Решетов (г. Канск Красноярского края), В. Чириков (Москва), Е. Соловьев (Новоосбест Свердловской обл.), В. Юраш (Николаев), С. Данченко (Бердянск), Ю. Лучицкий (Запорожье), Б. Блага (г. Слобидка Тернопольской обл.), А. Жулев (Новоосбест Свердловской обл.), Г. Яхимович (пос. Насосный Азербайджанской ССР).

Итак, уважаемые болельщики и читатели, стартует новый игровой сезон. Напоминаем, что по условиям конкурса «Одиннадцать дебютантов» вы можете присылать неограниченное количество открыток с указанием на каждой не более одиннадцати фамилий футболистов, не выходящих в прежние годы на поле в составах команд высшей лиги. Ваши письма помогут молодым игрокам обрести веру в свои силы, определить уровень спортивного мастерства.

К Анастасии Вертинской слава пришла в 15 лет. Фильмы «Алые паруса» и «Человек-амфибия» были так популярны в свое время, что эхо этого «бума» докатилось до сегодняшних дней. И это огорчительно для актрисы, потому что роли, сыгранные позднее — Офелия в «Гамлете», Лиза в «Войне и мире», работы в фильмах «Случай с Польшинным», «Безымянная звезда», в спектаклях «Чайка», «Тартюф», — были значительнее, интереснее.

Наибольшее удовлетворение актрисе, наверное, принес фильм «Случай с Польшинным» (по повести К. Симонова «Бестолковая»), снятый довольно давно. Он хорошо передавал тревожную атмосферу военного времени. Анастасия Вертинская сыграла роль актрисы, образ которой был навеян Симонову личностью Валентины Серовой. Но с тех пор Вертинская не часто встречалась в кино с такими глубокими ролями, хотя, конечно, надежды ее не оставляют, ибо позади, несмотря на молодость, большой опыт — и жизненный, и творческий.

Вряд ли хоть одно интервью с Анастасией Вертинской обходится без вопросов об отце. И это естественно. Александр Николаевич Вертинский был поэтом, автором и исполнителем своих песен, снимался в кино. Был художником в полном смысле слова, человеком многостороннего таланта, влюбленным в искусство... Он создал образ печального Пьеро, который стал едва ли не символом предреволюционной России. В те годы Александр Вертинский имел огромную популярность — даже ноты и пластинки выходили с его изображением.

Отец умер, когда ей, младшей из сестер (старшая — Марьяна, тоже актриса), было 12 лет, но такая яркая и значительная индивидуальность не могла не оставить следа в душе ребенка.

Анастасия Александровна рассказывает, что отец их рано осиротел, воспитывался у тетки, сбежал от нее, пел в церкви в Киеве, скитался, а в 23 года оказался за границей. Сам Вертинский назвал это «бессознательной эмиграцией», страшно тосковал по родине, пел только на русском языке, хотя прекрасно знал и французский, и английский, и все годы вне родины были проникнуты желанием вернуться, об этом и написана его книга «20 лет без родины» (книга должна выйти в издательстве «Искусство»). В конце 1943 года Александр Вертинский вернулся в Советский Союз.

«Воспитанием нашим (с сестрой), в том смысле, что «это делай, а это нет», родители не занимались. Они развивали в нас любовь к русской литературе, истории, к русским традициям. Мама прививала нам интерес к живописи. Она сама по образованию художница. Папа увлекал нас сказками. Я помню вечера, когда он садился за стол в своем махровом халате, на столе горела лампа и стоял стакан с крепким, сладким чаем. Периодически он давал нам отхлебнуть из стакана. Мы сидели у него на коленях, он обнимал нас большими красивыми руками и рассказывал сказки, легенды, читал стихи, Андерсена.

Андерсена он любил больше всех из детских писателей. Он читал, по-актерски оживляя мир андерсеновских королей, капризных принцесс, верных дюймовочек.

Часто он сочинял сказки сам. Мы жили на углу улицы Горького и Козицкого переулка. Наши окна выходили на Елисейский гастроном, и с пятого этажа мы всегда видели безумной красоты люстры, горящие по вечерам в полнакала. Именно вечером исчезало впечатление, что гастроном — торговое место. Вечером это был замок или дворец, выстроенный фантазией отца. Во дворце жили необычайные существа, там жил и кот Клафедрон. Это имя папа придумал сам. Рассказы про кота представляли собой сериал с продолжениями, где Клафедрон терпел драмы в личной жизни, бесконечно влюблялся, в результате он потерпел страшное крушение, и конец жизни был у него плачевный, за ним никому было ухаживать, кроме старого пса, которого Клафедрон гонял всю жизнь».

Фантазией были пронизаны и рассказы Александра Николаевича о жизни, людях, гастролях.

ИСПОМНЕНИИ

«В детстве мне казалось, что гастроли — это место, где с папой происходят невероятные истории, которые никогда не происходят с ним в Москве».

Дом Вертинских славился гостеприимством. Сюда приходили актеры, композиторы, здесь бывали Яншин, Грибов, Ливанов, Богословский... Новые песни Александр Николаевич проверял на этой аудитории.

«Как-то, я помню, в самый кульминационный момент песни папа сделал паузу, посмотрел на Богословского, который в это время с любопытством рылся в нотах, и, смеясь, сказал: «Никита! Не воруй!» Все засмеялись. Его очень любили».

К сожалению, на папины концерты нас брали редко. Первый раз папа привел нас на концерт, когда исполнил песню «Доченьки». Мы с Машей сидели в ложе, и я помню, как мы разрыдались, когда услышали последний куплет:

*«И закроют доченьки очень мои,
И споют на кладбище те же соловьи».*

В наше сознание не входило, что папа может когда-нибудь умереть, и мы просили его не петь больше этот куплет.

Через всю жизнь человек пронесет память о детстве. Оно формирует характер, в конечном счете — судьбу. Все мы «вышли из детства», и наши сегодняшние удачи и неудачи корнями уходят в первые годы жизни.

Дебют в кино у Анастасии Вертинской произошел естественно, как переход из мира сказок отца в сказку кинематографа, и первые ее два фильма перекликались с историями отца, в которых вымысел, печаль и счастье — неперенные спутники, как в настоящих сказках.

«Папа не хотел, чтобы мы с Машей стали актрисами, считал, что это скитальческая профессия, и хотел для нас более спокойной участи».

Труд актера, как принято говорить, каторжный. Ежедневные репетиции, тренажи, потом по 100, 200, 300 раз говорятся одни и те же слова, повторяются одни и те же мизансцены. Приходится много ездить, летом оказываться в жарком Ташкенте, зимой — в Южно-Сахалинске. Беречь голос и работать в огромных залах без микрофонов, болеть и не знать, что такое не прийти на спектакль даже при высокой температуре, при простуде. Но это труд, который оплачивается истинной зрительской любовью, хотя есть и такая «любовь», когда раздаются бесчисленные звонки по телефону, вторжение в личную жизнь, подчас беспочвенные упреки по поводу той или иной роли (известным актерам часто приходится менять номера телефонов, изымать адреса из справочников), ибо появление актера на экране кажется иному зрителю достаточным поводом для всего этого.

Актеры доверчивы, они легко верят комплиментам и упрекам и болезненно переживают последние. И часто в жизни мы видим не его самого, а только одну из масок, за которой он прячется от нашего зрительского любопытства и суда.

«В детстве я мечтала о балете. Папа привел меня в училище, но там меня «забраковали», сказали, что, во-первых, я высокого роста, во-вторых, у меня нет «подъема», в-третьих, что-то не гнется и поворачивается «не в ту сторону», в-четвертых, нет актерских способностей, а в-пятых... балет мне загубит жизнь».

Папа решил жизнь мою не губить, и в балетное училище меня не отдали. Спустя какое-то время после этого визита папа прислал мне письмо, в котором говорилось: «Поскольку ноги у нас с тобой похожи, то я обиделся на свои и уже две недели с ними не разговариваю...»

Моя актерская судьба началась почти случайно. Меня привели на «Мосфильм» по просьбе режиссера Птушко, который уговорил мою маму разрешить мне сниматься, чтобы продолжить имя Александра Николаевича в искусстве. Когда Птушко рассмотрел меня повнимательней, он ужаснулся: я была похожа на спортсмена-подростка. Но раз меня привели на студию, то решили все-таки

попробовать. Гример увлеклась моим лицом и сделала из меня Ассоль. Так что я этой своей ролью должна быть благодарна искусству гримера».

В фильме «Алые паруса» с Анастасией Вертинской работала блестящая характерная актриса Серафима Бирман.

«Показывая мне, как лучше сыграть Ассоль, она брала ведро вместо корзины, снимала туфли (а у нее был 40-й размер ноги), долго смотрела в одну точку, потом срывалась с места и с ведром в руке гигантскими шагами передвигалась по кабинету с криком: «Я здесь, Грей!» Большого несоответствия с Ассолью невозможно было себе представить. Я сползала под диван от смеха, но все-таки была очень благодарна Серафиме Германовне. Эта великая актриса была моим первым учителем».

Она меня ругала и за Ассоль, и за «Человека-амфибию». Единственный фильм, за который она меня похвалила, — «Гамлет», тогда она сказала, что не ошиблась во мне, хотя во время работы над «Алыми парусами» проклинала ситуацию, которая нас свела, и уговаривала маму развернуть меня в сторону от кинематографа».

Сегодня, если посмотреть этот фильм, запоминается только одно: красивые раскосые глаза Анастасии Вертинской и неудержимая улыбка, видимо, от радости по поводу собственной судьбы. 15-летняя актриса была зажата перед камерой, но, безусловно, эта роль явилась первой актерской школой. У Анастасии Вертинской остались добрые о ней воспоминания, так как это была встреча с Александром Гринем, с романтическими героями «Алых парусов».

«Помню, как в бухту в Коктебеле вошел корабль под парусами из алого шелка. Все побережье сбежалось смотреть на это зрелище: ясное небо, солнце, легкий ветерок, слегка волнуемый алые паруса, синее море, корабль мчит, как стрела, мимо камер».

В фильме «Человек-амфибия» Анастасия уже чувствовала себя свободнее. Павильон стал спортивной площадкой, где можно было проявлять увлечение спортом. Актриса участвовала в подводных съемках, прыгала с корабля, не разрешая дублерше делать это вместо себя. Но и этот фильм не стал достаточно серьезной работой. Первой встречей с настоящей драматургией и настоящей работой стал «Гамлет». Режиссер фильма Григорий Козинцев — знаток Шекспира и талантливый человек. Партнерами Анастасии Вертинской оказались такие высокие мастера своей профессии, как Иннокентий Смоктуновский и Михаил Названов. Они помогали начинающей актрисе, помогали оправдывать тот риск, который совершил Козинцев, выбрав ее на роль Офелии.

Козинцева поразило лицо Анастасии Вертинской в гриме Офелии. Он говорил, что после кинопробы уже не мог воспринимать в этой роли ни одну актрису. Офелия Вертинской словно сошла с полотна Боттичелли. Впервые тогда поняла Анастасия, что «актер — магическая профессия».

После съемок возникло желание овладеть этой профессией, хотя, казалось бы, есть уже известность, есть приобретенный опыт. Анастасия поступает в вахтанговское театральное училище. Здесь нет публички, можно ошибаться, можно играть все, что захочется: Джульетту, Анну Каренину, Нину Заречную, — даже если ты совершенно не подходишь к этим ролям. Словом, после суровых будней раннего кинотруда пришла творческая раскованность. В тот период Анастасия увлеклась характерностью, пробовала себя в разных жанрах.

Но во время учебы были и съемки, тот же «кинотруд»: «Война и мир», «Анна Каренина», а на драматической сцене — главная роль в «Принцессе Турандот» в театре имени Евг. Вахтангова. Рисунок роли рассчитан на первую исполнительницу — легендарную Цецилию Львовну Мансурову, он сочетал в себе женственность и нервозность, четкость и экстравагантность, которые повторить не могла полностью ни одна актриса.

«Я играла Турандот, прислушивалась к своему голосу и поражалась, до какой же степени он

бездарный. Такое мое состояние вылилось в решение: я поняла, что оставаться в этом театре мне нельзя. Мне надо было еще многому учиться. Тогда-то я встретила на улице Игоря Квашу из «Современника», с которым была немного знакома, и спросила: «Скажи, пожалуйста, Игорь, можно ли показаться у вас в театре?» Игорь сказал, что испытывает ко мне самые дружеские чувства, но показываться не рекомендует... Я заколебалась, но потом решила рискнуть и показала».

«Современник» был подлинно демократическим театром. Все решалось «коммуной». Любой член труппы имел право голоса. Шли бесконечные диспуты, от которых невозможно было оторваться. Показываться мог всякий. На показе обычно присутствовала вся труппа — известные молодые актеры. Это производило парализующее действие: судьи казались монолитом строжайших лиц. Анастасия Вертинская прочитала отрывок из «Антигоны» Ануя.

«Ефремов попросил меня почитать еще что-нибудь, я в отчаянии прошептала, что у меня больше ничего нет. «Ну хорошо, — сказал он мне, — вы свободны». Когда весь поток показывающихся прошел, мне объявили, что я принята».

«Современник» жил демократическими принципами, но и своими собственными традициями. Только после двух лет массовой можно было рассчитывать на роль. В массовке выходили и Табаков, и Толмачева... Считалось, что артист не должен гнущаться массовой сценой: сегодня ты в массовке, завтра — в главной роли. Таков был девиз «Современника».

За 12 лет работы в театре Анастасия Вертинская сыграла большой репертуар: комедийные, драматические, трагические роли в классических и современных пьесах.

Учителем своим она считает Олега Николаевича Ефремова.

«Ефремов и «Современник» были для меня неразрывны, именно они сформировали меня и граждански, и нравственно, и творчески».

Велики были колебания, когда Ефремов пригласил Анастасию Вертинскую перейти во МХАТ, где он с 1972 года стал главным режиссером: «Современник» оставался родным домом. Но, наконец, в 1980 году актриса вступила в труппу МХАТа и сыграла роль Нины Заречной в «Чайке».

...В последние годы Анастасия Вертинская много работала на телевидении. Зрителям запомнился фильм «Безымянная звезда» режиссера Михаила Козакова. Анастасия Вертинская и Михаил Козаков встречались еще на съемках фильма «Человек-амфибия», потом много лет были партнерами по сцене «Современника», и это помогло в новой работе.

«Я считаю, что у Миши редкое режиссерское дарование, и он замечательно срежиссировал и разыграл всю эту чуть сентиментальную, чуть романтическую, трогательную историю».

Сейчас Анастасия Вертинская все свое время уделяет театру, отказывается от киноролей. На сцене МХАТа уже сыграны Лиза из «Живого труп», Эльмира из «Тартюфа», героиня пьесы Гельмана «Наедине со всеми». И сыграны на высоком уровне мастерства, являя зрителю опытного, не успокоившегося мастера, актрису, способную сочетать трагическое, комическое и драматическое.

Веселая собеседница... Замотанный житель большого города... Красивая женщина... Неутомимая труженица... Анастасия Вертинская — известная актриса знаменитого театра, в расцвете своего таланта...

«Мне нравится работать во МХАТе, нравятся партнеры, я снова встретила с замечательным актером Иннокентием Михайловичем Смоктуновским. Я хочу работать».

Галина АКСЕНОВА

ЕЖЕМОНИ

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ЗАБИРАЙТЕ «БАРАНКУ» С СОБОЙ

Предприимчивый собственник одной из станций автосервиса во Франции, учитывая непрерывно увеличивающееся число автомобильных краж (в прошлом году в стране было похищено 270 000 машин), запатентовал оригинальную противоугонную систему. В ней не используются ни хитроумные замки, ни электроника, ни капканы. Просто предложена конструкция легко демонтируемого рулевого колеса. И съём и обратный монтаж занимают несколько секунд. Рулевое колесо фиксируется специальным штифтовым устройством и болтом. Автор изобретения рекомендует: покидая автомобиль, унести «баранку» с собой — кто сумеет угнать машину без рулевого колеса?

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

Не атланты, а природа...

В 1968 году у побережья Багамских островов с воздуха на небольшой глубине были обнаружены нагромождения огромных каменных блоков. Это дало повод для выдвижения гипотезы о древних сооружениях, воздвигнутых атлантами, пришедшими в эти края после гибели Атлантиды. Гипотеза требовала научной проверки. И она была проведена методом радиоизотопного анализа этих блоков. Проверка показала, что не мифологические атланты, а сама природа на протяжении многих веков придавала скальным обломкам геометрическую форму, под водой же они оказались в результате постепенного опускания суши в этом районе земного шара.

Подобное явление наблюдается не только у Багамских островов. У побережья Антарктиды, например, также имеются подводные скопления каменных блоков правильной геометрической формы.

«ШТИИИЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМАНИЯ

Когда построен Тадж-Махал?

Чудо индийской архитектуры из белоснежного мрамора в городе Агра, как традиционно считается, построил в XVII веке правитель Индии из династии Великих Моголов Шах-Джехан в качестве мавзолея для своей любимой жены Мумтаз. Однако авторитетные индийские и американские археологи, долгое время исследовавшие памятник, единогласно утверждают: порталы памятника стояли еще в XIV веке, то есть за триста лет до смерти Мумтаз.

В своих опровержениях легенды археологи основываются на том, что Тадж-Махал гораздо более походит на укрепленный дворец, чем на мавзолей. Зачем нужны надгробному памятнику стены фортификационного сооружения? И для чего понадобилось триста помещений вокруг центрального зала? Столько комнат скорее требовалось для многочисленных гостей правителя, пребывающего во дворце. Исследователи также обращают внимание на ряд документов и фактов, свидетельствующих, что легендарная любовь Шах-Джехана и Мумтаз скорее лишь красивая сказка. В частности, в Тадж-Махале погребена не только Мумтаз. Здесь покоится и Сарбанди, бывшая персидская княжна, другая жена правителя.

«ИНДИАН ЭКСПРЕСС»,
ИНДИЯ

БЕГОМ ВОКРУГ СВЕТА

Да, такую задачу поставили перед собой два английских бегуна — Генри Уинстон и Робин Кросс — обежать вокруг земного шара. Стартовав в Лондоне, они рассчитывают финишировать через два года. В пути их будет сопровождать на велосипеде их товарищ Уэйн Вульфсбир. На некоторых особенно трудных участках Уинстон и Кросс будут идти спортивным шагом. «Что вас больше всего волнует в вашей нелегкой затее?» — спросили у бегунов перед стартом. «Удобная обувь», — таков был единодушный ответ.

«СТАДИОН», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

МАРШРУТОМ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

В 1992 году три каравеллы отплывут от испанских берегов и возьмут курс на Америку. Этим путешествием, повторяющим маршрут Христофора Колумба, в Испании решено отметить пятисотлетнюю годовщину открытия американского континента.

В ближайшее время начнется строительство кораблей, которые должны повторить те, что отправились в плавание в далеком 1492 году. В архиве королевских судоверфей в Барселоне найдены чертежи той эпохи, внимательно изучаются судовой дневник Колумба и старинные изображения каравелл. По традиции, деревья, которые будут использованы для постройки каравелл, срубят в ноябрьское полнолуние: старые мастера были убеждены, что в этот день дерево особенно крепкое. Специалисты намереваются разыскать и включить в экспедицию потомков моряков, участвовавших в экспедиции Колумба.

Судя по проекту организаторов плавания, оно вовсе не будет легкой прогулкой: экипажи трех судов, которые пройдут специальный двухлетний курс обучения, получат карты и навигационные приборы пятнадцатого века, а на борт возьмут только те продукты, которыми запасались моряки в то время, — воду, сушеную рыбу и фрукты, муку...

«АБЦ», ИСПАНИЯ

«ХОЧЕШЬ РАБОТАТЬ? ПЛАТИ!»

24-летний парень из Вильгельмсхафена (ФРГ) потерял работу. Целый год обивал он пороги бирж труда, безуспешно пытаясь найти место. Бессмысленное стояние в очередях довело его до крайности, и он согласился на невероятное предложение: один делец попросил у него «взаимы» 30 000 марок, за что обещал взять на работу. Чтобы выплатить эту сумму, мать отчаявшегося парня заложила свой домик... И началась у бывшего безработного «новая жизнь». С первых же дней хозяин стал всячески придирается к нему, и очень скоро бедняга почувствовал себя ничем не лучше раба, с которым могут сделать все, что вздумается. В конце концов незадачливый «покупатель рабочего места» не выдержал и обратился в профсоюз за помощью. Хозяин тут же выбросил его на улицу. Но профсоюз встал на сторону потерпевшего и передал дело в суд, который признал увольнение незаконным и обязал оборотистого дельца вернуть 30 000 марок. Этот приговор сам по себе примечателен: в ФРГ не слишком часто рабочий выигрывает процесс против хозяина. Случай, можно сказать, беспрецедентный...

«ЭЛАН», ФРГ

Еще одна роль Адриано Челентано

В кадре — Адриано Челентано... К удовольствию своих почитателей, известный итальянский актер и певец снова появился на экране — на этот раз в комедии «Синг-Синг», снятой режиссером Серджио Корбуччи. Партнер Челентано в фильме — Энрико Монтезано.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

УПРЯМЫЙ ВУЛКАН

Вулкан Этна на Сицилии вновь привлек всеобщее внимание. Группа видных итальянских вулканологов решила провести здесь невиданный эксперимент — повернуть поток лавы, которую выбрасывает Этна, направив его в искусственное русло. Таким образом была бы устранена опасность, которая угрожает людям, живущим вблизи вулкана. С технической стороны осуществить проект было непросто: на высоте двух тысяч метров понадобилось выкопать канал длиной 300 метров, построить защитный барьер, вырыть и перенести на другое место сто тысяч кубических метров земли... Вначале Этна «покорилась»: лава потекла новым руслом. Но затем вулкан словно взбунтовался, и раскаленная река возвратилась на старую дорогу. Так что последнее слово осталось за Этной. Ученые, однако, не отказались от замысла в один прекрасный день укротить вулкан...

«ПОЛИТИКИН ЗАБАВНИК»,
ЮГОСЛАВИЯ

Визитка В Ладозском

Хлопоча над закуской и ловко откупоривая бутылки, Бурже как бы мимоходом, невзначай, задавал гостю вопросы: на каком языке мсье предпочитает разговаривать — на французском, английском или немецком, где он живет во Франции, о семье, хорошо ли устроился в отеле, заметил ли за собой «хвост» по дороге в Женеву. Отвечая, Рокотов ловил порой его косящий взгляд, быстрый и изучающий.

— Да снимайте пиджак! По-моему, тут довольно жарко. Сбросьте пиджак, галстук, вам будет удобней, прошу, мсье Жан, — вы позволите вас так называть? — Хозяин радушно улыбался, с любопытством рассматривая художавшего гостя, его смуглое продолговатое лицо с темно-кариыми смелыми глазами, шевелюру черных волос. — Повесьте пиджак сюда, на это кресло, вот так! Вам удобно, мсье?

— Вполне. В таких случаях говорят: как дома! — Улыбка не сходила с губ Рокотова. — Вы позволите называть вас по имени?

— Да, да, конечно, Жан! Мне будет приятно: ведь мы не только коллеги, но и друзья по борьбе, единомышленники, не так ли? Что вы курите — сигареты, сигары? Вот крепкие турецкие, превосходные, аромат бесподобный, попробуйте. Что вы будете пить, Жан? Такую встречу надо непременно всприснуть! Коньяк? Виски? Хотите красного бургундского? Мне привезли контрабандой из Франции полдюжины старого бургундского, я предпочитаю его любым другим винам — отменный вкус! Давайте выпьем! И надо обязательно поесть — икорка, ветчинка, советую кусочек телятины, очень нежная, свежая форель, попробуйте, только вчера выловлена, пальчики оближете, да берите же! С вашего позволения, Жан, я положу вам это, это и вот это...

— Вы просто сирена, Анри, я уже соблазнен! — рассмеялся Леонид, оглядывая вазочки и тарелки с редкими деликатесами, которыми был заставлен весь стол.

Хозяин захохотал, откидывая назад курчавую голову и блестя крепкими белыми зубами. Его мясистый нос и толстые щечки налились кровью.

— Какая сирена, Жан? Я поклонник веселого Бахуса: люблю, черт возьми, как следует прополоскать желудок, когда сажусь есть! Я ведь родом из Гаскони, из Мон-де-Марсана — знаете такой город? — все французы любят выпить, а у нас особенно: всегда на столе вино.

— Во Франции и теперь пьют не меньше, а вот с продовольствием в городах туго: почти все вывозят в Германию. Не то что здесь. Хотя у вас тоже карточная система, в магазинах, я посмотрел, какие угодно продукты, были бы деньги.

Беспечная веселость сползла с лица Бурже, толстые черные брови нахмурились.

— Знаете, что я скажу вам, Жан. Конечно, мы здесь не живем впроголодь, как люди во Франции или в других оккупированных странах: карточные нормы у нас гораздо выше, да и по коммерческим ценам в городах либо в деревне можно купить любые продукты. Но наш достаток вкупе с сельской идиллией и суверенитетом давно бы исчез, если бы не наши хитрые толстосумы. Швейцария, вы знаете, — это всемирный банк! Здесь накапливают денежки все, кто может: наши друзья и наши враги — и демократы, и фашисты. Поэтому влияние здешних банкиров распространяется практически на все страны, в том числе и на верхушку германского рейха. Эти толстосумы способны договориться с кем угодно: с Муссолини, с Гитлером, с самим дьяволом! Лишь бы сохранить свои барыши! Наши денежные мешки делают нацистам уступку за уступкой, а правительство конфедерации

вынуждено вести политическую игру: страх перед вторжением у нас очень велик. Мы находимся под прессом германской мощи — угроза с севера висит над Швейцарией постоянно. В итоге мы имеем, так сказать, зависимую независимость, а Германия — немалые для себя выгоды. Мы поставляем ей отличные зенитные орудия, точные приборы, кое-какое оборудование; немецкие промышленники приобретают у нас патенты на уникальные станки, немецкие грузы идут железнодорожным транзитом через страну в Италию и Францию, а оттуда в Германию. Но и наши толстосумы во всей этой купле-продаже своего, конечно, не упускают: заключают выгодные сделки с немецкими, итальянскими, французскими и испанскими фирмами, и, хотя немцы строго контролируют учет продуктов питания в оккупированных странах, им удается вывозить оттуда в Швейцарию крупные партии продовольствия. Это весомая добавка к нашим внутренним ресурсам. Получается, что фашисты — хозяева Европы! — нас как бы даже подкармливают!

— Что-то вроде экономического альянса, выгодно обоим, — заметил Леонид.

— Да, но выгоды не только экономические, Жан. Для нас это независимость, свобода, пусть даже временные. Как ни покажется странным, для Германии наш суверенитет также полезен. Ведь, кроме нейтральной Швеции, Швейцария — единственный в Европе островок мирной земли среди окочующегося океана войны. Наш традиционный нейтралитет, нормальное функционирование ряда международных организаций, деятельность которых, как вы знаете, мы всегда поощряли, плюс удобное местоположение Швейцарии в Центральной Европе — все это по-прежнему используют для связи с европейскими государствами правительства почти всех других стран мира, воюющих, полувоюющих, нейтральных. Поэтому наш нейтралитет необходим самой Германии как воздух. Нацистские бонзы широко используют здесь связи с иностранными представительствами для самых разных целей, причем делается это и официально, и тайно. У меня есть множество подтверждений таких контактов. Есть среди них очень и очень любопытные! Кстати, о них как раз я давал сведения вашему Центру. По-видимому, эта информация представляла большой интерес для руководства вашей разведки: меня даже поблагодарили через Зигфрида... Ах, черт, я совсем заговорил вас, Жан! Вы ничего не едите и не пьете, прошу прощения. Ешьте, пожалуйста! С вашего позволения, мсье, я налью вам еще этого чудесного коньяка... Салют!

Бурже опрокинул в рот свою рюмку, потер волосатым пальцем мясистый нос.

— Болтовня, Жан, мой большой недостаток, прошу прощения... Прочел лекцию о политике! Я понимаю, какими заботами полна сейчас ваша голова. Вряд ли вам интересно...

— Очень интересно, Анри! — возразил Рокотов и подумал: «Неужто он так спокоен, зная, что случилось? Или играет, присматриваясь ко мне? Так или иначе, его выдержка мне нравится». И сказал: — Многое из того, что вы рассказали, Анри, я просто не знал. Это очень полезно мне для уяснения общей ситуации в Швейцарии именно в интересах нашей работы. Но ведь военно-политическая обстановка для Швейцарии может измениться, Анри, если...

— Вот-вот! Дело обернется совсем скверно и для Швейцарии, и для всей Европы, если Германия победит. Натиск ее мощи сдерживает одна Россия. Никаким серьезным вооруженным сопротивлением в Европе пока и не пахнет! Англия не в счет, она полностью блокирована. А эти барышники-американцы только болтают о втором фронте! Африканский

театр военных действий ничего не может решить, хотя наци там уже обкакались, прошу прощения... Так вот, Жан. Если ваша Россия... прошу прощения, вы, наверное, не уроженец России?

— К сожалению, нет, — усмехнулся Рокотов.

— Да, да, я так и думал, хотя вы и не француз. — Бурже широко растянул рот в улыбке, круглые красные щечки надулись, а большие цыганские глаза лукаво блестели. — Знаю, знаю, коллега, я не должен вас расспрашивать, не беспокойтесь!.. Так вот, я говорю, если Россия не устоит и одолеет Германия, тогда — вы понимаете — на всей Европе можно будет поставить крест: ее уже ничто не спасет. Развязав себе руки в России, вермахт сокрушит Англию в две недели! А Швейцария просто перестанет существовать как суверенное государство: вряд ли Гитлер потерпит, чтобы в его империи была хотя одна свободная страна. И мое отечество навсегда... да, Жан, навсегда будет порабощено, съедено этими нацистскими свиньями, черт бы их всех подрал! Но, слава богу, катастрофа еще не произошла, есть еще силы, есть надежда! Это русские, их фантастичная стойкость. Мощь их армии растет, а вермахт уже не тот, что был... идите сюда, Жан, смотрите!.. Вы помните обстановку в России в сорок первом году? — С этими словами толстячок высочил из кресла и покотился по ковру к стене, где висела огромная картина — горный швейцарский пейзаж. Нажал что-то, и полотно в раме опустилось, открыв большую карту, при виде которой у Рокотова сразу пересохло во рту. — Идите, Жан, посмотрите... Это у меня вроде личного штаба... Вот она, Россия, вот линия фронта по сводкам за истекшую неделю.

Рокотов встал и, унимая волнение, приблизился к карте страны, занимающей с севера на юг и с запада на восток почти все поле листа. Леонид ощущал в горле шершавость и сухость, будто долго бежал. Как давно он не видел такой прекрасной большой карты Родины! Только названия написаны латинскими буквами. Линия фронта, означенная вколотыми флажками на булавках, находилась уже далеко от Москвы, выгибаясь в сторону немецких войск крутой широкой дугой за Орлом, Курском и Белгородом. Черные флажки (вермахт) плотно смыкались с красными (Красная Армия). Крошечные лоскутки, противостоя друг другу, шли от Курско-Орловского выступа по ломаной, то извилистой линией на юг через Восточную Украину к Черному морю и наискосок устремлялись на северо-запад к Ладожскому озеру и Ленинграду. Ленинград все еще в блокаде: черные флажки зажали здесь красные со всех сторон. Из соображений радиостанций Леонид знал, какие тяжелые бои идут у стен непокоренного города и какие муки испытывают его жители.

— Да, здесь пока плохо, — услышал он за спиной голос Анри, — а в центре, смотрите, Жан, совсем иная картина! Эта вмывшая немецкую линию фронта Курская подкова — прекрасная стратегическая позиция для русского наступления! Здесь бошам наломать хвост, я убежден, они получат второй Сталинград! По сведениям берлинских источников, вермахт собирает сюда большие силы — мы регулярно информируем ваш Центр о всех передвижениях немецких войск в этом направлении. Думаю, что советское командование уже накопило на Курском выступе несколько армий. Будет большая схватка! А позиция русских, посмотрите, Жан, здесь гораздо предпочтительней. — И Бурже, водя толстым волосатым пальцем по карте от одного черного или красного флажка к другому, под которыми были написаны номера армий и дивизий, пункты сосредоточения резервных соединений, увлекшись перспективой победы русских над гитлеровцами, стал развивать свою мысль о том, где и в каком направлении, на его взгляд, советскому

командованию следовало бы нанести удары по германской обороне. Кадровый офицер, Рокотов с интересом слушал; он видел, что Бурже прекрасно осведомлен в оперативной обстановке и количестве войск вермахта в районе Курского выступа. По выкладкам швейцарского контрразведчика на этом участке фронта, несомненно, вырисовываются контуры нового грандиозного сражения, и произойдет оно, очевидно, в самое ближайшее время. С побагровевшим лицом, энергично размахивая обнаженными до локтей волосатыми руками, майор упорно доказывал, что преимущество стратегической позиции русских над позицией противника безусловно, хотя его гость не возражал ни словом. Должно быть, это было невольным продолжением недавнего спора Бурже с кем-то.

— Ах, прошу прощения, Жан,— внезапно оборвал свой монолог хозяин.— Я совсем заболтался — оторвал вас от более приятного занятия за столом!

— Напротив, Анри, я слушал с большим интересом. У вас очень подробно нанесена обстановка на фронте — давненько я не видел такой карты. Плюс ваша превосходная осведомленность...

— Благодарю, Жан, благодарю! Приятно слышать от коллеги... Только, знаете, мы, европейские военные, проигравшие немцам одно за другим все сражения, теперь мним себя стратегами. Когда сами дрались, думали, прошу прощения, задницей! А теперь от иного умника слышишь: русские не так обороняются, русские оперативно неграмотно наступают! Поглядел бы я на этих наших стратегов, доведись им попасть в этукую гигантскую кровавую мясорубку, в какой оказалась Россия! Ну, хватит. За стол, коллега, за стол! Ведь нам еще предстоит деловой разговор, времени мало, не так ли, дорогой Жан? — Бурже, обхватив долгоязого гостя одной рукой за талию, посмотрел снизу лукавым изучающим взглядом.

«Ах, дьявол,— мелькнула догадка у Леонида,— так ведь он испытывает меня — проверяет на выдержку! Внешней беспечностью прикрывает свою озабоченность. Ситуация-то и для него очень опасна: оплошность может стоить ему головы. Что ж, в хладнокровии ему не откажешь. Но мне своего нетерпения показывать не надо. Мне тоже полезно присмотреться к нему».

Усаживая гостя за столик, Бурже, всплеснув руками, воскликнул:

— Вот досада! Есть замечательный тост, но у меня кончилась русская водка! Не пробовали? Нет? Царское зелье! Мне как-то привезли из Парижа, но нет уже, кончилась. Ничего, ничего, мы сейчас иначе выпьем этот тост.— Вскочив, он быстренько побежал к карте, отколол два красных флажка, вернулся, сверкая черными глазами, разломил пополам ломтик хлеба, воткнул в каждый кусочек по флажку и положил один перед собой, второй перед гостем. Довольный выдумкой, он полюбовался на сотворенные им символы, сложив на круглом брюшке волосатые руки, поправил флажки, чтоб они стояли прямо, потом разлил по рюмкам коньяк.

— С вашего разрешения, мсье Жан...— Хозяин встал с рюмкой в руках.— Я предлагаю, дорогой коллега, выпить за окончательную победу вашей Красной Армии! Не так? Я не совсем точно выразился? — уловив нечто в глазах гостя, Бурже ухмыльнулся.— Ну, конечно, прошу прощения, мсье, ведь вы не служите в этой армии. А я бы хотел служить в ней! Да и вы тоже. Тогда скажем так: выпьем этот французский коньяк за победу нашей Красной Армии — единственной силы, способной спасти Европу! А? Так вас устраивает?

— Замечательно,— тихо произнес Леонид.— И за возрождение Франции.

— Благодарю, благодарю, мсье. Осушили рюмки, помолчали.

— Эта война... Она принесет еще много горя,— разглядывая доньшко рюмки, пробормотал Бурже.— После нее в Европе останутся миллионы несчастных семей... А ваши родные, Жан,— с ними все в порядке?

— Моя жена и дети в Южной Франции, Анри, но после оккупации этой зоны я с ними не виделся. Не позволяют обстоятельства, вы понимаете...

Бурже покивал головой. Его большие черные глаза, недавно брызжущие весельем, были печальны.

— Моя семья, к счастью, здесь, со мной. А мой брат погиб в Париже: его расстреляли боши. Он работал по нашему ведомству, был связником, не знаю, как они его раскрыли, думаю, что угодили в засаду на проваленной явке. Потом я узнал — перед расстрелом его пытали. Затем арестовали мою сестру, упрятали в концлагерь. Сначала я предполагал — из-за брата. Оказалось, гестапо схватило ее по другой причине. Через друзей во Франции мне удалось получить сведения из уст самой сестры: там, в лагере, есть наш

человек, он переговорил с ней. На допросах от бедной женщины допытывались, где я, чем занимаюсь сейчас и прочее. А ей, разумеется, ничего не известно. Я никогда ни во что ее не посвящал. Но немцы, вероятно, располагают обо мне какими-то данными. Думаю, я был у них на подозрении, еще когда работал до войны под прикрытием корреспондента «Фигаро» в Берлине. Слежка, во всяком случае, за мной велась. И вот итог: они схватили и мучают ни в чем не повинного человека. Мне-то ясно — они держат сестру как заложницу, если им понадобится меня шантажировать.

Из ориентировки Центра по Хосе Рокотов знал про сестру. Чтобы как-то смягчить печаль симпатичного ему человека, Леонид сказал:

— Они ненасытны, как вампиры. У них в заложниках миллионы людей. Можно сказать, все будущее Европы у фашистов в залого, Анри.

Бурже быстро вскинул голову, глаза сверкнули.

— Ах, как верно вы сейчас сказали, Жан, как это верно! Да, да, именно: будущее Европы у фашистов в залого. Что судьба каждого из нас в сравнении с этой великой трагедией! Если они победят, мы станем рабами на долгие времена: и наши дети, и внуки — и кто знает, сколько это продлится. Будущие поколения проклянут нас, если мы обречем их на рабство под пятой этих варваров! Значит, мы должны победить, Жан, чего бы нам это ни стоило — любой ценой и кровью!

— Любой ценой и кровью, Анри,— повторил Леонид.— И каждый из нас, осознающий свою ответственность, готов заплатить любую цену за нашу победу. Во Франции, вы знаете, сражаются уже тысячи партизан. Дерутся с гитлеровцами повстанцы в Югославии. Поднимается подпольное сопротивление во многих оккупированных странах — я имею некоторые сведения. А с успехами русских на Восточном фронте надежды растут, люди убеждаются, что военная машина Германии не всесильна, все больше верят, что фашистов можно победить. Во Франции, например, об этом открыто говорят многие, чего раньше не было.

— Да, да, мне это известно. Стойкость и вооруженная мощь русских произвели такое впечатление, что теперь в головах многих произошла коренная переценка перспектив войны. Да, у людей появилась надежда! По каналам нашего ведомства мы специально изучаем эти настроения, и не только в Швейцарии, а и в оккупированных странах.

Бурже шлепнул пятерней по колену гостя.

— Ах, Жан, мне так приятно, что мы понимаем друг друга!

— Мне также, Анри.

— Вы не сердитесь? Я должен был понять, с кем имею дело.

— Теперь вы мне доверяете?

— Вполне, Жан.

— Я понимаю цекотливость вашего положения, Анри. Вам предстоит заняться не тем, чего требует от вас долг службы. Если ваше начальство узнает, кому вы помогаете... К тому же игра будет опасной... Но без вашей помощи...

— Не беспокойтесь, Жан. Риск есть, но я приму меры, чтобы меня ни в чем не заподозрили. Ваш связник изложил мне ситуацию в общих чертах, сообщил о предложении Центра, в принципе такой план приемлем. Но я хочу внести некоторые поправки, кроме того, конечно, могут быть изменения при развитии операции. Вы понимаете, Жан, что самое главное для меня — обеспечить надежное прикрытие предстоящей операции. Втайне от начальства провести ее, конечно, не удастся: будет задействована служебная техника, подключена группа наших сотрудников, разумеется, по моему специальному выбору, самые преданные мне люди, знать они будут минимум необходимого. Но, чтобы получить разрешение моего патрона, версия операции должна быть правдоподобной. Идея у меня уже есть! Лучшие легенды, как вы знаете, Жан,— вранье, густо замешанное с правдой. Ну, вот, ваша улыбка знатока это подтверждает! Правда для ушей моего начальства будет состоять в том, что я выражу тревогу в связи с поступающими сообщениями: какие-то подозрительные типы ведут слежку за моими сотрудниками, крутятся возле здания нашего управления. Мне это не нравится, скажу я, необходимо срочно установить, что за личности околачиваются возле нас. Если — не дай бог! — это германская агентура, то она может выйти на одного строго законспирированного сотрудника, пронаблюдать наши контакты с ним. Вы догадываетесь, Жан? С человеком, известным вам под именем «господин ИКС». Как поставщик информации по Германии этот человек, вы понимаете, ценен и имеет для нашей национальной безопасности! За

охрану господина ИКС — говорю вам доверительно, Жан,— отвечают работники моего отдела и персонально я. Конечно, такое сообщение очень встревожит патрона, и он потребует осуществления срочных защитных мер. Официальное разрешение на операцию будет моим лучшим прикрытием. Ну как?

— По-моему, вполне надежно, Анри,— согласился Рокотов.

— Теперь о вас, Жан. Поскольку нам предстоит действовать совместно, вам тоже нужно прикрытие. Если понадобится, придется объяснить начальству, кто вы такой и версия вашего появления здесь. Я остановился на такой вполне правдоподобной легенде: вы мой новый секретный агент, вернувшийся из-за границы после выполнения специального задания. Подробности вашей легенды мы сейчас проработаем.

— Хорошо, Анри,— сказал Леонид.— Давайте как следует это обдумаем.

— Конечно, нам нужно тщательно обдумать и взвесить все наши возможности. А также постараться угадать шаги, которые предпримет в том или ином случае наш противник. Это очень важно, вы согласны, Жан?

— Разумеется. Я рад, Анри, что вы полны уверенности...

— А как же! А как же! Тогда и начинать не стоит. Мы ведь обязаны их победить — это наш долг. Мы будем побеждать их везде, Жан, везде, вот увидите! — Бурже отлебнул из бокала бургундского, легко вскочил с кресла и, семеня, покотился по толстому ковру от стены к стене.— Так, так... Значит, они похитили дочь Зигфрида, девятилетнюю девочку, ее, кажется, зовут Эрика? Боже мой, бедный ребенок — еще одна заложница! Это почти символично, Жан: ведь миллионы других детей — дети всей Европы, наше будущее, как вы очень глубоко сказали, — в залого у этих извергов!

— Освобождение девочки — одна из главных трудностей, в известной мере ключ ко всей операции, Анри. Судя по всему, ее надежно стерегут, и где содержат, точно неизвестно.

— Да, да, ваш связник мне говорил.— Сев в кресло, Бурже озабоченно потер пухлой ладонью лицо с красными щечками и мясистым носом.— Обрисуйте мне, пожалуйста, Жан, ситуацию от начала и до конца. Максимум подробностей. Что, где и когда. Причина провала. Сколько немецких агентов выявлено, кто из них вам известен визуально и по сведениям Кинкелей. Кстати, каково ваше мнение о радисте и его супруге? Ну, впрочем, вы сами знаете, коллега, что меня может интересовать. Словом, побольше подробностей, прошу вас...

Леонид рассказал все, что знал, опуская лишь те детали, о которых не стоило сейчас говорить или которых он не имел права касаться по конспиративным соображениям, в частности о Папаше. Когда он упомянул о Магде и ее роли, Бурже воскликнул:

— Дижон?! Разведена с фабрикантом Дижоном? Знаю! Один из наших миллионеров — владелец сыроваренных заводов. Превосходно, Жан! Это уже не ниточка, а целая веревка, за которую можно крепко ухватиться. Сегодня же я запрошу данные на эту так называемую Герду Дижон. Видите, у нас уже есть козырь, Жан!

После обсуждения с Рокотовым ситуации Бурже изложил свой план. В нем учитывались предложения Центра, но вносились некоторые изменения, предусматривались запасные варианты по отдельным этапам операции.

Днем Леонид встретился с приехавшим из Лозанны Фонтэном. А поздно ночью радист Папаша послал в Центр донесение о плане, разработанном Хосе и Ришаром.

Глава десятая

Вернер фон Эссен сел за письменный стол, включил лампу с зеленым абажуром и положил перед собой два листа с отпечатанным текстом. На одном столбиками располагались группы цифр — сообщение, посланное Ришаром в Москву. Не имея ключа, прочесть его было невозможно. На другом — записанная Зигфридом инструкция Центра о назначенной встрече Хосе с Ришаром. Эта радиограмма поступила два дня назад. О, каким подарком для Эссена оказался этот ключок бумаги! А одна из фраз в инструкции таила в себе такой соблазн, от которого бросало в жар!

«Приступайте к следующему этапу проверки, — снова перечитывал Эссен.— Установите личный контакт с Хосе. При встрече выясните у него причины резкого снижения ценности информации берлинских источников господина ИКС. Чем, по мнению Хосе, это можно объяснить и есть ли надежда получить сведения

такого же качества, как это было до апреля месяца? Передайте ему, что мы снова подтверждаем, как об этом уже неоднократно извещали, что совершенно не удовлетворены поступающей сейчас информацией. Если от Хосе вы не получите ясного ответа, то, возможно, придется потребовать, чтобы Хосе связал вас непосредственно с господином ИКС. По договоренности с Хосе ваша встреча назначена в Женеве, парк Мон Репо, на набережной Женевского озера возле дебаркадера, у газетного киоска. Хосе будет ждать вас в условленном месте 12 и 14 мая с 10 до 11 часов. Приметы Хосе: шатен, выше среднего роста, очки в металлической оправе, светло-серый костюм в крупную клетку, в руках будет держать портфель из светло-коричневой кожи. Ваши приметы мы Хосе сообщили. У вас в руках должен быть зонт. Пароль при встрече: «Простите, вы не подскажете, как добраться до улицы Нант? Говорят, она на той стороне озера? Я приезжий, из Цюриха». Ответ Хосе: «Понятия не имею! Представьте, я тоже из Цюриха и тоже иду улицу Нант. Давайте вместе поищем. Мне сказали, надо переправиться через озеро с этого дебаркадера». Затем Хосе угостит вас сигаретой. О результатах встречи срочно доложите и ждите дальнейших указаний. Центр».

Эссен с досадой хлопнул ладонью по листку. Вот она, золотая фраза, ей цены нет! «...если от Хосе вы не получите ясного ответа, то, возможно, придется потребовать, чтобы Хосе связал вас непосредственно с господином ИКС». Если бы Хосе связал Ришара с этим господином, если бы это произошло! Тогда, без сомнения, цель операции «Ловушка» была бы достигнута. Уж я сумел бы вытряхнуть из этого ИКСа все о его единомышленниках в Берлине! А если бы стал упорствовать, передал бы Паулю — тот большой любитель по части пыток. Заговорил бы как мельничный! Но пока это мечта, хотя и не такая несбыточная, как прежде. Теперь мы совсем близко к цели. Личность Хосе установлена, а он рано или поздно все равно выведет нас на господина ИКС. Если... Что же сообщил в Москву в отдельной радиogramме Ришар?

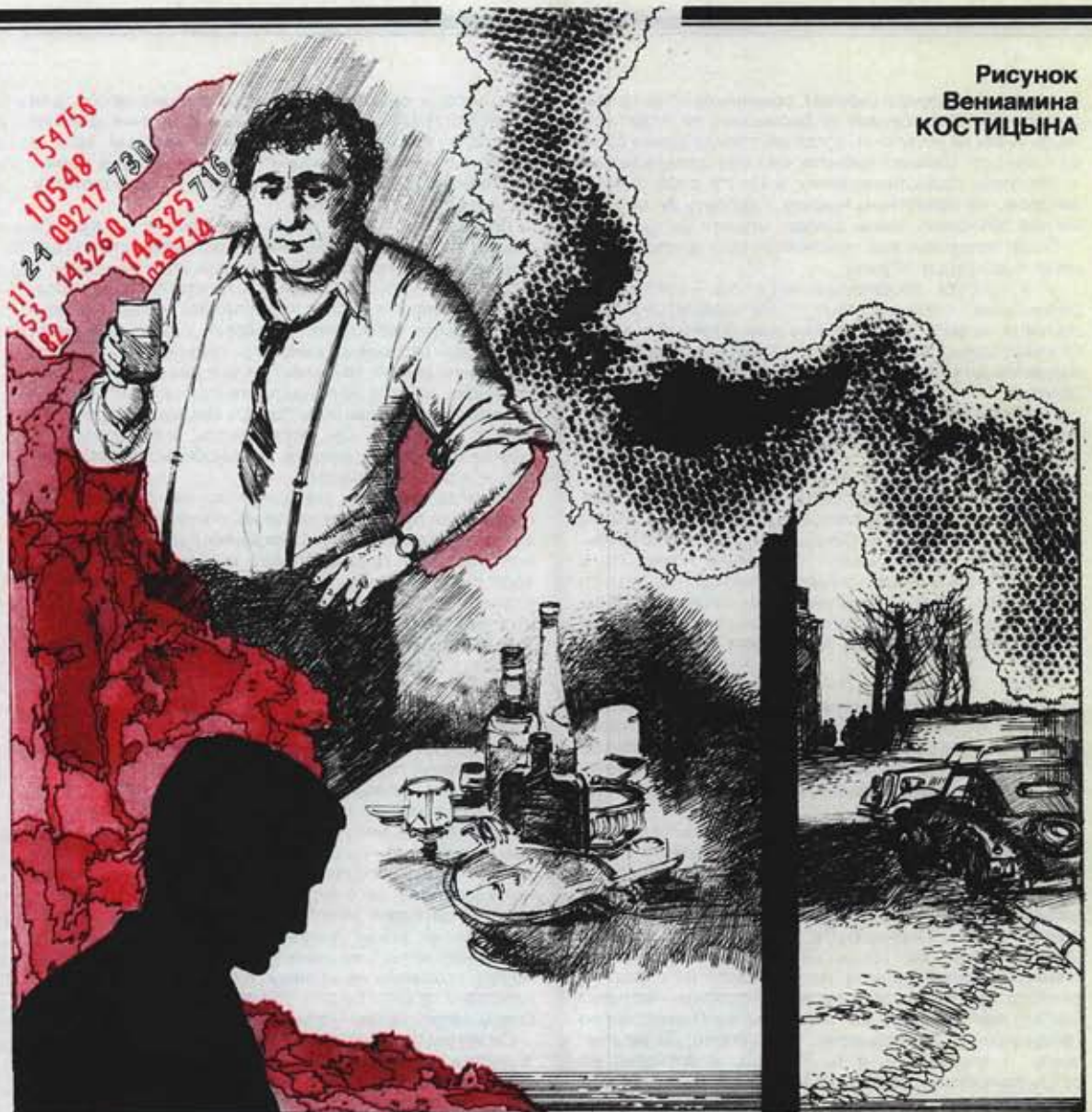
Вернер фон Эссен взял листок, где напечатаны аккуратные колонки цифр, повертел его и отложил в сторону. Вряд ли даже самые опытные криптографы СД в Берлине, куда он тотчас же послал шифровку, смогут ее прочесть. У русских шифры — крепкий орешек. Впрочем, одна непрочтенная радиопеписка — не столь уж важно. Есть задачи более серьезные, вот над ними надо подумать, найти верные ответы... Пожалуй, нужна чашка кофе.

Вернер упругим шагом прошел на кухню, помолот зерна кофе, сварил его по собственному рецепту и налил в фарфоровую чашечку — бархатно-черный, пахучий, с пузыристыми пенками. Он любил пить кофе без сахара, чтобы чувствовать его натуральную горечь. Маленькими глоточками, смакуя, Эссен отхлебывал горячий напиток.

Что же, пока все идет, как он предвидел. Хотя намечаются кое-какие осложнения, но когда серьезные операции в разведке обходились без осложнений?

Засечка контакта Хосе с Ришаром-Шардоном была проведена блестяще! Эссен послал в женевский парк Мон Репо самого опытного и ловкого агента Гнома, снабдив его фотокамерой, смонтированной в портфель, фотокарточкой Шардона и известными приметами Хосе. За час до назначенной встречи туда же прибыл С-2 — тайный агент Шелленберга. Нужные сведения Эссен сообщил ему, как обычно, через связного. На палубе дебаркадера в сутолоке прибывающих пассажиров Гном сумел-таки скрытой камерой сделать четкий снимок Хосе. Проследовав затем вместе с «объектами» наблюдения на моторном пароме к противоположному берегу озера, карлик видел, как Хосе передал Шардону несколько листков, тот прочел и вернул их владельцу. Несомненно, это была очередная информация господина ИКС, с которой ревизор Центра должен был ознакомиться прежде, чем предпринять следующие шаги в расследовании. Конечно, никакой проверки больше и не требовалось: уже на этом этапе их радиообман московского Центра был полностью раскрыт. Но где именно произошел провал или измена, Москве нельзя было понять, не проверив еще одно звено цепочки — Эмиля, связника Хосе, передающего сведения мадам Кинкель. Поэтому-то Хосе и ознакомил коллегу с подлинным текстом сообщений ИКСа. Теперь Шардон сравнит его с информацией, которую принесет связник. Встреча назначена на завтра, и пойдет на нее не Анжелика, а сам ревизор.

На месте проверяющего Эссен поступил бы точно так же. Завтра обман окончательно раскроется, и Зигфрид с Анжеликой, таким образом, выбывают из игры. Сейчас, однако, это уже не имеет значения: они

исполнили назначенную им роль, как, впрочем, исполнил свою роль и Ришар-Шардон. Ведь с их помощью удалось выявить Хосе — главного и, вероятно, единственного связника ИКСа, через которого последний сносится с советской разведкой. А что человек, явившийся на встречу с Шардоном, действительно Хосе, не вызывает сомнений. Во-первых, его портрет в точности совпадает с приметами, указанными Центром: высокий шатен с очками в металлической оправе, на нем светло-серый костюм в крупную клетку. Во-вторых, он принес Шардону сведения в открытом виде, что весьма опасно доверять даже родному брату, и теперь ревизор намерен встретиться со связником Хосе, как он заявил об этом Кинкелям, будучи у них дома. И, наконец, в-третьих, что исключительно важно: агент С-2 у дебаркадера опознал в высоком шатене офицера, работающего, как и сам осведомитель, в управлении швейцарской контрразведки. Агент сразу же сообщил Эссену по телефону, что лицо ему знакомо, скорей всего он сталкивался с интересующим человеком на общих служебных совещаниях. (Понимая, что люди Хосе страхуют его, С-2 наблюдал в бинокль, укрывшись среди деревьев парка.) А затем сегодня, получив от Эссена фотографию, отснятую Гномом, С-2 опять позвонил и подтвердил, что знает шатена и теперь постарается исподволь узнать, в каком отделе тот работает, и собрать о нем нужные сведения.

Одно обстоятельство Эссена очень тревожило. Каким образом московский Центр, находясь отсюда за тысячи километров, сумел быстро и подробно обговорить с Хосе все детали явки: час и место, в чем будет одет Хосе и прочее, а также сообщить приметы Шардона? Осуществлено это, конечно, по радио и скорее всего через неизвестного ему и Шардону человека Центра. Разумеется, у Хосе нет прямой радиосвязи с Москвой. Значит, у Центра есть какой-то другой канал связи, по которому велись переговоры с Хосе. Возможно, тот самый передатчик, засеченный ранее службой радиоперехвата абвера в районе Женевы. Правда, новых подтверждений о его работе не поступало; позывные этой станции вообще исчезли из эфира: либо изменена программа связи, либо она

временно прекратила передачи. Но ведь нельзя исключить существование иной станции, сносящейся с Москвой, еще не обнаруженной. Что из этого следует? А следует то, что перестройка связей от Хосе и затем пересылка полноценной берлинской информации может быть налажена по совершенно неизвестному Эссену каналу, даже без участия Ришара-Шардона. Такой запасной канал у Центра непременно должен быть! Иначе, произойди лишь единственный обрыв в цепочке Хосе — связник — Зигфрид, и движение информации полностью прекратится. Москва лишится ценнейших военных сведений. Ну, какая же разведка допустит такую оплошность? Вот какие дела... Выходит, что ловушка может и не захлопнуться... Значит, остается один путь — схватить Хосе и выпытать, кто такой господин ИКС... Нет, пока рано, эту акцию нужно как следует подготовить — ведь в поисках пропавшего офицера спецслужбы примутся прочесывать всю страну. Лучше всего вывезти Хосе в Германию — на границе у нас есть «окна», но это потребует тщательной подготовки. Да и похитить офицера контрразведки будет непросто: он, конечно, уже принял меры защиты... Надо точно все рассчитать. И прежде всего решить относительно Шардона и Кинкелей.

Ревизор теперь не доверяет супругам. Ему остается сделать последний шаг, чтобы подозрения превратились в уверенность, что они изменники. По докладу Франца Шардон после свидания с Хосе в женевском парке прибыл поздно вечером к Кинкелям. Ожидая его, супруги очень нервничали, в особенности мадам. Поэтому до прихода ревизора Франц приказал ей симулировать недомогание и лечь в постель, а профессору пригрозил, велел взять себя в руки. Пусть они не боятся, сказал Франц, безопасность их обеспечена: если что, они с Паулем мигом расправятся с красным ублюдком. Но ничего страшного не произошло. По записи на магнитофонной пленке и затем по рассказу супругов, гость не угрожал и ни о чем их не расспрашивал. Он был сумрачен и необычно молчалив. Сказал только, что ему еще не все ясно, требуется дополнительная проверка. Обеспокоился нездоровьем Веры Сергеевны и предупредил, что

очередную встречу с Эмилем, связником Хосе, проведет лично, сам возьмет информацию, ей ходить не надо. А после полноты, когда наступило время сеанса связи, отстранив Герберта, сам сел за передатчик и отстучал радиотелеграмму в Центр собственным шифром, не известным никому. Герберту он не стал ничего объяснять, лишь сказал, что это необходимо.

Эссен вспомнил, как обеспокоен был приехавший к нему с докладом Франц.

— У супруги профессора истерика, — озабоченно рассказывал старший агент. — Она страшится мести. Кричала на весь дом: «Нам не нужно никаких денег! Отдайте дочь, и мы уедем, скроемся: в Швейцарии найдется для нас убежище, где нас не отыщут люди Центра!»

— Но вы пытались успокоить ее, убедить, что все это чепуха, им нечего бояться? — нетерпеливо прервал Эссен.

— Конечно, шеф! Но она ничего не слушает. Она в таком состоянии, что способна выкинуть любой фортель... Когда я к вам поехал, мы отключили на всякий случай их телефон, а Пауль запер входную дверь, стережет их: мадам может сбегать и позвонить в полицию — ведь она в полном безрассудстве... Что-то надо делать, шеф. — Франц нервным движением пальцев подвигал свои позолоченные очки на остром носу. — Пауль предлагает пристукнуть ее, но... это не выход.

— Что за глупость?! — взбешенно заорал Эссен. — Что он себе позволяет?! Я ему сейчас позвоню, он мне ответит за это, свинья эдакая! Под суд отдам! Что я вам твердил: ни шагу без моего приказа! Смотрите, Франц, вы, как старший на вилле, отвечаете мне за полный порядок, головой отвечаете, вам ясно?!

Это происшествие очень разволновало тогда Вернера. Помолчав и успокоившись, он сказал:

— Как только вернетесь, Франц, передайте госпоже Кинкель дословно следующее... Мол, наш руководитель понимает ее состояние, но страхи мадам преувеличены. Подчеркните: пока они под защитой наших людей, им ничто не грозит. Но стоит им лишиться нашей защиты, их уже никто не спасет. А ревизор постоянно под нашим контролем — каждый шаг его нам известен, мы, вероятно, вообще его скоро ликвидируем. Это подчеркните особенно! Далее скажите: я высоко ценю их помощь и согласие на сотрудничество и щедро отблагодарю. В ближайшее время Эрика вернется в семью, они получают, как условились, большую сумму в американских долларах, в германском посольстве им выдадут въездные визы во Францию — визы уже заказаны, — а из Франции они отправятся куда им заблагорассудится: в Испанию, Англию, Америку. Передайте, что я прошу профессора и мадам Кинкель потерпеть несколько дней, всего несколько дней. Вы все запомнили, Франц? Передайте слово в слово. И, пожалуйста, Франц, прошу вас, — уже совсем мягко прибавил Эссен, — проявите к ним максимум внимания, доброго участия — лично вы, на Пауля с его замашками я не надеюсь. Помните, Кинкель в будущем очень понадобятся германской разведке.

Приказав Францу быть готовым к демонтажу и эвакуации с виллы подслушивающей аппаратуры, Эссен затем позвонил в Лозанну Паулю и резко отчитал его.

— То, что я не мог сказать по телефону, передайте ему сами, Франц, от моего имени. Передайте: если Пауль хотя бы еще раз позволит себе малейшее самовольство, я сообщу в Берлин и потребую его судить. А до этого передам здесь в руки гестапо — там мигом перевоспитают! И запомните оба: до тех пор, пока Кинкель помогают нам, вы обязаны уважать и любить их. Да, да, уважать и любить! — выкрикнул резидент. — Вам всем давно пора понять — только так можно успешно работать с завербованными агентами, будь они хоть красные, хоть черные!

И сейчас, размышляя над событиями минувших двух суток и проблемами, поставленными перед ним этими событиями, Эссен пришел к заключению, что в целом операция развивается благоприятно. Конечно, Кинкелей пора выводить из игры, но не спешить... Шардона, видимо, придется ликвидировать... или подождать? Как бы не спугнуть Хосе в случае, если он договорился с ревизором о встрече по перестройке связи, а тот не явится. Это надо обдумать. И не спешить...

Ночью радист в подвале ресторана, принадлежащего Эссену, отправил в Берлин срочное шифродонесение резидента на имя бригадфюрера СС Вальтера Шелленберга.

Рокотов шел на встречу. В двенадцать часов на условленном месте он повидается с Эмилем, связни-

ком Хосе, и возьмет у него информацию якобы для проверки этого звена цепи путем сличения данного текста с тем, что показывал ему мнимый Хосе в парке. Эту часть операции, как и встречу в парке, противнику надо дать пронаблюдать во всех деталях. Но сыграть без ошибки.

Леонид не сразу обнаружил слежку. Когда он вышел из «Централь-Бельвию», у подъезда стояли два автомобиля, а на противоположной стороне улицы, в отдалении, — третий, такси. По тротуару возле гостиницы, болтая и смеясь, прогуливалась молодая парочка, спешили прохожие. В стороне одиноко маячил, глядя по сторонам, какой-то субъект, но Леонид почему-то решил, что агент на сей раз сидит в одной из машин, и чуть не подвело: как только он повернул за угол, сзади появилось такси с тем же номером, что стояло у отеля. Он остановился, изобразив, что роется в записной книжке, автомобиль проехал вперед и тоже остановился.

Рокотов пересек мостовую и, не оглядываясь, продолжал путь своим широким, энергичным шагом. У витрины галантерейного магазина остановился, сдвинул вид, что рассматривает мужские галстуки. В толстом зеркальном стекле он увидел собственное отражение, а за плечом — медленно катящееся по той стороне улицы такси со знакомым номером. Ну вот, так и есть, с удовлетворением отметил он, это мой «хвост», все в порядке. Теперь надо обязательно показать, что я заметил слежку и пытаюсь оторваться.

Леонид вошел в магазин, стал кружить от прилавка к прилавку, поднялся на второй этаж и опять спустился в нижний торговый зал. Он понимал, что «хвост» непременно потащится за ним, потому что боится потерять в толчее покупателей, а также потому, что место сегодняшнего свидания, сообщенное Хосе, немцам неизвестно, — магазин, к примеру, вполне подходит для встречи со связником. Однако Леониду никак не удавалось засечь агента. Бродя от отдела к отделу, он вдруг резко оборачивался и шел назад, вышел на улицу покурить, вновь возвращался в торговые залы, но наметанный глаз не отмечал ничего похожего на слежку. Или меня водит первоклассный агент, решил Рокотов, или сегодня они сняли наблюдение — это странно!

Он начал беспокоиться. Если они не наблюдают, то задуманный трюк пойдет насмарку, придется срочно перестроить игру. Когда Леонид сел в подъехавшее к магазину освобожденное такси, он уже чувствовал себя в роли обманутого обманщика. Конечно, ехать на встречу все равно надо — связной ждет, ехать хотя бы для того, чтобы убедиться в промахе. Что могло случиться? Что мы с Хосе не учли? Разгадать этот ход нельзя. Или, может, моя встреча со связным им уже неинтересна?

Машина тронулась и пошла, набирая скорость, и Рокотов в последний раз, оборотившись на сиденье, взглянул в заднее стекло. И вмиг увидел то, что так желал увидеть, и улыбнулся. Ну вот, совсем другое дело, спасибо! Он успел заметить, как вдали, у магазина, к таксомотору кинулась и юркнула в него фигурка крошечного человечка, которого он узнал бы даже в темноте. Тот самый агент-карлик, кто, по рассказу Веры Сергеевны, выследил ее встречу с Эмилем, а потом вел наблюдение за ним, Леонидом, и мнимым Хосе в парке Мон Репо. Забыть внешность такого ублюдка просто невозможно: несоразмерно большая, на коротком туловище, курчавая голова, детские ручки и ножки да к тому же «заячья губа». С таким обликом вести наблюдение нельзя, но вот посылают, значит, ущербность агента компенсируется высокими профессиональными качествами — вон как скрадывался, «вода» его по магазину! Где же он там прятался?

«Очень ловко «водил», — подумал Рокотов, повидавший немало всяких сыщиков. — Хоть он действительно ловок, я бы на месте резидента не рискнул, пожалуй, послать его на повторную слежку за тем же «объектом». Объяснить это можно только одним: карлик видел в лицо на дебаркадере Хосе (подставного, конечно, вместо Хосе пришел другой человек, но они-то об этом не ведают), он знает также в лицо Эмиля и сможет доложить резиденту, с кем у меня состоялась свидание на самом деле, — с Эмилем, как я сказал Кинкелям, или с Хосе, или, возможно, еще с каким-то третьим, если я конспирирую от Зигфрида и Анжелики. Ведь я могу, допустим, тайно встретиться с тем, кто займется по указанию Центра, поскольку я под наблюдением, обеспечением связи между Хосе и новым радистом. А выявить и затем взять под контроль, как Зигфрида, и эту радиоквартиру ох как заманчиво!»

Продолжение следует.

Расскажите, пожалуйста, о порядке предоставления женщинам дополнительного трехдневного и двухнедельного отпусков.

Р. Зырянова,
Калуга

Названные вами, товарищ Зырянова, льготные отпуска предоставляются только тем женщинам, которые воспитывают двух или более детей в возрасте до 12 лет. На практике эти отпуска суммируются с очередными с тем, чтобы мать могла провести с детьми больше времени на отдыхе. Однако по своему желанию женщина может взять оплачиваемый дополнительный трехдневный отпуск и в любое другое удобное для нее время. Прежде чем оформлять указанный отпуск, следует иметь в виду, что общая продолжительность оплачиваемого отпуска (основного и дополнительных) не может превышать 28 календарных дней, включая выходные дни, приходящиеся на отпускное время. Дополнительный отпуск без сохранения заработной платы (до двух недель) по договоренности с администрацией может быть приурочен к очередному, а может быть дан и в любое другое время. Если по каким-то причинам женщина не смогла воспользоваться дополнительным отпуском, то в случае увольнения ей за него на общих основаниях выплачивается компенсация.

С учетом того, что мне должны были дать дополнительный отпуск как члену ДНД и народному контролеру, я спланировал свой отдых. Администрация же предоставила мне отпуск только как народному контролеру. Разве есть какие-то ограничения в общей продолжительности отпуска?

С. Якимов,
Ногинск

Нет, таких ограничений нет. Однако многие считают, что за активную общественную работу им обязательно должны предоставляться отгулы или дополнительные отпуска. Вовсе нет. Дополнительный оплачиваемый отпуск — это одна из многочисленных мер поощрения, которая применяется не за любую общественную работу, а только в специально оговоренных законодательством случаях. Так, дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью до 3 дней может предоставляться наиболее отличившимся общественным воспитателям несовершеннолетних, членам добровольных народных дружин, народным контролерам, председателям (заместителям), секретарям и членам товарищеских судов, а до 6 дней — членам добровольных пожарных дружин. Если рабочий или служащий активно участвует в работе нескольких общественных организаций и поощряется дополнительными днями отпуска, то это не означает, что администрация и общественные организации должны автоматически суммировать все отпуска. Ведь наряду с отпуском может быть выбрана любая другая мера поощрения, например, награждение ценным подарком или премией, занесение на Доску почета предприятия, объявление благодарности и т. п.

В опубликованном в «Смене» (№ 8, 1983 г.) материале И. Родниной и А. Зайцева «Чемпионов тесный круг» значительное место было уделено первым олимпийским чемпионам по танцам на льду, заслуженным мастерам спорта Л. Пахомовой и А. Горшкову. Откликнувшись на эту публикацию, многие читатели обратились с просьбой ответить на их вопросы к Людмиле Пахомовой. Все эти вопросы и легли в основу беседы, которую мы предлагаем вашему вниманию. Надеемся, что ответы на свои письма найдут в материале Н. Ковальчук (г. Коростень Украинской ССР), А. и Н. Щербина (Кишинев), В. Заварзин (Горький), группа учащихся ПТУ (Элиста), Е. Климова (Львов), В. Данильченко (Константиновка Донецкой обл.), семья Гавриленко (Харьков), группа школьников (п. Култук Иркутской обл.), Е. Вершинина (Борисов Белорусской ССР), С. Гулых (совхоз Самарский Тульской обл.), Алла К. (Горький), Настя В. (Винница).

«Смена». Людмила Алексеевна, судя по адресованным к вам вопросам, интерес, проявленный читателями, сосредоточен вокруг двух основных тем. Первая — ваша тренерская деятельность. Вторая — настоящее и будущее танцев на льду. Начнем по порядку. Вспомните, пожалуйста, подробности вашего дебюта в качестве тренера.

Л. Пахомова. Решение стать тренером было в некотором отношении неожиданным для меня самой. Я, конечно, знала, еще когда мы выступали, что моя работа будет связана с фигурным катанием: слишком много сил и времени было отдано этой сложнейшей, уникальнейшей спортивной специальности... Но вот как раз тренером я становиться не собиралась. Что это такое — тренерская работа, я имела возможность понять за годы постоянного общения со своим тренером Еленой Чайковской. Мы на высоком уровне шли последние шесть лет. Работали на пределе нервных и физических возможностей. Бремя лидеров — очень и очень тяжелая ноша. Резкие перепады настроения, то тревоги, то радости, волевое преодоление постоянно возникающих трудностей и помех, в виде болезней, скажем, — все это было привычным жизненным фоном. И вот, зная, что у моего тренера семья, ребенок, и зная, что все это отодвинуто у нее на второй план, а на первом месте эти драмы, эта борьба, наш успех, наши промахи, — видя все это, я твердо решила, что никогда не буду тренером.

Я думала: «Мы добились той цели, которая перед нами стояла, о которой может мечтать каждый спортсмен, и опять все начинать заново, уже с учениками, неинтересно». И кроме всего прочего, я считала, что просто не выдержу — такая накопилась нервная усталость. И так вплоть до самого последнего момента. Я твердила себе, что мне это не нужно, что через все это я уже прошла, все пережила... А потом вдруг открылось, что мне не обойтись без этой жизни и даже, наверное, без этого изнурительного ритма. Но дело, конечно, не только в привычке, остает-

ся огромный опыт, появляются какие-то свои идеи, и, естественно, возникает желание как-то все это реализовать, кому-то передать то, что с таким трудом постигла сама... Вот так вышло, что я все-таки решила попробовать. Причем даже без паузы. Я начала работать тренером в тот же день, когда состоялись наши торжественные проводы. Это была встреча с парой Карамышева — Синицын. Они тогда выступали в Свердловске, я помогала им в подготовке к сезону. Сильная, серьезная пара. И в те же дни состоялось мое знакомство с юными фигуристами, которые сейчас составляют костяк моей группы в ЦСКА.

«Смена». Этот вопрос часто задают начинающему тренеру, чье блестящее спортивное прошлое еще у всех в памяти: «Что труднее — выступать или тренировать?»

Л. Пахомова. Это совершенно разные вещи. Единственное, что можно сравнивать, так это эмоциональное состояние тренера и спортсмена во время выступления. По степени нервной напряженности, ответственности, взволнованности они идентичны. Но причины, вызывавшие это состояние, различны. Спортсмен полностью перевоплощается в тот

образ, который он должен сейчас продемонстрировать зрителям и судьям. А тренер, напротив, должен быть предельно трезв и холоден, проявлять только такие эмоции, которые могут помочь его ученику выйти на старт в нужном состоянии. Тренер не позволяет себе увлечься тем, что сейчас увлекает зрителей. Он не просто смотрит, он анализирует.

«Смена». Ваши воспитанники из ЦСКА Анненко — Каркачев стали чемпионами мира среди юниоров. Можно ли говорить в данном случае, что успех тренера предопределен умным отбором?

Л. Пахомова. Интересного при отборе я еще ни разу не видела. Когда приходят молодые спортсмены, самые маленькие в 10 лет, иногда в 12, 14, — все равно надо начинать с нуля. Они по-разному обучены кататься, у них разный уровень хореографической подготовки. В этом возрасте важно гармонично их развить, подготовить к тяжелой, серьезной работе, их надо «растачивать»... Конечно, есть спортсмены, одаренные от природы музыкальностью, артистичностью, но это еще не гарантия на будущее. Потому что после 18 лет вы открываете совершенно другого человека, и вот только тогда начинается самое главное. Этот переход очень болезненный. Происходит перестройка всего организма, меняется мироощущение, формируется мышление. Как раз в этот период они должны доказать, что они взрослые.

Фото Анатолия БОЧНИНА

«Смена». Оставляя в стороне вопрос о природных данных и внешних обстоятельствах, какие проявления личности спортсмена-фигуриста вам кажутся необходимыми условиями для успеха?

Л. Пахомова. Прежде всего ответственное отношение к делу. Подготовка физическая, хореографическая, специальная происходит постоянно, с самых первых шагов на льду и до самого последнего выступления. Вот сегодня ты последний раз выступаешь, но ты должен и сегодня заниматься и тренироваться. Если что-то уйдет из поля зрения, если чему-то уделить второстепенное внимание, тут же это выйдет наружу. Второе — достаточно высокая внутренняя культура. Низкий интеллект до какого-то периода может не казаться препятствием при необыкновенных физических данных. Но вот наступает определенная фаза во взаимоотношениях спортсмена и тренера — это хорошо, если наступает, должна наступить — когда спортсмен дорастает до своего тренера или даже перерастает его. Информация, которую он получает за годы тренировок, настолько велика, и он ее всю перерабатывает, что его теоретические знания полностью соответствуют теоретическим знаниям тренера. И человек идет дальше. А тренер играет другую роль. Он занимается корректированием и контролем. Он уже не столько учитель, сколько друг и соратник, человек, который все-таки тебя знает со стороны, знает лучше, может быть, чем ты сам себя знаешь, у которого есть о тебе тайны, про которые ты, может быть, никогда не узнаешь. Он знает, как ты ведешь себя в определенных ситуациях. А если у спортсмена отсутствует способность учиться, расширять кругозор, анализировать, то при некотором истощении природных способностей, при изменении фигуры, веса оказывается вдруг, что дальше ничего нет, и наступает полная остановка процесса совершенствования. Если только... тренер не возьмет все на себя, не отодвинет все на задний план, и своих других учеников в том числе, и не взвалит на себя этот тяжкий груз, и не потащит до тех пор, пока это само себя не изживет. Такие примеры я знаю. Тренер искусно конструирует тот образ, который вызывает симпатию у зрителя, а симпатию у зрителя вызывает только гармония, физическая и духовная.

«Смена». Об этой довольно оригинальной подмене широкая публика, конечно, не догадывается. Существуют ли еще среди функций тренера столь же неожиданные?

Л. Пахомова. Их столько, что даже я, хоть и варила в этом котле столько лет, не догадывалась о многом. Раньше занятое время исчислялось часами тренировок. А сейчас к тем же часам прибавилась работа с музыкой, которой я занимаюсь дома или в номере гостиницы по четыре часа каждый день. К этому прибавилось время, которое я трачу на организационную работу, чтобы обеспечить свою группу инвентарем, одеждой, время на обдумывание костюмов. Здоровье моих учеников, их учеба — это тоже моя забота. Родителям не сделают выговор на работе за то, что ребенок их плохо учится, а мне сделают. Если ребенок болен, то обычный ребенок может потихоньку лечиться, а ребенок-спортсмен так не может. Если у ребенка гланды, аденоиды, то родителей это может не очень беспокоить. Это беспокоит меня, потому что я хочу, чтобы ребенок этот вырос

на лед
приглашаются...

здоровым человеком и не проклинал бы потом всю жизнь свои занятия спортом. Я заинтересована в том, чтобы его вылечить, чтобы создать ему хорошее настроение, вот и бегаю по специалистам по всей Москве. Все это мое, мои обязанности, которых с меня никто не снимет. Прибавьте к этому общественную работу по пропаганде спорта, которой не стало меньше с тех пор, как я перестала выступать, а даже прибавилось.

«Смена». Из всего этого можно понять, что жизнь ваша целиком и полностью подчинена профессиональной деятельности. Не влечет ли это за собой некоторую однобокость, не сужается ли круг интересов?

Л. Пахомова. Однобокость? Все, что угодно, только не это! Эта жизнь бывает утомительна, иногда чересчур. Но как раз на однообразие мне грех жаловаться. Моя профессия позволяет мне общаться с композиторами, художниками, актерами, балетмейстерами, театральными режиссерами. Вряд ли какая-то другая профессия меня в этом смысле могла бы настолько удовлетворить.

Переходя ко второй группе читательских вопросов, связанных с танцем на льду как таковым, начнем с того, что вспомним самое характерное, что отличало дуэт Пахомова—Горшкова. Мы можем сказать, что пара Людмила Пахомова—Александр Горшков была одной из лучших в истории танцев на льду. Или что это сама история танцев. Больше того, их мастерство, их искусство во многом способствовало тому, что танцы на льду стали олимпийским видом, утвердили себя в качестве полноценного вида фигурного катания. Само собой, можно упомянуть о внушительной коллекции завоеванных ими наград. И всего этого будет недостаточно, или, если хотите, это будет не главное. Людмила Пахомова и Александр Горшков— первооткрыватели, провозвестники нового стиля, того самого, который в качестве советской школы танцев на льду завоевал и продолжает удерживать высокие позиции на мировой арене. Их катание было не только демонстрацией музыкальности, артистизма, синхронности, элегантно-сти, но это был танец в полном смысле этого слова, танец, преодолевший условность ледяной сцены, понятный, осмысленный, законченный, фабульный. И в этом танце наиболее заметным лицом была партнерша, это тоже шло вразрез с традициями. Да, собственно, и не партнершей была Людмила Пахомова, а танцовщицей. В ее многочисленных соло, производящих впечатление импровизации, явственно ощущалось женское начало, темперамент, настроение, шарм, же не просто выполнение какого-то пусть сверхсложного спортивного упражнения (программы), но жизнь в танце. Людмила Пахомова создала образ (не образец), обаяние которого так или иначе сказало и продолжает сказываться на формировании художественного облика почти всех наших пар. Легко распознать признаки этого влияния в стиле такой яркой, самобытной фигуристки, как Наталья Бестемьянова. Даже если бы Пахомова не стала тренером, не участвовала непосредственно в подготовке сильнейших наших фигуристов, мы бы постоянно помнили о ней, потому что привыкли приходить к знаменитой «Кумпарсите» все лучшее, созданное на льду ее последователями. Ей удалось сделать в фигурном катании то, что удавалось на сцене незаурядным балеринам,—выразить в танце душу музыки.

«Смена». Похоже, что ведущая роль партнерши стала специфическим признаком, отличающим советские дуэты. Закономерна ли такая ситуация?

Л. Пахомова. Я, может быть, не совсем точно сформулирую свою мысль, но, по-

моему, все зависит от психологического тона партнера и от ее общественной predispositionности. Как правило, в зарубежных дуэтах лидирует партнер. Других вариантов я не знаю. Как ниточка за иголкой, идет партнерша за партнером, но и в жизни роль ее в общем-то схожа. У нас в социальном отношении женщина выглядит ярче, самостоятельней, раскованней. Это одно объяснение. Другое заключается в том, что фундамент нашей советской школы—это русский классический балет. Там партнерша всегда первая. На ее партии держится рисунок танца. Конечно, и у нас бывает иное распределение ролей. Например, в паре Моисеева—Миненков. Но для нас это нетипично. Так же, как за рубежом нетипично лидерство женщины.

«Смена». Вы указали связь советской школы танцев на льду с классическим балетом. Следует ли это понимать буквально или речь идет скорее о духовном сходстве?

Л. Пахомова. Это абсолютно реальная, конкретная связь. Мы все взяли из балета: принципы постановки, движения, жесты, пластику. Причем фигуристам подвластны и дивертисмент, и действенный танец, такой, который показывает отношения между людьми, раскрывает образ. В работе советских тренеров, безусловно, отражаются определенные этапы в развитии балета. Мы стараемся в современном танце использовать те принципы архитектуры, скульптуры, психологической разработки, которые нас восхищают в балетах Григоровича. Разумеется, это все не механическое перенесение со сцены театра на лед. Хотя мы берем все движения из хореографии, но они идут с продвижением, со скольжением, украшаются иногда от этого, иногда, наоборот, искажаются, некоторые движения можно сделать только на большой скорости. Наверное, балетмейстер, который впервые сталкивается с нашей спецификой, задумывается, как будет выглядеть его сочинение на большом ходу, но мы уже заранее это знаем, как бы умножаем на коэффициент скорости...

«Смена». Когда мы, публика, смотрим танец, то, как правило, вторую оценку, «за артистичность», можем поставить и сами. Пусть это не квалифицированное мнение, но оно более или менее уверенное. С первой оценкой—«за сложность»—труднее. Можно ли в популярной форме объяснить, чем отличается специфическая техника фигуристов-танцоров?

Л. Пахомова. Высокая техника фигуриста, не только танцора, характеризуется, как мы говорим, «реберностью». Это—общее понятие. Выполнение каждого движения, каждого самого маленького движения и даже части движения складывается у фигуриста из того, как он это делает коньком. Постановка конька (на ребро) должна быть безукоризненной, близкой к идеальной. У нас, например, не существует движения по прямой, я имею в виду по прямой абсолютной. То есть может быть какая-то комбинация движений, которые строятся по прямой, но сами движения состоят из дуг. Или вращения. Вращения для фигуриста не самоцель. Это не проблема. Иногда считают, что чем больше фигурист оборотов сделает, тем он техничнее. У нас не это главное. Можно сделать очень много оборотов, но вращаться неправильно, с плохой центровкой, с неправильной постановкой конька, шумно.

Иногда зритель не может объяснить себе, что именно ему понравилось. Но он может четко сказать себе: «Мне понравилось, как они катались, как легко, как плавно, как совершенно незаметно, как будто без толчков они танцевали какой-то танец». Зрители это видели. Судьи—тем более. В основном судьи оценивают исполнение, а когда они оценивают исполнение, они смотрят прежде всего ниже коленей (чего никогда не делает зритель).

«Смена». И в то же время непрерывность танца, его органичность, естественность суть проявления артистичности, музыкальности спортсмена, а эти качества уже подлежат категории оценки за «артистичность». Так?

Л. Пахомова. Правильно. Но на высоком

уровне исполнения техника и артистизм должны сойтись. Они как бы стремятся друг к другу.

«Смена». Можно ли в таком случае вывести некий идеал танцора?

Л. Пахомова. Идеал? Совершенство никто не достиг, хотя каждый к этому стремится. В танцах такая категория оценок вообще невозможна, потому что тут не отдельные танцоры, а пары. А сравнивать пары трудно, они все разные. За всю историю танцев я не знаю двух сильных пар, которые были бы похожи... Тенденция в танцах выделять трудно, потому что здесь существуют разные школы, с разными традициями. Танцы созданы были в Англии много лет назад и представляли из себя совсем иное зрелище, нежели сегодня. Американцы вообще катаются по-своему. А советская школа отличается и от той, и от другой. Отсюда разные стилиевые особенности и разные технические приемы. Иной раз наши коллеги берут русскую музыку, но исполняют ее по-своему. Или наши фигуристы берут музыку американских композиторов и исполняют ее так, как предписывает наша школа. Я наблюдаю следующее: происходит взаимобогащение и поиск каких-то новых выразительных средств. Если зарубежные школы учатся у нас артистичности, то мы иной раз учимся у них особым приемам техники.

Последние десять лет у нас поиски велись по пути оригинальной балетмейстерской мысли. Кто оригинальнее, интереснее и новее выразит себя в своем танце, тому отдавалось предпочтение. Но мы слишком увлеклись, утратили чувство меры, так что равновесие было нарушено. Торвилл и Дин недвусмысленно направили нам своим танцами последних лет, что неплохо бы посмотреть вниз, неплохо бы увидеть свои ноги, свои коньки и призадуматься над тем, а что там делается, в то время, как мы всецело заняты созданием художественного образа. С нас немножечко вернули в спорт. Так что сейчас уже идет поиск в плане изобретения новых средств, наших, специфических, ледовых. Если раньше мы брали больше из балета, то сейчас начинаем искать у себя, придумывать новые элементы, оригинальные приемы владения коньком...

«Смена». И вот мы по логике подошли к щекотливому вопросу. Предположим, вам удалось воплотить свои замыслы в жизнь. Но всегда ли безошибочно мнение судей? Ведь среди них могут быть и такие, которые необязательно разделяют ваши взгляды на развитие фигурного катания? Каково вообще ваше отношение к судейству?

Л. Пахомова. Когда мы выступали с Сашей, мы не знали своих судей. Мы здоровались, улыбались, но мы не знали, кто эти люди. Они иногда к нам подходили и что-то советовали, но мы не знали, кто они. Мы воспринимали этих людей как специалистов. Иногда Чайковская говорила: «Вот идет судья, поздоровайся». А я спрашивала: «Кого судит этот судья?» А она говорила: «Этот судья судит тебя, и судил тебя сегодня утром, и будет судить завтра вечером». Но как нужно относиться к судьям, я не могу посоветовать. Мои ученики, наверное, знают своих судей, и, наверное, они приняты, какие оценки им ставили, кто добрый, кто злой. Нам как-то жилось легко. Мы ко всем относились равно, думали: «Раз низкую оценку поставили, значит, что-то было плохо...» Как тренер, я знаю их. И я знаю всего несколько судей в мире, которым могу полностью доверить оценку моего труда и труда моих коллег, моих учеников. Но большинство из них—это люди, для которых основной критерий: «Нравится или не нравится». Поэтому для внутренней оценки того, что я делаю, я больше ориентируюсь на специалистов, своих коллег, тренеров, и наших и зарубежных. Судейство в фигурном катании—вещь очень непростая. Особенно в танцах. Здесь нет точных критериев. Ну, сложность... А что такое сложность? В правилах это не оговорено. Я, например, могу считать сложным простое движение в быстром темпе или простое движение, которое исполняется в неудобном положении,—выглядит просто, но технически трудновыполнимо. Сложным может быть медленное движение, которое исполняется с наклоном. Сложными могут быть темп, частота движения. Так что многогранно понятие «сложность». А понятие «артистичность» тем

более. Один считает артистичным фигуриста, у которого красивое лицо и улыбка. Другой ценит большой шаг, третий—музыкальность, гибкость. Самое обидное в любом творчестве—быть неприятным. Иногда это—быть непонятым.

«Смена». В искусстве, а мы убедились, что и танцы на льду принадлежат к этому роду деятельности, роль судей выполняет критика и частенько при этом допускает промахи. В таких случаях окончательный приговор выносит время.

Л. Пахомова. Да, такое бывает и у нас. Иногда танец опережает свое время, ни публика, ни судьи не готовы к его восприятию. Только такая ошибка, увы, непоправима. Танец станцевали, и его нет. Если его станцевать в другой раз, это будет уже другой танец. Если нас поймут и оценят позже, это будет только утешение, а не признание. Иногда мы смотрим в записи танец, который в свое время вызывал споры, недоумение, непонимание, и удивляемся, что тут было непонятого—таким он кажется простым, милым.

«Смена». Но каков же выход из тупика? Эксперимент чреват непониманием, а непонимание означает поражение. Спорт немалым без стремления к победе, искусство без эксперимента. Как же разрешается это противоречие?

Л. Пахомова. Надо экспериментировать. Но для этого существует особая тактика, что ли. Можно выделить два этапа. Когда спортсмен начинает свою карьеру, он может и должен экспериментировать, терять ему ничего. Когда он занял место в элите, тут ему иной раз приходится придерживаться существующих канонов, правил, традиций, чтобы приблизиться к эталону, а эталон—это уж никак не авангард. Допустим, ему удалось занять позицию лидера благодаря такому компромиссу, и теперь уже так: если это талант, если это думающий человек, то он использует свое видное со всех сторон положение и начнет вновь искать, и все пойдут за ним, и тоже будут искать. Если у него не хватит способностей и характера, то он будет цепляться за свое место, за свои прежние штампы и сгорит на них. И следующие, стоящие за ним—они не понимают, что им делать, они стараются держаться за своего предшественника, который сгорел на своем коне деревянном, они стараются ему вторить, чтобы понравиться судьям, и в результате их рост тоже останавливается. И вот тут-то вырываются пылые, шестые, более оригинальные, более смелые... Но я считаю достойным уважением, когда лидер решает пойти на риск—в своих поисках, в своих идеях.

В заключение нам остается поблагодарить Людмилу Пахомову от лица всех читателей, кому интересен этот популярнейший вид спорта. Расширить представление о тех сложных, противоречивых явлениях, которые сопутствуют танцу на льду, было главной целью нашей встречи. Но мы бы покривили душой, если бы стали скрывать вполне естественное, чисто человеческое любопытство, которое вызывает в нас знакомство со знаменитой спортсменкой. Уместно поэтому упомянуть, что, став тренером, Людмила Пахомова сознательно стала на тот путь жертвенности, который ее изумлял в свое время в ее тренере Е. Чайковской. И у нее своя семья и те же заботы жены, матери, дочери. Разница лишь в том, что она, помимо тренерской деятельности и общественной работы, преподает в ГИТИСе (ее дисциплина «композиция на льду») и заведует там отделением «Балетмейстер фигурного катания». Каким образом ей удается совмещать все это и как она организует свое время—вопрос настолько интересный, что требует отдельного интервью. Удовольствуемся пока тем, что сама она, как мы слышали, этой «странной» жизнью довольна. Мы убедились: это—личность. Личностью она была на льду, личностью остается и сейчас.

Беседу вел
Евгений БИЛЬКИС.

Знакомый голос

К

ак долго может певица оставаться в тени, ждать своего звездного часа?

«Золотой соловей» — высшая музыкальная награда Чехословакии, о которой мечтает каждый исполнитель в стране, — никак не давался в руки Гелене Вондрачковой. Музыкальные критики рассыпались в похвалах, называли ее «вокалисткой номер один», а слушатели, определяя лучшую певицу

ним в комнате и разучивали народные песни, пытались даже исполнять арии из опер. Позже я посвятила ему одну из своих песен — «Я и папа».

Как-то отец принес приглашение принять участие в конкурсе молодых талантов. Сказал тогда: «Пора начинать серьезно. Попробуешь?» Конкурс я выиграла и запомнила его навсегда — впервые пришлось петь в микрофон. После этого все и началось! Меня записывали на радио, снимало телевидение, появилась первая долгоиграющая пластинка.

В 1964 году выиграла престижный

многоступенчатый конкурс «Ищем новых исполнителей». Тогда же состоялся большой концерт лауреатов в Праге, и мою песню «Красная река» (интерпретацию американской народной баллады) признали наиболее удачной. Предложили работать в пражском театре «Рококо», со сцены которого окончательно развеяла сомнения тех, кто на самоучек смотрел свысока.

**Гелена Вондрачкова:
«Я пришла на XII Всемирный»**

года, отдавали большинство голосов Наде Урбанковой, Еве Пиларовой, Хане Загоровой, даже молодой Петре Яну. Гелене же всегда недоставало до обидного мало — одного-двух баллов, чтобы подняться на высшую ступеньку. Популярный журнал «Мелодие» однажды озаглавил материал о певице так: «Интервью с вечно второй»...

В том интервью говорилось, что два из трех дней Гелена Вондрачкова проводит вне дома.

Потому, когда я набирал недавно номер ее пражского телефона, не было никакой уверенности, что удастся поговорить. Но вот длинные гудки в трубке сменились приятным голосом хозяйки. Везение?

— Представьте, за минуту забежала домой по пути на запись телепрограммы, посвященной Международному женскому дню 8 Марта.

— Примите поздравления из Советского Союза от читателей журнала «Смена».

— Спасибо. Думаю, совсем скоро мы увидимся в Москве и других городах. В нынешнем году собираюсь приехать в СССР дважды — в составе делегации чехословацких деятелей культуры на празднование 40-й годовщины освобождения моей родины от фашистских захватчиков, а также в дни проведения XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

— Сколько раз приезжали в нашу страну на гастроли?

Гелена извиняется... сбилась со счета — что-то около двадцати... Я прошу рассказать певицу о своем творческом пути...

— Как и когда научилась петь?.. Меня называют самоучкой, потому что специальных музыкальных заведений я не заканчивала. Брала уроки у известных педагогов. Многому научил меня профессор Каренин, ученик Федора Ивановича Шаляпина. Еще в школе пела на вечерах и праздниках. Мой отец играл на фортепиано, часто мы записались с

Затем участие в музыкальном фестивале «Братиславская лира-66». Мы пели в дуэте с Мартой Кубишевой. Исполнили песню «Ох, эти женщины!» и получили третью награду. Памятно мне участие в фестивале песни в Рио-де-Жанейро, куда нас вместе с Карелом Готтом приглашали и в качестве членов жюри. К числу курьезов отношу мое 13-е (несчастливое!) место на Всемирном фестивале песни в Токио, тогда же моя песня «Остров сокровищ» по несколько раз в день передавалась по радио и ТВ.

Многие наши чехословацкие певцы, если не сказать все, изъявляют желание работать в театре. Музыкальный театр у нас — своего рода лаборатория творчества, где дают «путевку в жизнь» молодым. Мой же «театральный роман» — эпизод в творческой карьере, довольно непродолжительный, хотя и очень важный. Действительно, нет в Чехословакии певца, который бы не работал в самых разных театрах. Вместе со мной из «Рококо» вышли Вера Шлиарова и Вацлав Нецкарж, из знаменитого «Семафора» — Йозеф Лауфер и Вальдемар Матушка, вместе с композитором Ладиславом Штайдлом и его братом Карел Готт организовал «Аполло», в котором расцвел талант Ханы Загоровой. Это давняя традиция, которой мы все придерживаемся, — связывать свою музыкальную жизнь со сценой. Очень важно, чтобы молодой начинающий исполнитель поработал бок о бок со старшими товарищами. У нас единое мнение: пока ты не научился петь и вести себя на сцене, не торопись выходить к микрофону.

Советские телезрители не так давно могли видеть меня в дуэте с Иржи Корном на сцене пражского концертного зала «Люцерна». Мы исполняли (и танцевали!) не только чешские песни, но и популярные произведения наших друзей — Оливии Ньютон-Джон из Австралии, американки Барбры Стрейзанд, британского певца Стиви Уандера и других. Почти два года мы работали с английским композитором Лесом Ридом, «крестным отцом» таких «звезд», как Том Джонс и Энгельберт Хампердинк. «Меня очаровали славянские мелодии», — признавался он неоднократно. Собственно, нет разницы, на каком языке ты поешь, главное — с какими чувствами выходишь к своему слушателю...

...Когда Гелена поет, она увлекает своим темпераментом, разыгрывая с друзьями-партнерами на сцене своеобразные спектакли. Точнее сказать — музыкальные спектакли, в которых в один ряд выстраиваются раздумья о времени и о себе, любовная лирика и романтические баллады о счастье. Обладательница «платиновой» и нескольких «золотых» пластинок чехословацкой фирмы грамзаписи «Супрафон», своим девизом она выбрала слова: «Любовь моя — песня, она всегда останется с нами!»

Этими словами Гелена Вондрачкова начинает и заканчивает каждое свое выступление.

Владимир КОВАЛЕВ